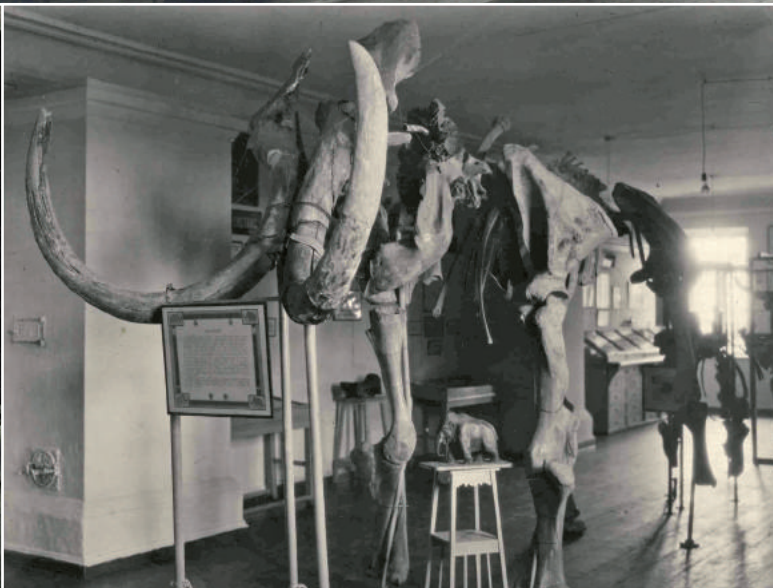

3 (15)
2015

ПЕНЗЕНСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

- 110 лет Пензенскому краеведческому музею
- Автограф от переводчика Данте
- О культуре мордвы языком науки

Пензенское краеведение

Научно-популярный журнал

Редакционный совет:

Первушкин Владимир Иванович,
главный редактор

Власов Вячеслав Алексеевич,
редактор школьного отдела

Евневич Татьяна Алексеевна,
*редактор отдела «Родная старина»,
«Точка на карте области»*

Зименков Владимир Николаевич,
редактор отдела «Музейная мозаика»

Лебедева Лариса Витальевна,
*редактор отделов «На заметку краеведу»,
«Личность в пензенском краеведении»*

Горланов Геннадий Елизарович,
*редактор отдела
«Пенза – моя вдохновительница»*

Мурашов Дмитрий Юрьевич,
*редактор отдела
«Культурное наследие»*

Кайманова Татьяна Александровна,
*редактор отдела
«Здравствуйте, я ваш экскурсовод!»*

Самсонов Владислав Юрьевич,
*редактор отдела
«Тайны, находки, открытия»*

Сиротин Олег Владимирович,
технический редактор

Юшечкина Дарья Анатольевна,
ответственный секретарь

Ягов Олег Васильевич,
редактор университетского отдела

№3 (15)
2015

Выходит 4 раза в год

Учредители:

Региональная общественная организация краеведов Пензенской области
Пензенский государственный университет

© Региональная общественная организация краеведов Пензенской области

Адрес редакции:

440026, г. Пенза, ул. Лермонтова, 37,
к. 238; e-mail: rookpo58@mail.ru

На первой странице обложки:

Здание Пензенского областного краеведческого музея. 1940-е гг. Из фондов ПГКМ.

На внутренних страницах обложки:

Сотрудники и экспозиции Пензенского краеведческого музея. Фотографии разных лет. Из фондов ГАПО и ПГКМ.

Содержание

Наши юбилеи

В. Н. Зименков
К ИСТОРИИ ПЕНЗЕНСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ 3

Т. А. Евневич
ЛИЧНЫЕ ФОНДЫ МУЗЕЙНЫХ РАБОТНИКОВ
В ГБУ «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ» 10

Ю.Н. Макарова
ФОНДЫ ПЕНЗЕНСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ 15

С. А. Никушкин
ЗАМЕТКИ БИБЛИОТЕКАРЯ 18

Л.Н. Иванова, Л.А. Новикова, Н.А. Леонова, И.В. Агаева
ОНЧУКОВА-БУЛАВКИНА АННА АЛЕКСАНДРОВНА
(ПИСЬМА В.Л. КОМАРОВУ И И.И. СПРЫГИНУ) 21

Личность в пензенском краеведении
ГЕОРГИЙ ВИКТОРОВИЧ ЕРЁМИН (05.12.1927-23.08.2015) 26

М.Л. Савина
СЕМЕЙНАЯ РЕЛИКВИЯ СЕМЬИ РАДИЦЕВЫХ 27

Культурное наследие
Д.Ю. Мурашов
АВТОГРАФ ОТ ПЕРЕВОДЧИКА ДАНТЕ 29

Наука
Т. Н. Кузьмина, Н. А. Шарошкин
ПЕНЗЕНСКАЯ ПИСЧЕБУМАЖНАЯ ФАБРИКА
«МАЯК РЕВОЛЮЦИИ» (1918 – ИЮНЬ 1941 гг.) 32

Тайны, находки, открытия
А.Н. Соболев
ПЕНЗЕНСКОЕ ГУБЕРНСКОЕ ЖАНДАРМСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ (1913 – 1917) 36

В.Ю. Кладов
ПЕНЗЕНСКИЙ ОБОРОНИТЕЛЬНЫЙ РУБЕЖ В 1942–1944 гг. 40

Точка на карте
Ю.М. Кузьмиров
КОЗЬЕ БОЛОТО 43

Школьные страницы
С. А. Ковылов
ЗАРОЖДЕНИЕ ПЕНЗЕНСКОЙ ГОРОДСКОЙ СИСТЕМЫ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ 50

А.Ф. Тарасов
ВЕЛИКИЙ ПЕДАГОГ ИЛЬЯ АНДРЕЕВИЧ КОЛЯДИН 55

С.Б. Нестеров
ПОЛИВАНОВСКАЯ ПЛЕЯДА 58

Советуем прочитать
В.И. Первушкин
ПРИБЛИЖЕНИЕ К ВЕЛИКОМУ НАСЛЕДИЮ 66

Д.А. Юшечкина
ПРИКОСНИСЬ К «СЕРЕБРЯНОМУ РОДНИКУ» 67

Н.Г. Кузнецова
О КУЛЬТУРЕ МОРДВЫ ЯЗЫКОМ НАУКИ 68

Т.А. Кайманова
НЕИЗВЕСТНЫЙ КУПРИН 71

О.А. Сухова
МИНИСТР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ ДУРНОВО: ПОРТРЕТ НА ФОНЕ ЭПОХИ 73

Конференции
Г.А. Мельничук, Н.В. Степанова
ДЕВЯТЫЕ ВСЕРОССИЙСКИЕ КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ 75

В.И. Первушкин
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ
СРАЖЕНИЮ ПОД ШИШЕВСКИМ ЛЕСОМ В 1365 ГОДУ 79

Сведения об авторах 80

НАШИ ЮБИЛЕИ

В. Н. Зименков

К ИСТОРИИ ПЕНЗЕНСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

В 60–90-х гг. XIX в. практически во всех губернских городах России возникают местные музеи. Вопросы об их создании и деятельности обсуждаются на заседаниях научных обществ, статистических комитетов, ученых архивных комиссий и земских учреждений. Собранные при этих организациях большое количество различных книг и документов стимулировало интерес к изучению прошлого края, явилось основой создаваемых экспозиций и коллекций будущих провинциальных музеев, архивов и библиотек. Местные музеи становятся центрами исследования края, инициаторами организаций археологических исследований и экспедиций по изучению природы, быта, этнографии, промыслов и памятников старины, издаются сборники материалов и свои «Труды...».

Вопрос о создании музея в Пензенской губернии ставился на страницах местной печати ещё в середине 1860-х гг., подобные предложения неоднократно возникали и в 1870–80-х гг. С образованием Пензенского губернского статистического комитета (ПГСК) 6 мая 1835 г.¹ здесь постепенно начинают формироваться библиотека и музей. В 1901 г. известный краевед Г.П. Петерсон в «Пензенских губернских ведомостях» очень тепло отзывался об историко-археологическом музее при статкомитете, который «заключает в себе целые коллекции по археологии, палеонтологии, нумизматике, этнографии, пчеловодству, энтомологии и минералогии и едва может вмещать в себя все находящиеся в нем коллекции»².

Значительный вклад в развитие краеведения внесли члены Пензенского общества любителей естествознания (ПОЛЕ). Впервые вопрос о его создании возник ещё в 1903 г., когда небольшой собравшийся по инициативе Ф.Ф. Федоровича кружок, состоящий из преподавателей учебных заведений города Пензы и членов лесного ведомства, выработал Устав общества и программу его будущей деятельности. Из-за незначительных поправок в Уставе, не искажающих существенно его основного характера, Министерство народного просвещения утвердило его лишь 4 ноября 1904 г. Извещение же об утверждении Устава получено было Ф.Ф. Федоровичем в начале 1905 г. Принимая во внимание неблагоприятные для открытия общества обстоятельства, связанные с началом Первой российской революции, члены-учредители решили несколько повременить с официальным его открытием.

Первое общее собрание Пензенского общества любителей естествознания состоялось 28 апреля 1905 г. в Большом зале художественного училища. На нем присутствовали члены-учредители общества: Ф.Ф. Федорович, А.Ф. Дюбур, Д.Ф. Попов, М.П. Соловьев, А.Н. Магницкий, К.К. Штольц, Н.Н. Державин, Н.П. Евграфов, П.М. Иллюстров, П.С. Бутов, И.И. Спрыгин, А.А. Долгушин, В.В. Травин и четыре посторонних посетителя.

Согласно § 13 Устава были проведены выборы председателя общества и членов совета. В результате закрытой баллотировки председателем ПОЛЕ был избран

Ф.Ф. Федорович, а членами совета стали: М.П. Соловьев (товарищ председателя), И.И. Спрыгин (секретарь), А.Н. Магницкий (хранитель музея, библиотекарь), Н.Р. Евграфов (казначей) и К.К. Штольц³. Первоначально общество состояло из 22 членов-учредителей, постепенно к ним присоединилось 32 вновь избранных действительных члена и 3 члена-сотрудника. Таким образом, к концу первого года существования общество состояло из 54 действительных членов и 3 членов-сотрудников⁴.

Несомненно, важную роль в становлении и развитии ПОЛЕ сыграл его первый председатель и заведующий зоологическим отделом Флориан Феликсович Федорович – влиятельный пензенский чиновник, помощник управляющего государственными имуществами, член лесоохранительного комитета и губернского статистического комитета, статский советник (5-й класс Табели о рангах, соответствующий чину генерал-майора). Мысль о создании в Пензе естественноисторического общества и музея возникла у него еще в 1880-е гг., и только через 12 с лишним лет эта мечта осуществилась⁵.

Для осуществления своей деятельности общество предполагало использовать средства, собранные в результате единовременных и годичных членских взносов, пособий, назначенных правительственными, земскими городскими и частными общественными учреждениями, а также деньги, полученные от продажи изданий, платы за лекции и посещение музеев, пожертвований и т.п.⁶. Ещё до организационного собрания общества членам-учредителям удалось договориться с Правлением общественной библиотеки им. М.Ю. Лермонтова о предоставлении одной комнаты в принадлежавшем ей помещении для хранения коллекций⁷.

В то же время некоторые из членов-учредителей общества начали работу по составлению программ и инструкций по сбору естественноисторических коллекций. Их предполагалось напечатать и разослать тем лицам, которые пожелали бы

заняться в Пензенской губернии сбором естественноисторических предметов. При этом прежде всего имелись в виду учителя и учащиеся, а также те кто уже давно увлекался естественной историей, но часто, не имея достаточной подготовки и знаний в этом вопросе, не смог из собранных предметов составить коллекции, имеющие научное значение. Были подготовлены инструкции по сбору птиц, млекопитающих и других позвоночных животных и программа по составлению гербария цветковых и высших споровых растений⁸. К сожалению, этим планам не удалось осуществиться из-за отсутствия необходимых средств.

Главнейшей задачей общества стало оборудование музея природоведения, где лица, интересующиеся естествознанием, могли бы знакомиться с различными творениями и явлениями природы. Начало коллекции музея было положено летом 1905 г., когда был собран небольшой зоологический материал. Позже поступили довольно значительные пожертвования от членов общества и посторонних лиц. После чего совет ПОЛЕ принял решение занять помещение, выделенное Лермонтовской библиотекой, и 9 (22) сентября 1905 г. музей был открыт⁹.

Всего за первый год деятельности ПОЛЕ в музей поступило 105 предметов, которые по отделам распределились так: 90 – по зоологии, 13 – по геологии и палеонтологии и 2 – по ботанике¹⁰. Кроме того, 26 августа 1905 г. И.И. Спрыгин пожертвовал обществу собранную им коллекцию почв Пензенской губернии в количестве 340 образцов¹¹. В музее находилась также неразобранная коллекция орудий труда и других предметов каменного века из окрестностей Пензы. В отчете о деятельности ПОЛЕ за 1905 – 1906 гг. значится ещё около 20 фамилий тех, кто подарил свои экспонаты музею. Среди них можно выделить Демину, Бардина, Федоровича, Штольца, Бублея, Семашко, Симакова, Соколова, Сахарова, Чернозерского, принявших активное участие в работе общества.

Совет Пензенского общества любителей естествознания. 1913 г.

Сидят (слева направо): А.И. Ступина (Цилли), Н.Ф. Болдина, Ф.Ф. Федорович, И.И. Спрыгин, А.А. Штукенберг, Е.К. Штукенберг.

Стоят: М.Н. Алексеев, А.Н. Магницкий, С.П. Коровин, А.А. Диалектов, Н.Г. Заикин.

В создание музея большой вклад внес также А.Ф. Дюбуа и Я.Т. Симаков, которые безвозмездно выполняли обязанности по изготовлению чучел. В течение года ими было изготовлено 11 чучел и 24 шкурки птиц, обитающих в Пензенской губернии. Определение поступающих в музей предметов производилось главным образом его хранителем А.Н. Магницким, а также некоторыми другими членами общества. Из-за отсутствия научных пособий и определителей совет общества обратился в зоологический музей Московского университета с просьбой оказать содействие в определении позвоночных, бабочек, моллюсков, многоножек и некоторых семейств жуков. Стремясь собрать как можно больше экспонатов для музея, совет ПОЛЕ обратился в Пензенско-Симбирское управление земледелия государственных имуществ с просьбой предоставить А.Ф. Дюбуа право охоты и сбора коллекций птиц и млекопитающих

в казенных дачах Пензенской губернии¹². Препаратору А.Ф. Дюбуа было поручено также подготовить и провести беседу с членами общества о методах «снятия шкурок и набивания чучел»¹³. Практически на каждом заседании совет ПОЛЕ рассматривал вопросы нормального обеспечения работ по сбору, хранению и изучению экспонатов музея, снабжения необходимыми материалами и препаратами: подставками для чучел животных и птиц, стеклянными емкостями для влажных препаратов, булавками для насекомых различного размера, прессованной ватой, спиртом и т.п.

ПОЛЕ стремилось привлечь возможно больше заинтересованных лиц к участию в своей деятельности. Это было вызвано тем, что многие члены общества проживали в Пензе и не имели условий всестороннего изучения довольно обширной площади целой губернии. Поэтому решено было обратиться с воззванием ПОЛЕ

к тем любителям и исследователям природы, которые жили в разных уездах и нередко не имели информации о существовании в Пензе общества, считавшего своей задачей изучение родной природы.

Воззвание ПОЛЕ было разослано по уездам учителям земских и церковно-приходских школ и распространено среди учащихся некоторых учебных заведений г. Пензы. Благодаря принятым мерам в ПОЛЕ появились члены-сотрудники во всех уездах губернии (за исключением Краснослободского и Городищенского). Особенно оживилась деятельность учащейся молодежи г. Пензы. Многие энтузиасты выразили готовность собирать естественноисторический материал, и почти половина всех предметов и коллекций, поступивших за этот год в музей общества, была принесена в дар учащимися. Некоторые из них приняли участие осенью 1907 г. в двух экскурсиях: первая – на проток Ерни (в окрестностях Пензы) для сбора орудий и других остатков каменного века и вторая – на древний торфяник около г. Пензы для изучения ранее существовавшей в этой местности флоры и фауны.

Члены общества уделяли работе с учащимися особое внимание. Так, в отчете ПОЛЕ за 1905 г. отмечено, что «участие молодежи в деле изучения своей родины является отрадным фактом среди бедной вообще научными интересами провинциальной жизни и служит прочным залогом в научном и просветительном отношении»¹⁴.

Некоторые члены ПОЛЕ занимались специальными научными наблюдениями по изучению природы Пензенского края. Среди них можно отметить работу А.Н. Магницкого, который на основании документов XVII, XVIII, XIX вв. изучал вопрос об изменении природы окрестностей г. Пензы. И.И. Спрыгин обработал собранный им материал по боровой растительности в пределах Пензенского уезда, полученный им во время экспедиции 1906 и 1907 гг. Я.Т. Симаков представил в Общество свои 20-летние наблюдения

над периодическими явлениями в жизни птиц, проводившиеся им в д. Мастиновке и в г. Пензе¹⁵.

Постоянно увеличивалось число людей, отзывавшихся на призыв общества, а с прежними сотрудниками завязались более тесные и прочные отношения, определился круг лиц из числа охотников и рыболовов и других любителей природы, постоянно доставляющих материал для музея общества. В архиве Пензенского краеведческого музея представлены письма заведующего Атмисским двухклассным образцовым училищем Нижне-Ломовского уезда Георгия Дмитриевича Смагина, который был известен в губернии не только как краевед, но и как основатель первого школьного музея, в организации которого значительную помощь оказали ему члены ПОЛЕ. В своем письме от 1 апреля 1908 г. он благодарит совет за избрание его членом общества и обещает, что со своей стороны «будет стараться осуществлять широкие задачи и цели общества»¹⁶.

Очень показательным является также заявление о вступлении в ПОЛЕ учителя Василия Михайловича Беляева, проживавшего в селе Аришка, Городищенского уезда: «Желая по мере возможности содействовать целям общества, я изъявляю желание быть членом-сотрудником общества. Как любитель ботаники я могу доставлять сведения по флоре Пензенской губернии. Мною определено 367 видов дикорастущих растений в окрестностях села Аришки, Городищенского уезда. Желательно бы при помощи общества пополнить сведения по ботанике и получить указания относительно сомнительных при определении видов растений...»¹⁷.

Наряду с любителями природы большую помощь в сборе экспонатов оказывали местные жители, особенно из числа интеллигенции, сообщавшие о находках, которые могут заинтересовать членов Общества. Так, на заседании Совета ПОЛЕ было решено выкупить кости мамонта, найденные крестьянином села Рыбкина,

Краснослободского уезда, о находке которых сообщил учитель этого села Чудайкин¹⁸.

Для того чтобы наполнить коллекцию музея представителями флоры и фауны из других регионов России, было решено обратиться за помощью в различные научные общества, музеи и другие организации – в Императорское общество правильной охоты и зоологический музей Императорского Московского университета¹⁹. Уже в 1909 г. в музее насчитывалось 53 предмета, доставленных из-за пределов Пензенской губернии²⁰. Среди данных экспонатов числились предметы из Средней Азии, Оренбургской губернии и даже из Адельсбергского грота в Австрии (Австро-Венгрии)²¹. Было также положено начало созданию сравнительного гербария, состоящего из растений с ясными и типично выраженными видовыми признаками, которыми можно было руководствоваться при определении растений. В основу этого гербария была положена принесенная в дар И.И. Спрыгиным коллекция из 200 видов растений Пензенской, Саратовской, Казанской, Пермской губерний и области Войска Уральского²².

Одной из главных причин, сдерживающих работу музея и общества в целом, являлась теснота помещений. Находящаяся в распоряжении ПОЛЕ комната, предоставленная Лермонтовской библиотекой, не позволяла разместить все имеющиеся экспонаты и открыть музей для посетителей. Совет Общества вынужден был даже разместить часть своих коллекций в разных учебных заведениях города. Помимо тесноты, это помещение было также не приспособлено к работе, не отапливалось зимой.

Кроме того, уже в начале октября 1905 г. от правления библиотеки было получено извещение, в котором оно «ввиду опасности в пожарном отношении, просило общество подыскать другое помещение для музея и немедленно убрать из последнего спирт»²³. Такое решение правления библиотеки было совершенно неожидан-

ным для совета ПОЛЕ, т.к. при первоначальных переговорах нахождение коллекций музея в стенах библиотеки считалось вполне приемлемым. В действительности дом коллежского асессора, камер-юнкера Двора его императорского величества Андрея Павловича Дубенского на углу улицы Суворовской (Лермонтова), где с 1901 г. располагалась Лермонтовская библиотека, был деревянным, и угроза пожара была реальной²⁴.

Предложение правления библиотеки поставило совет ПОЛЕ в безвыходное положение, т.к. найти другое подходящее для музея помещение не удалось. Пришлось немедленно удалить спирт из музея и прекратить все вызывавшие недовольство библиотеки работы более чем на полгода. В результате этого большинство коллекций осталось неразобраным и не приведенным в порядок, а часть заспиртованных экспонатов испортилась.

1 марта 1910 г. на общем собрании членов ПОЛЕ было решено обратиться с ходатайством в Пензенскую городскую Думу с просьбой о предоставлении помещения для музея в одном из свободных городских зданий. В скором времени оно было удовлетворено. Общество получило три комнаты в доме бывшего полицейского управления на Троицкой (ныне Кирова) улице. Впоследствии к этому были добавлены еще три новые комнаты, что на некоторое время позволило решить одну из главных проблем и выполнить «давнишнюю мечту» – открыть коллекции для обозрения публики²⁵. Кроме того, Лермонтовское общество решило оставить за музеем комнату в помещении библиотеки, которую он занимал ранее. Здесь И.И. Спрыгин предложил разместить подвижной музей школьных пособий, который просило открыть при ПОЛЕ Пензенское городское управление, для выдачи на время городским школам разного рода естественноисторических пособий.

С переходом ПОЛЕ в новое помещение появилась возможность более рационально разместить имеющиеся у общества коллекции, которые долгое время лежали

в ящиках и шкафах, и выставить их для обозрения публики. Для сбора средств на оборудование музея и приобретение мебели предполагалось привлечь публику к пожертвованиям, устроить подписку через членов общества, а также обратиться с ходатайством о пособии в Министерство земледелия, которое всегда приходило на помощь вновь открываемым музеям, а также в Министерство народного просвещения. Кроме платных лекций, на совете ПОЛЕ было предложено также устроить выставку экзотических рыб, которая будет сопровождаться пояснениями за небольшую плату²⁶.

Устройство музея главным образом было закончено во второй половине января 1911 г., а 2 февраля в присутствии представителей городской администрации и губернского земства, после совершения молебна, состоялось торжественное открытие²⁷. В приветственных речах, произнесенных протоиереем Алявдиным, городским главой В.И. Потуловым, председателем земской губернской управы князем Л.Н. Кугушевым и начальником управления земледелия и государственных имуществ К.А. Шапошниковым, указывалось на значение музея для местного края и высказывались пожелания дальнейшего процветания общества²⁸.

Год открытия публичного музея явился решающим для ПОЛЕ. С этого времени оно впервые становится известным для многих пензенцев и начинает привлекать к нему все большие и большие симпатии со стороны посетителей. Первоначально музей открывался лишь в воскресные и праздничные дни на 3–4 часа. Со 2 февраля до летних каникул, в течение которых он был закрыт, его посетило 637 человек (112 взрослых и 515 учащихся). С граждан взималась небольшая плата (15 копеек с взрослых и 5 копеек с учащихся и детей до 10 лет)²⁹. Как в праздничные дни, так и в дни посещения музея группами учащихся здесь присутствовали дежурные члены общества, которые давали объяснения выставленным коллекциям,

следили за порядком и принимали передаваемые в дар экспонаты.

Первая от входа комната была рабочей, часть ее занимала лаборатория, которая использовалась также для временного размещения вновь поступающих предметов. Большая часть второй комнаты была занята коллекциями зоологического отдела. В центре ее располагалась витрина, в которой были расставлены чучела млекопитающих и птиц. Остальная часть орнитологической коллекции размещалась в обыкновенном шкафу. В этой же комнате находилась коллекция беспозвоночных животных, коллекция яиц и 5 небольших витрин с коллекциями насекомых – чешуекрылых и жесткокрылых. Большая же часть энтомологической коллекции, из-за отсутствия средств на приобретение специально приспособленного к хранению насекомых шкафа, находилась в неразобранном виде.

Третья комната почти полностью была отведена под минералогические, геологические и палеонтологические коллекции. Из трех больших витрин, стоящих в ней, две были заняты систематической коллекцией минералов и горных пород, третья – палеонтологической коллекцией. Кости ископаемого носорога и мамонта были выставлены отдельно на нескольких полках. Небольшой уголок был занят ископаемой флорой Пензенской и соседних губерний: здесь были представлены отпечатки листьев и куски окаменелого дерева, особенно обильно попадающиеся в третичных отложениях Городищенского уезда. Кроме того, в небольших витринах, развешанных по стенам и окнам, были сосредоточены коллекции минералов и горных пород, имеющие целью более наглядно показать практическое значение полезных ископаемых.

Ботанические коллекции из-за отсутствия отдельного помещения пришлось разместить вместе с материалами зоологического и минералогического отделов. Здесь были представлены гербарий Пензенской губернии, а также других местностей, наиболее типичные растения

лиственного и соснового леса и травяной степи. Кроме того, были выставлены небольшие коллекции грибов и лишайников Пензенской и других губерний, обрубки деревьев, некоторые плоды и другие растительные продукты³⁰.

Ввиду увеличения работ по устройству музея совет Общества выделил из своей среды заведующих отделами: зоологический отдел возглавил Ф.Ф. Федорович, ботанический – И.И. Спрыгин и Е.К. Штукенберг, отдел геологии и минералогии – А.Н. Магницкий, учебный отдел – А.И. Цилли и Н.В. Болдина. Общий надзор за музеем по-прежнему осуществлял его главный хранитель А.Н. Магницкий. Кроме заведующих отделами в работе по устройству музея принимали участие А.Ф. Дюбур и Я.Т. Симанков, которые препарировали шкурки и изготавливали чучела животных и птиц. Приготовление спиртных препаратов для животных осуществлял М.Н. Алексеев. Составление каталога птиц и другие обязанности по зоологическому отделу выполнял Н.А. Кабашов. Работы по приведению в порядок гербария и наклейке его на белую бумагу по образцу Императорского Санкт-Петербургского ботанического сада осуществляли Н.И. Спрыгина и М.В. Титова. Геологические и палеонтологические коллекции привел в порядок и сделал описание А.А. Штукенберг. Весь геологический материал по Пензенской губернии был просмотрен и определен посетившим музей геологом А.Д. Архангельским. Все работы по музею и по обществу по-прежнему осуществлялись безвозмездно.

Примечания

1. *Первушкин В.И.* Сколько лет пензенскому краеведению? // Пензенское краеведение. 2015. № 1 (13). С. 4.

2. Пензенские губернские ведомости» (ПГВ). 1901, № 209, 29 сентября, ч. Неоф. С. 3.

3. См.: Архив Пензенского государственного объединенного краеведческого

музея (ПГОКМ), Оп. 1. Д. 1. Л. 1-2, 3-4. Отчет о деятельности Пензенского общества любителей естествознания за 1905 – 1906 гг. (1-й год). Пенза, 1906. С. 1-5. (далее – ПОЛЕ).

4. Отчет о деятельности ПОЛЕ за 1905 – 1906 гг. Пенза, 1906. С. 4.

5. См.: Текст адреса, преподнесенного Ф.Ф. Федоровичу // Отчет о деятельности ПОЛЕ за 1915 – 1916 гг. (11-й год). Пенза, 1916. С. 35-36.

6. Устав ПОЛЕ. Пенза, 1914. С. 9.

7. Архив ПГОКМ. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-2.

8. Отчет о деятельности ПОЛЕ (1-й год). Пенза, 1906. С. 3-4.

9. Там же. С. 7.

10. Там же.

11. Архив ПГОКМ. Оп. 1. Д. 1. Л. 6

12. Там же. Л. 7.

13. Там же. Л. 7, 8.

14. Отчет о деятельности ПОЛЕ за десять лет с 1905 по 1915 год. Пенза, 1915. С. 12.

15. Отчет о деятельности ПОЛЕ за 1907 – 1908 гг. (3-й год). Пенза, 1907.

16. Архив ПГОКМ. Оп. 1. Д. 7. Л. 5.

17. Архив ПГОКМ. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

18. Там же. Д. 1. Л. 14.

19. Там же. Д. 5. Л. 1, 3; Д. 4. Л. 4-5.

20. Отчет о деятельности ПОЛЕ за 1908 – 1909 гг. Пенза, 1909. С. 6.

21. Там же.

22. Там же.

23. Отчет о деятельности ПОЛЕ за 1905 – 1906 гг. Пенза, 1906. С. 6.

24. *Дворжанский А.И.* История строительства здания Пензенской областной библиотеки им. М.Ю. Лермонтова // Пензенский временник любителей старины. Научный и научно-популярный сборник. Вып. 6. С. 17-19.

25. Отчет о деятельности ПОЛЕ за десять лет с 1905 по 1915 гг. Пенза, 1915.

26. Архив ПГОКМ. Оп. 1. Д. 1. Л. 34-35.

27. Отчет о деятельности ПОЛЕ за 1910 – 1911 гг. Пенза, 1910. С. 4.

28. Там же. С. 5.

29. Там же.

30. Там же. С. 2-3.

ЛИЧНЫЕ ФОНДЫ МУЗЕЙНЫХ РАБОТНИКОВ В ГБУ «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ»

Как и в любом учреждении, в Пензенском краеведческом музее работали и работают люди, без которых немыслима сама история музея, чьи имена будут знать все последующие поколения работников музея. Несомненно, к плеяде «незабываемых» музейщиков относятся и те, чьи личные фонды хранятся в ГБУ «Государственный архив Пензенской области» (далее ГАПО).

На сегодняшний день доступно для исследователей шесть личных фондов. Прежде всего, это личные фонды профессора, доктора биологических наук И.И. Спрыгина и его жены Н.И. Спрыгиной. Хотя, деятельность И.И. Спрыгина была весьма многогранной, связанной не только с краеведческим музеем, но многие экспонаты музея появились в нем именно благодаря Ивану Ивановичу. Документы семейного архива Спрыгиных поступили на хранение в ГАПО в 1994 г. от их дочери Людмилы Ивановны Спрыгиной.

Объем документов личного фонда И.И. Спрыгина составляет свыше 1200 единиц хранения. Сохранность такого значительного объема документов, несомненно, является заслугой его дочери Людмилы Ивановны, которая собирала и хранила буквально каждую бумажку, связанную с именем отца. Благодаря этому, в фонде представлены материалы не только научной и общественной деятельности И.И. Спрыгина, но и личные, имущественные документы, а также документы, возможно, не имеющие непосредственного отношения к Ивану Ивановичу, но передающие колорит эпохи, в которой он жил, например, лотерейные билеты сбора средств для детского приюта, визитные карточки, счета типографии и квитанции на оплату заказов Пензенским обществом любителей естествознания и др.

Самый ранний документ датирован 1883 г. Это фотографии из альбома И.И.

Спрыгина, самые поздние документы датированы 1993 г., это тоже фотографии, сделанные на научно-практической конференции, посвященной 120-летию со дня рождения И.И. Спрыгина.

Блок документов, характеризующих творческую деятельность И.И. Спрыгина, насчитывает 579 единиц хранения, систематизированных по направлениям деятельности и тематике исследований. Это рукописи И.И. Спрыгина и подготовительные материалы к ним по темам: «Растительный покров Пензенской губернии», «Изучение водяного ореха рода Трара», «Опыт анализа флоры Среднего Поволжья», «Флора Среднего Поволжья» и др. Значительный объем рукописного и машинописного материала затруднительно объединить в какой-либо тематический комплекс, настолько разнообразна его тематика и объемы: это и 257-страничная рукопись «Сосна и её спутники в Пензенском уезде» (Доклад в Казанском обществе естествознания в 1908 г.), и написанная на одном листочке записка И.И. Спрыгина о поисках нефти в Пензенской губернии. Разнообразна тематика статей, докладов и краеведческих работ: от проблем по охране и изучению природы Пензенского края до заключения по поводу достаточно сомнительных экспериментов по окрашиванию растений путём химического воздействия на их корни. Простое перечисление разновидностей и тематики документов этого блока, характеризует не только широту интересов И.И. Спрыгина, но и его поразительную работоспособность: подборки документов и подготовительный материал к рукописям, документы к составлению каталога растений, документы к почвенной и археологической картам, дневники наблюдений и записные экскурсионные книжки по Пензенской губернии (с 1891 до середины 1930-х гг.), документы о гербарии, карты,

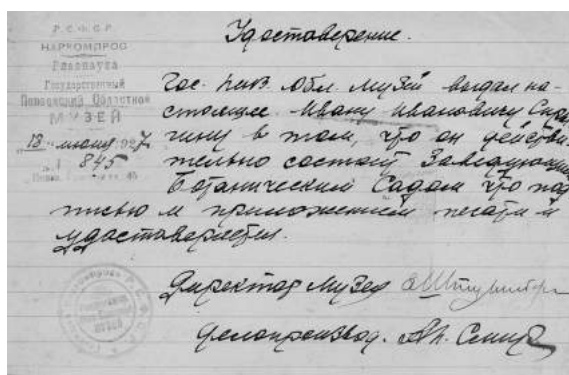
в составлении которых принимал участие И.И. Спрыгин и др.

Широко представлены в фонде документы различных экспедиций, в которых принимал участие И.И. Спрыгин, в частности, в Туркестан (1911–1914 гг.); Черниговскую губернию (1912–1914 гг.); в Жигули (1928 г.); документы Пугачёвско-Бузулукской экспедиции, кустанайской экспедиции (1929 г.); более 20 записных книжек и геоботанических отчётов по обследованию совхозов и МТС (1929–1930 гг.) Средне-Волжского края. Разновидность документов довольно стандартная: записные книжки, карты маршрутов, отчёты. Следует отметить, что не все документы по экспедициям созданы самим И.И. Спрыгиным, некоторые отчёты написаны другими участниками экспедиций, многие из которых впоследствии стали известными учёными в области биологии, например, М.В. Культиасовым, доктором биологических наук, профессором, автором более 100 научных работ; М.Г. Поповым, ставшим впоследствии членом АН Украины; Е.П. Коровиным, академиком АН Узбекистана и др.

Особо хотелось отметить наличие документов о заповедниках. Учитывая, что Попереченский и Жигулёвский заповедники существуют и по сей день, практический интерес к этим документам несомненен.

Переписка И.И. Спрыгина с различными инстанциями и частными лицами составляет около 400 единиц хранения, при этом доля переписки с родственниками весьма незначительна, в основном это письма, касающиеся научных интересов, служебной и общественной деятельности. Среди корреспондентов и простые сельские учителя, краеведы-любители и доктора наук, директора крупнейших заповедников и ботанических садов.

В фонде собраны газетные вырезки со статьями. Ивана Иванович собирал все публикации о музее, в том числе и критические статьи; можно отметить материал из газеты «Трудовая правда» за июль 1930 г. со статьёй «Музейная кунсткамера»,

Служебное удостоверение
И.И. Спрыгина. Июнь 1927 г.
Из фондов ГАПО.

резко критикующий работу музея и его сотрудников – Штукенбергов, Спрыгиных и других, уволенных накануне по постановлению Окружной Рабоче-крестьянской инспекции как идеологически чуждых и не имеющих никакой научной подготовки. Самого И.И. Спрыгина, работающего в музее по совместительству, сняли как перегруженного по основной работе. Интерес представляют дневники и автобиографические заметки 1920–1940 гг. (с перерывами), последние относятся к 9 апреля 1942 г., среди которых встречается и описание проводимой «чистки» музея.

Раздел биографических документов (личных, служебных, имущественно-бытовых) включает около 110 единиц хранения, это характеристики И.И. Спрыгина, начиная с периода его обучения в гимназии, аттестат зрелости, паспорта, трудовые книжки, различные свидетельства, удостоверения и билеты, поздравления к различным датам и т.п. Поражает полнота сохранности документов имущественно-хозяйственного и бытового характера, это и записные книжки расходов по дому, и дневники работ по личному огороду, и записи полученного урожая, и даже накладные квитанции на отправку грузов по железной дороге, т.е. это те документы, которые характеризуют быт семьи учёных и их повседневную жизнь.

В самостоятельный раздел выделены документы о праздновании 100 и 120-летнего юбилея И.И. Спрыгина: воспоминания его учеников и просто знакомых лю-

*Н.И. Спрыгина и П.С. Владиморова за обработкой керамики в Краеведческом музее.
2 марта 1930 г. Из фондов ГАПО.*

дей, материалы конференций и публикаций, связанных с этими событиями.

Прекрасным дополнением к документальным материалам являются фотографии, которых в фонде около 600, это не только семейные фото и фотографии различных событий, участником которых являлся И.И. Спрыгин, но и фото растительности, природы, различных местностей, водоёмов, т.е. своеобразный иллюстративный материал к его исследованиям.

Фонд Н.И. Спрыгиной насчитывает 219 дел за 1868–1981 гг. Творческие материалы представлены работами об археологических раскопках на территории Пензенской губернии, отзывами на её работы, а также материалами по этнографии (по изучению быта мордвы-мокши и эрзи). Кроме того, в этом разделе имеются материалы к археологической карте Пензенской области.

Переписка Нонны Ивановны составляет 145 единиц хранения, сформированных по адресатам и корреспондентам: её письма родственникам и письма от них; переписка по вопросам деятельности с организациями и с частными лицами. Среди

корреспондентов Нонны Ивановны встречается и много известных в то время лиц или ставших таковыми впоследствии, например, В.В. Геммерлинг, доктор наук, первый заведующий кафедрой почвоведения МГУ, возглавлявший одно время Государственный почвенный институт Народного комиссариата земледелия; О.Н. Бадер, видный специалист по археологии каменного века, создатель пермской школы археологии; Б.С. Жуков, заведующий кафедрой антропологии МГУ, один из ведущих деятелей палеоэтнологического направления в советской археологии; Б.М. Соколов, активный член Саратовской учёной архивной комиссии, директор Центрального музея народонаселения СССР в Москве и др. Среди писем Н.И. Спрыгиной встречаются и письма из музеев Финляндии, Будапешта (отклики на работу «Одежда мордвы-мокши»), из Государственного исторического музея, Института этнографии АН СССР и др., что свидетельствует о значимости её работ. Высокую оценку получила пензенская экспозиция на Сельскохозяйственной и промышленной выставке СССР 1923 г., выставочная газета писала

«Уголок Пензенской губернии в павильоне быта можно считать, пожалуй, наиболее интересным во всем павильоне... Национальные костюмы, предметы домашнего обихода, посуда, обувь, всё это подобрано с такой любовью и знанием дела, что экскурсанты подолгу останавливаются около витрины»¹.

Кроме документов научной деятельности, в фонде представлены биографические и личные документы: об образовании, о работе (в т.ч. её отца И.В. Цилли), записные книжки и др., а также документы о служебной и общественной деятельности.

Среди фотографий фонда имеются фото её родственников, начиная с родителей. Несомненный интерес представляют фотографии конца 1920-х гг., когда Нонна Ивановна работала в Пензенском краеведческом музее, это фотографии с раскопок, выставок, конференций музейных работников.

Таким образом, хотя имеющиеся на хранении документы о семье Спрыгиных достаточно многоаспектны, на наш взгляд, правильнее классифицировать эти фонды именно как научный архив учёных, основная деятельность которых связана с Пензенским краем, и актуальность этих документов ещё длительное время будет оставаться высокой.

С 1949 по 1979 гг. в музее работал М.Р. Полесских, заслуженный работник культуры, археолог, передавший свои документы в архив в 1979 г. в количестве 351 единицы, охватывающих весь период его деятельности в музее. Работая по открытым листам Института археологии АН СССР, он исследовал многочисленные археологические памятники Пензенской области, крупнейшие из которых – Селиксенские и Армиёвские могильники, Золотарёвское городище, и, естественно, значительная часть документов фонда рассказывает именно об этом направлении деятельности: это уже упоминаемые открытые листы на проведение археологических раскопок, отчёты об археологических разведках и исследованиях в Пензенской области, статьи и рецензии на них, конспекты и тезисы докладов по археологии. Об огромном ав-

торитете М.Р. Полесских как учёного-археолога свидетельствуют многочисленные приглашения на научные конференции, заседания различных ученых советов, научных секций, симпозиумов и т.п.

Будучи сотрудником музея, М.Р. Полесских вел значительную краеведческую работу, оказывая помощь в организации школьных музеев. Он занимался не только изучением истории Пензенского края, но и как работник музея популяризировал эти знания. Об этом свидетельствуют сохранившиеся в фонде тексты его статей по краеведению, планы выступлений по радио и телевидению и др. Значительную часть документов представляет переписка М.Р. Полесских. Среди авторов писем к нему и студенты, и учителя, и краеведы-любители, сотрудники музеев, учёные. Среди последних немало достаточно известных лиц в своей отрасли деятельности, это – археолог, исследователь археологических памятников Пензенского края А.Е. Алихова; сотрудник Института археологии АН СССР А.К. Амброс; антрополог и скульптор, доктор исторических наук, автор методики восстановления внешнего облика человека на основе скелетных останков М.М. Герасимов, академик, директор Палеонтологического института АН СССР Ю.А. Орлов и др. Есть письма людей совершенно не связанных с археологией – писателей Г.М. Маркова, А.П. Анисимовой, литературоведа С.А. Андреева-Кривича, директора музея-заповедника «Тарханы» П.А. Вырыпаева, краевед-историка Г.В. Ерёмина. Интересен отзыв атташе посольства СССР в Турции А.Л. Лежикова о М.Р. Полесских: «...каждое Ваше письмо для меня целое событие. От них веет неиспорченной чистотой и разумом настоящей русской научной мысли, благородством и широтой и по-настоящему человечностью души Вашей»².

Личный фонд ученого лесоведа, геоботаника Бориса Петровича Сацердотова насчитывает 91 единицу хранения за период 1898–1964 гг., он был передан на хранение в архив самим фондообразователем. Самый ранний документ – это

метрика о его рождении 16 февраля 1898 г. Кроме биографических документов, в фонде представлены документы о пензенских заповедниках: производственные планы, отчёты о работе, таксационные описания. Но не только профессиональная деятельность Бориса Петровича отражена в документах фонда, его интересовала и история Пензенского края и литература и т.п.; около полусотни дел фонда – это систематизированные подборки газетных статей по различной тематике: «Ботаника», «Музеи», «Писатели-земляки», «География» и др.

До 1930 г. сотрудником краеведческого музея являлся горный инженер Антон Антонович Штукенберг, его документы в 1962 г. передала на хранение в ГАПО жена Елизавета Карловна. Антон Антонович является автором более 40 работ, связанных с исследованием месторождений полезных ископаемых и гидрологическими изысканиями, около 10 работ при жизни автора опубликованы не были, рукописи некоторых из них хранятся в его фонде в госархиве и, вполне возможно, не утратили своего практического значения. Как и любой сотрудник музея, А.А. Штукенберг занимался и просветительской деятельностью. С целью вовлечения в процесс изучения природных ресурсов Пензенского края молодёжи, он разработал «Инструкцию для краеведов по геологическому изучению Пензенского края». В фонде сохраниены отчёты по обследованию месторождений фосфоритов, горючего сланца и др., составленные не только самим А.А. Штукенбергом, но и П.П. Ефимовым, Г. Каменским, А.М. Пульхритудовой и др. Результаты гидрологических исследований на территории Пензенской губернии отражены в рабочих записках, схемах, расчётах и т.п. Документы фонда весьма специфичны, их изучение требует специальной профессиональной подготовки, однако имеются и документы, интересные и историкам, в частности, топографическая карта Пензенской губернии с показанием числа и местонахождения водяных мельниц по состоянию на 1910-1913 гг.,

Служебное удостоверение
Б.П. Сацердотова. 1922 г.
Из фондов ГАПО.

составленная А. Пржитульским. В фонде имеются различные карты и планы городов с рабочими пометками, например, схематическая карта Пензенской губернии с показанием мощностей и мест размещения энергетики, промышленности и топливных ресурсов (середина 1920-х гг.), план г. Пензы с показанием артезианских скважин, карта рек Пензенской губернии с указанием высот.

Документы вышеназванных фондов свидетельствуют о той роли, которую играл Краеведческий музей в изучении природы, обычаев и производительных сил Пензенского края. Многие разработки работников музея носили прикладной характер, музей был не только местом сбора и хранения экспонатов, но и способствовал развитию производительных сил края.

Одним из интереснейших фондов, несомненно, является личный фонд Юлии Ильиничны Суворовой, работавшей в Краеведческом музее с 1950 г., насчитывающий свыше 500 единиц хранения. Самый ранний документ – метрическая запись о её рождении в 1896 г. Особый интерес

представляют материалы, собранные для краеведческой работы, и переписка. Среди её корреспондентов как известные в пензенском краеведении лица, такие, как С.К. Евграфов; краеведы М.А. Лебедев и Г.В. Еремин; писатель Д.В. Лучанинов-Фибих; профессор И.П. Щеплыкин; краевед, писатель, журналист О.М. Савин; капитан ледокола «Седов» К.С. Бадигин; Герой Советского Союза, писатель Г.В. Терновский и др., так и совершенно незнакомые широкому кругу люди. В попытке узнать что-то новое о знаменитых пензяках, Юлия Ильинична состояла в переписке с их родственниками и близкими людьми – сестрой В.Э. Мейерхольда, дочерью композитора А.А. Касторского, шофёром В.И. Чапаева В. Козловым, сыном А.Н. Магницкого и др.

Материалы, собранные Ю.И. Суворовой об известных пензяках или событиях пензенской истории, поражают своим разнообразием, для неё нет мелких тем, ей интересно всё: это и информации об опере в с. Мокшан и народных театрах в г. Чембаре и с. Бессоновке, об артисте театра им.

Е.Б. Вахтангова Л.Д. Снежницком, о стратонавте И.Д. Усыскине и воинах Великой Отечественной войны. В большинстве своём это вырезки из газет, копии публикаций, выписки из книг и т.п., но собранный по крупицам материал несомненно будет интересен краеведам, т.к. даёт ту ниточку, потянув за которую, можно уже осуществлять дальнейший поиск.

Значение личных архивов велико. Дополняя документы официальных архивов, документы личного происхождения помогают полнее и глубже осветить общественную, политическую, хозяйственную и культурную жизнь нашего региона. Они являются уникальным и незаменимым помощником всем краеведам и историкам, изучающим историю Пензенского края.

Примечания

1. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. р-2918. Оп. 1. Д. 218. Л. 7об.

2. ГАПО. Ф. р-2399. Оп. 1. Д. 151.

Ю.Н. Макарова

ФОНДЫ ПЕНЗЕНСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Пензенский краеведческий музей был основан в 1905 г. Первые его коллекции насчитывали 105 предметов. В настоящее время музей имеет в своем составе около 98 тыс. основного и 32 тыс. вспомогательного фонда.

Музей был основан членами Пензенского общества любителей естествознания. Именно поэтому его фонды располагают большими естественно-научными коллекциями. В палеонтологической имеются остатки мозозавра, гигантского элазмотерия, позвонки ихтиозавра, череп благородного оленя с рогами, уникальные отпечатки плиозавра на песчанике, много остатков мамонта, бизона, носорога. Наличие последних позволило еще в 1927 г. собрать скелеты этих животных для экспозиции. Обширно собрание морских животных, отпечатки растений, коллекции минералов и почв. В зоологической

коллекции представлены почти все животные и птицы Пензенского края, а также много экспонатов, рассказывающих о многообразии животного мира планеты.

В нумизматической коллекции естьклады времен Ивана Грозного, Алексея Михайловича, Петра I, гривны Новгородского типа, собрание джучидских монет, образцы дензнаков и монет Российской империи, СССР, Российской Федерации. Очень интересны памятные и художественные медали русских медальеров: Федора Толстого, Уткина, Леберехта, Чукасова и других медальеров России и Западной Европы.

В археологическом фонде хранятся материалы из раскопок Ефаевского и Павевского мордовских могильников, проводимых В.М. Терехиным в конце XIX в., раскопки неолитических стоянок, обнаруженных Л.И. Спрыгиной в 1920-х гг., а

также материалы многочисленных экспедиций заслуженного работника культуры РСФСР М.Р. Полесских.

Фонд изобразительного искусства представлен в основном произведениями пензенских художников и скульпторов, а также образцами «провинциальной примитивной живописи» конца XVII – нач. XIX в., где имеются уникальные портреты пензенских помещиков. Большую культурную ценность представляют подлинные живописные портреты молодого Петра I, по легенде из имения промышленников Демидовых, а также пензенских губернаторов: Ф.Л. Вигеля, Ф.Л. Лубяновского, А.А. Панчулидзева.

Фонд вещественных памятников включает мебель начала XIX–XX вв., изделия из металла: подсвечники, самовары, замки, ключи, подносы, лампы, весы и другие предметы. В коллекции керамики и стекла представлена посуда и настольные украшения из фарфора, фаянса и стекла западно-европейского, русского и китайского производства. В музейном собрании особое место занимает продукция Николо-Бахметьевского завода князя Оболенского и Никольского стекольного завода «Красный гигант». В фонде вещественных

*Самовар-сбитенник. XVIII в.
Пензенский краеведческий музей.*

*Утюг угольный «Петух». XIX в.
Пензенский краеведческий музей.*

памятников собрано много предметов пензенских предприятий: велосипеды, часы наручные, настольные, настенные.

В вещевом фонде богато представлена городская одежда, головные уборы, салфетки, скатерти, собрание предметов из бисера, военный костюм. В 1954 г. собрание музея пополнилось коллекцией кружевных изделий мастерской княгини Шаховской в с. Вазерки Пензенской губернии. В коллекции более 100 образцов – скатерти, салфетки, дамские воротники, мотивы кружевных изделий. Работа проводилась в направлении старорусского стиля и влияния на него итальянских стилей. Продукция мастерской широко поставлялась не только в Россию, но и за рубеж.

В коллекции тканей и одежды фондов музея особенно ценен народный костюм Пензенской губернии. Основы этой коллекции были заложены в 1923–1927 гг., во время экспедиций по Пензенскому краю под руководством Н.И. Спрыгиной и Б.Н. Гвоздева. В последующие годы она пополнилась сборами М.Р. Полесских и Л.Н. Ивановой. Здесь разнообразная одежда, украшения, головные уборы, обувь мордвы, русских, чувашей, татар. Отдельные комплекты этой одежды являются шедеврами национальной культуры. Богата коллекция полотенец бранного и закладного ткачес-

*Орлан-белохвост.
Пензенский краеведческий музей.*

тва разнообразного бытового и обрядового назначения. Научно-историческая ценность мордовского и русского костюма в собрании пензенского музея заключается в их полноте и законченности. Аналогов многим предметам этой коллекции в других музеях России нет.

Фонд фотодокументальных материалов самый многочисленный и включает рукописи видных исследователей Пензенского края: Г.И. Мешкова, Г.П. Петерсона, А.Ф. Селиванова, В.Г. Холмогорова. Есть свитки, столбцы XVII–XVIII вв. В музейное собрание содержит личные фонды земляков: государственных и военных деятелей, писателей, художников, ученых, краеведов, организаторов и руководителей промышленного и сельскохозяйственного производства. Ценность представляют фотографии и личные вещи выдающегося киноартиста И.И. Мозжухина, его брата – знаменитого певца А.А. Мозжухина, кинооператора Л.И. Косматова и других известных земляков. За последние годы фонды музея пополнились фотографиями, документами и личными вещами представителей семьи Вырубовых, внесенных в 1881 г. в шестую часть дворянской родословной книги

Пензенской губернии. Особый интерес представляют личные вещи, фотографии национального героя Франции, кавалера ордена Освобождения Николая Васильевича Вырубова (1915–2009). В июле этого года Дом русского зарубежья им. А.И. Солженицына отметил 100-летие со дня рождения Николая Васильевича. Соучредителями этого мероприятия наряду с Домом русского зарубежья, Государственным музеем А.С. Пушкина, Орловским государственным музеем им. И.С. Тургенева, культурным центром «Дом-музей Марины Цветаевой» был и наш музей. На выставке в рамках мероприятия экспонировались личные вещи Н.В. Вырубова, хранящиеся в фондах нашего музея.

Обширен фонд редкой книги. В его составе литература XVII в. на латинском языке, старопечатные книги XVIII в., периодика XVIII–XIX вв., прижизненные издания русских классиков. Большая часть фонда формировалась из частных собраний пензенских библиофилов XIX в.: И.С. Ступишина, В.Х. Хохрякова, Г.А. Захарьина, Г.И. Мешкова. Много книг поступило из фундаментальной библиотеки Первой мужской гимназии. Широко представлены книги краеведческой тематики, в том числе с автографами земляков-писателей.

Музейные фонды активно используются в научно-экспозиционной и выставочной работе музея и его отделов: музея В.О. Ключевского, И.Н. Ульянова. Н.Н. Бурденко, музея Золотаревского городища. Наши экспонаты составляют значительную часть экспозиций бывших филиалов краеведческого музея в г. Нижнем Ломове, р.п. Шемышейке, р.п. Сосновоборске, г. Городище, г. Кузнецке, г. Каменке. Музейные предметы можно увидеть в экспозициях Пензенской картинной галереи, Литературного музея, музейного уголка в здании Законодательного собрания. Фондовые коллекции активно используются в исследовательской работе учащимися школ, студентами вузов не только г. Пензы, но и Саратова, Москвы, а также преподавателями вузов, краеведами.

ЗАМЕТКИ БИБЛИОТЕКАРЯ

I

Большинство исследователей, занимающихся изучением истории Пензенского края, хорошо знакомы с научной библиотекой областного краеведческого музея. На сегодняшний день в ней собрано около 50 тыс., книг и еще 15 тыс., преимущественно редких изданий, выделены в отдельный фонд. Эта библиотека закрытого типа. Основное ее назначение – оказывать методическую помощь научным сотрудникам музея в их работе по созданию экспозиций и выставок, разработке экскурсий и лекций. Тем не менее ежегодно с просьбой разрешить работу с книжным фондом в музей обращается и значительное число посетителей – как профессиональных историков, так и любителей-краеведов.

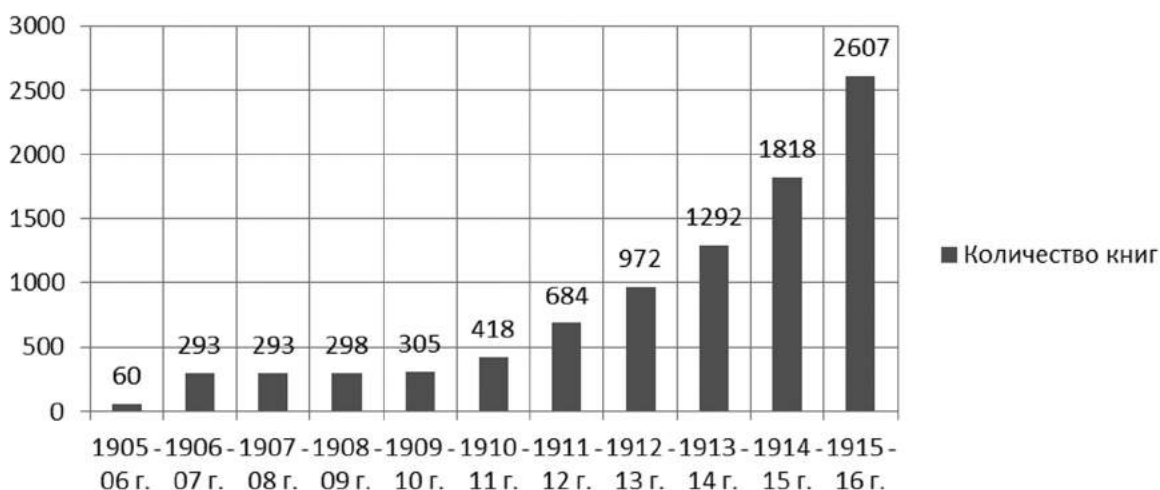
История библиотеки неразрывно связана с историей самого музея. Начало ей было положено в 1905 г., а первой составляющей стало весьма незначительное по размеру собрание книг кружка естественников, члены которого в дальнейшем явились основателями Пензенского общества любителей естествознания (ПОЛЕ). Вся литература – 33 книги и 27 номеров периодических изданий – с легкостью размещалась тогда на двух-трех полках книжного шкафа. Пополнение библиотеки в первые годы шло очень медленно, что было связано с полным отсутствием каких-либо денежных средств¹, и происходило исключительно за счет пожертвований.

Чтобы исправить ситуацию, совет ПОЛЕ обратился за помощью в научные учреждения и общества страны, земские управы, а также к ученым, специализирующимся в области естественных наук. И многие откликнулись на просьбу пензенских коллег. Ботаники и зоологи, геологи и палеонтологи из разных концов страны стали присылать в наш город свои работы. Эти издания, снабженные зачастую дарственными надписями авторов, посе-

тители музея и сейчас могут обнаружить на книжных полках.

Еще большим темпом библиотека стала расти с началом издания «Трудов ПОЛЕ», которыми Общество решило активно обмениваться. Так в ответ на рассылку второго выпуска «Трудов» в ПОЛЕ поступили аналогичные издания из полсотни городов Российской империи от 72 научных организаций. К 1917 г. Общество владело уже по-настоящему серьезной научной библиотекой (не менее 3-х тыс. единиц хранения). В ней были собраны многочисленные справочные и периодические издания, монографии, брошюры и статьи ученых-естественников; имелись коллекции карт и рукописей².

Старейшая из книг, находящихся сейчас в собрании Краеведческого музея – «Exercitationes de Differentiis & Nominibus Animalium», изданная в Оксфорде в 1677 г., также находилась прежде в библиотеке ПОЛЕ. Ее автор – англичанин Уолтер Чарльтон – был личным врачом Карла II. Когда-то, судя по сохранившемуся экслибрису, данная книга являлась частью знаменитой библиотеки графа П.К. Сухтелена. Этот военный инженер голландского происхождения, перешедший на русскую службу, сделал в нашей стране блестящую военную и дипломатическую карьеру. Был он к тому же страстным библиофилом, не жалеющим ни денег, ни времени для пополнения своей книжной коллекции. Библиотека Сухтелена поражала современников. То была настоящая сокровищница, вобравшая в себя бесценные фолианты, редчайшие рукописи и многие тысячи документов, добытых Петром Корнильевичем со всей Европы. К сожалению, установить, кем именно был передан Обществу любителей естествознания трактат английского медика, сейчас невозможно, поскольку необходимая для этого часть библиотечного каталога не сохранилась.

*Рост книжного фонда Библиотеки ПОЛЕ за первые 10 лет ее существования³.
Пензенский краеведческий музей.*

Научная библиотека ПОЛЕ, таким образом, стала основой книжного фонда краеведческого музея, который не прекращал расти на протяжении всего времени существования культурно-просветительского учреждения. Одна лишь коллекция книг XVIII в. насчитывает к настоящему времени до тысячи томов. Издания эти, порой очень редкие, принадлежали прежде к наиболее значимым коллекциям нашего края – хранились в Керенской публичной библиотеке, Ученой архивной комиссии, библиотеке мужской гимназии; входили в крупные частные собрания (например, И.С. Ступишина). Среди этого богатства можно обнаружить некоторое число книг, бывших собственностью еще одной серьезной научной библиотеки до-революционной Пензы – семинарской.

II

*«Без библиотеки –
как без души академия».
Духовный Регламент*

Требование о неперенном наличии при каждом духовном учебном заведении собственной библиотеки содержалось еще в Духовном Регламенте Петра I (1721 г.). В главе «Домы училищные и в них учителя и ученики» указывалось, в частности, что «при школах быть библиотеке довольной, ибо без библиотеки – как

без души академия»⁴. Комплектоваться такие собрания могли как за счет самих учебных заведений, так и благодаря пожертвованиям. Роль благотворителей в последнем случае обычно принимали на себя епархиальные архиереи, а также местные священнослужители, члены педагогических корпораций. К числу наиболее примечательных семинарских библиотек страны относились: казанская, обязанная своим богатством архиепископам Луке (Канашевичу), Вениамину (Григоровичу) и Амвросию (Подобедову); киевская, располагавшая значительным числом рукописей, и черниговская.

В духовной семинарии нашего города библиотек было две: фундаментальная и ученическая. В первой из них к началу 1903/04 учебного года уже было 3625 наименований книг в 14602 томах, в том числе 19 наименований духовных и светских журналов. Библиотека пополнялась не только покупкой необходимых изданий, но и за счет дарений. В 1903 г., например, в нее поступило более 1200 книг из собрания умершего управляющего канцелярией Святейшего Синода С.В. Керского, переданные в Пензу смотрителем Владимирского духовного училища А.И. Троицким⁵.

Фундаментальная библиотека предназначалась, в основном, для педагогического состава духовной семинарии. До-

ступ воспитанников в неё был ограничен. Для них в 1859 г. была открыта отдельная ученическая библиотека. Учредить её предложил инспектировавший семинарию архимандрит Филарет, нашедший, что учебное дело в ней находится в состоянии упадка. Среди прочего ревизор отметил, что книжное чтение учеников не развито, а главное – не урегулировано. «Из сочинений заметно, что ученики читают больше светскую, чем духовную литературу, и притом не ученую, а беллетристику, отчего встречается у них недостаток твердых мыслей и склонность к описательному методу»⁶. Выдавать книги из фундаментальной библиотеки, по мнению Филарета, следовало с величайшей разборчивостью и осторожностью. Для повседневного же пользования необходимо было создать библиотеку ученическую, которая могла бы пополняться за счет самих семинаристов.

Первый взнос в библиотеку был сделан преподавателями семинарии, отдавшими в нее разрозненные тома нескольких популярных периодических изданий. На средства учеников был выписан журнал «Сын Отечества». Без того медленному её пополнению очень часто препятствовали действия администрации учебного заведения, старавшейся контролировать «качество» поступающей литературы и изымавшей наиболее подозрительную её часть. Некоторые книги, например, работы В.Г. Белинского и Н.А. Добролюбова, выдавались лишь ученикам старших классов. Поля их при этом были снабжены критическими замечаниями и комментариями инспектора Я.П. Бурлуцкого.

Основной проблемой для библиотеки всегда было отсутствие постоянного и бесперебойного источника доходов, делавшее невозможной её планомерную комплектацию. Выйти из положения пытались даже за счет весьма спорной «коммерческой деятельности». С разрешения семинарского начальства на средства библиотеки печатались разные необходимые для учеников бланки, продававшиеся им по завышенной цене. По сути, ученики

Charletoni Gualteri. Exercitationes de Differentiis & Nominibus animalum (Oxoniae, 1677).

Пензенский краеведческий музей.

оказались обложены небольшим косвенным налогом, приносившим до 100 рублей в год. Отказаться от весьма спорной в этическом плане меры удалось только в 1906 г., когда библиотека решением епархиального съезда духовенства получила наконец ежегодное ассигнование в размере 200 рублей.

Тем не менее к началу XX в. библиотека учащихся духовной семинарии стала уже весьма крупным книжным собранием, насчитывавшим почти 2 тыс. книг в 4 тыс. томов (вместе с учебниками, приобретенными за счет средств благотворительницы Л.А. Нероновой – порядка 7 тыс. томов). В ней был печатный систематический каталог, составленный в соответствии с программой изучаемых дисциплин. Получить литературу семинаристы могли ежедневно: в будни – до начала уроков (с 8 часов утра) и во вре-

мя перемен между ними, а в праздники – сразу после обедни. За 1903–1904 уч. г. семинаристами было получено около 8 тыс. книг (в среднем по 22 на человека)⁷.

Количество книг из двух семинарских библиотек, находящихся теперь на хранении в Пензенском краеведческом музее, невелико. Среди них, тем не менее, встречаются издания, способные вызвать трепет любого ценителя отечественной истории. Приведем здесь только некоторые из них:

– Лызлов А.И. Скифская история (М., 1787);

– Летописец новгородский, начинающийся от 6525/1017 года и кончающийся 6860/1352 годом (М., 1781);

– Топографическое описание Харьковского наместничества (М., 1788);

– Рычков П.И. Опыт казанской истории древних и средних времен (СПб., 1767 г.);

– Русская летопись по Никонову списку (СПб., 1767–1792 гг.).

Примечания

1. Впервые средства на покупку новых и переплетение имеющихся книг (200

руб.) были заложены в смету ПОЛЕ лишь на 1912–1913 (восьмой по счету) год работы этого общества.

2. Отчет о деятельности Общества любителей естествознания за 1915 – 1916 год. Пенза, 1916.

3. См.: Табл. в Приложении к кн.: Очерк деятельности Пензенского общества любителей естествознания за десять лет. С 1905 по 1915 год. Пенза, 1915. В каталоге за 1917 год значится 2 705 номеров книг (карты и рукописи учитывались отдельно).

4. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 г. Т. 6. С. 334.

5. Извлечение из отчетов по учебно-воспитательной части Пензенской духовной семинарии и духовных училищ Пензенской епархии за 1903–1904 уч. г. // Пензенские епархиальные ведомости (ПЕВ). 1905. №8. Часть неофициальная. С. 431.

6. *Артоболевский С.* Варлаам, Архиепископ Пензенский. Историко-биографический очерк. Пенза, 1912. С. 187–188.

7. См.: ПЕВ. 1905. № 5. Часть неофициальная. С. 244–248.

*Л.Н. Иванова, Л.А. Новикова,
Н.А. Леонова, И.В. Агаева*

ОНЧУКОВА-БУЛАВКИНА АННА АЛЕКСАНДРОВНА (ПИСЬМА В.Л. КОМАРОВУ И И.И. СПРЫГИНУ)

Ончукова-Булавкина Анна Александровна [23.07.(5.08) 1882 г., г. Ревель (ныне Таллин) – 27.10.1947 г., г. Пенза] – русский ботаник, ботанико-географ, педагог, ученица и последовательница академика В.Л. Комарова, единомышленница И.И. Спрыгина, специалист по флоре Поволжья, одна из коллекторов Пензенского гербария¹.

Анна Александровна Булавкина родилась в дворянской семье и получила образование в Петербурге – на Высших женских естественнонаучных курсах М.А. Лохвицкой-Скалон (с 1908 по 1915 гг.). Одним из преподавателей на курсах

был профессор ботаники Санкт-Петербургского университета В.Л. Комаров, который читал курсы лекций: по ботанической географии, общей ботанике и систематике растений. Он сплотил вокруг себя группу энтузиастов, в которую вошла и А.А. Булавкина. После окончания курсов Анна сдала экзамены физико-математической комиссии Петроградского университета в объеме курса мужских гимназий, получив диплом первой степени. До революции и в последующие годы она занималась педагогической, научно-исследовательской работой, часто выезжала в экспедиции.

В 1929 г. Анна Александровна вышла замуж за Н.Е. Ончукова (1872–1942 гг.), преподавателя этнографии Ленинградского университета. Николай Евгеньевич – известный сарапульский собиратель былин. Императорское русское географическое общество присудило ему малую серебряную медаль за книгу «По Чердынскому уезду» (1901), малую золотую за «Печорские былины» (1904) и большую золотую за «Северные сказки».

В 1930 г. Н.Е. Ончуков был арестован, как и все остальные члены Ленинградского краеведческого общества, «за контрреволюционную деятельность и хранение нелегальной литературы» по статье 58-11 УК РСФСР. До 1932 г. он отбывал ссылку в городах Котлас и Никольск.

Несмотря на трудные времена для своей семьи А.А. Ончукова-Булавкина много работала. С 1932 г. она являлась специалистом-ботаником Ботанического института АН СССР и вела активную преподавательскую деятельность, как в своем институте, так и в Ленинградском университете. В 1935 г. решением ученого совета института она получила степень кандидата биологических наук. Ее увольнение в том же году было связано с распоряжением НКВД о высылке её мужа из г. Ленинграда в г. Пензу.

На новом месте А.А. Ончукова-Булавкина в 1935–1939 гг. работала старшим научным сотрудником «Куйбышевского заповедника». В эти же годы она занималась изучением кормов лосей в «Бузулукском заповеднике», проводила полную инвентаризацию флоры заповедника и готовила рукопись «Список растений «Бузулукского заповедника». Много внимания уделяла обследованию нового участка заповедника «Хмелевой овраг». Работала в «Бузулукском бору» над составлением гербария флоры заповедника. Многие ученые, в первую очередь В.Н. Сукачев и М.В. Марков, в своих работах, ссылаясь на неё, пишут о нахождении в нем более 666 видов растений. Она изучала лишайники и мхи и собрала коллекцию грибов. В г. Пензе она постоянно собирала растения в окрестностях города.

*А.А. Ончукова-Булавкина,
г. Санкт-Петербург, 1908 г.
Из личного архива Н.В. Кин.*

С 1939 г. Анна Александровна перешла на работу в Пензенский Ботанический сад на должность старшего научного сотрудника, заведовала оранжереей и отделом травянистых растений открытого грунта. В областной газете «Сталинское знамя» были напечатаны ее статьи: «Осень в Ботаническом саду», «Весна в Ботаническом саду» и др.

В 1939 г. был арестован её муж, Н.Е. Ончуков, по обвинению в антисоветской агитации и как член группы церковников при Митрофаньевой церкви г. Пензы. На следующий год он был приговорен к десяти годам лишения свободы и 6 (11) марта 1942 г. умер в изоляторе исправительно-трудовой колонии № 1 НКВД в пос. Ахуны на окраине г. Пензы. 2 октября этого же года ушел из жизни И.И. Спрыгин. В это тяжелое время рядом с ней была семья Б.П. Сацердотова. В 1945 г. совместно с Борисом Петровичем она написала статью «Иван Иванович Спрыгин», которая претворяла изданную в г. Пензе книгу

И.И. Спрыгина «Лекарственные растения Пензенской области».

Всего А.А. Ончукова-Булавкина опубликовала 55 научных работ. Ее труды были отмечены почетными грамотами Ботанического института АН СССР (г. Ленинград) и Пензенского ботанического сада (г. Пенза), ей была назначена академическая пенсия. Она была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» (1946 г.).

Анна Александровна Ончукова-Булавкина скончалась в 1947 г. и была похоронена на Митрофаниевском кладбище г. Пензы (место захоронения не известно).

Письмо Академику Владимиру Леонтьевичу Комарову².

Глубокоуважаемый Борис Александрович, коллектив Пензенского областного ботанического сада в лице директора Е.П. Исаевой (агронома) и старших научных сотрудников его Б.П. Сацердотова и меня просит Вас, если возможно спасти сад от разгрома через Академию Наук. Наши обращения в Академию на днях посланы. До войны сад, заключавший в себе 7,5 га. Был хорошим культурным уголком, где трудящиеся находили себе отдых в свободную минуту, могли купить себе огородную и цветочную рассаду, цветы, молодые кустарники и деревья, получить нужную консультацию. В парке были разделаны клумбы, расставлены диваны и скамьи для отдыха, имелся штат сменяющихся сторожей. Публика входила по билетам. Желавшие могли осматривать оранжерею (из 3 отделений), в которой имеются две *Trachycarpus`a* (веерная пальма) в возрасте свыше 100 лет, красивые каменистые финики *Phoenix rupicola*, коллекция цитрусовых, кактусов и др. растений.

На открытом воздухе был разбит сельхоз участок, включавший отделы зерновых культур с новинками интересными для области и для школ; бобовые растения, маслинные, медоносы, каучуконосы, дубители, красители, луговые травы (злаки, бобовые), огородные культуры, бахче-

вые, сорняки, запасной уч. В другой части сада порядочный участок лекарственных растений, отделы морфологии, систематики, биологии, декоративных растений и парников. Кроме них географический участок Североамериканской флоры (деревья, кустарники, травы), ДВК, Сибири, Японии с Китаем, питомник древесных и кустарниковых пород со школой.

В настоящее время от всего этого почти нечего не осталось – нет заборов, охраны, рук для большой работы – полный разгул для хулиганов и несознательных элементов. На веники вырезали казацкий можжевельник, срублены Дугласова пихта и другие уники, плоды большинства растений уничтожены, т. _____ для *Delectus seminum* нынешнего года почти нечего собирать. Вилар прислал семена для географического посева. За отсутствием охраны и своевременной полки работа этого лета даст ничтожные результаты. В распоряжении сада имеется 4 несознательных работника (две женщины, косноязычный глухой мужчина, мальчик) одна прекрасная работница, бывшая преподавательница (техническая), два караульщика. Немного помогают школьники, но крайне неудовлетворительно и мало. Научные работники вместо научной работы исполняют также техническую работу. Ценный гербарий, четыре раза перевозившийся с места на место по капризам директоров музея, в котором он хранится, тоже нуждается в работниках, каковых нет.

Во время войны красноармейцы заняли в саду три точки и хозяйничают в нем, как на чужой земле. Жалобы высшему военному начальнику помогают на короткий срок: приходит смена и начинается история с начала. Ближайшие соседи нарыли в саду укрытий, хотя у самих достаточно площади, снимали и сожгли наши заборы, входные ворота круглые сутки открыты настежь для машин, хотя можно проехать с другого конца сада. Облоно – непосредственное начальство сада, почти ни в чем не оказывает поддержки саду, а требования предъявляет не считаясь с его возможностями. Облисполком, гориспол-

ком и другие организации не признают за садом его значения, как научной единицы области, а всячески эксплуатируют его. Весной были тысячные заказы на огородную рассаду, на днях едва отстояли наши столетние пальмы от перевозки их в сквер для украшения цветочного портрета т. Сталина. Когда хоронят кого-либо из видных лиц, требуют от нас пальмы, драцены и т.п. из коллекций, никогда не возвращают, массу материала переломали и нас же заставляют убирать материал обратно, вопреки обещанию вернуть. Для таких целей здесь существует трест зеленых насаждений, который в слабой степени выполняет свое назначение. Несколько раз просили мы высший ___ нас орган сделать сад заповедником, просили колючей проволокой огородить сад – ничего не выходит. Постоянно требуют от нас единственную лошадь на разные общественные работы, по возвращении с которых многие лошади дохнут от переутомления. Нам необходимо запасти 120 куб. м. дров для сохранения оранжерей, для отопления рабочей комнаты и служащих. Лошадь в день перевозит только метр, п.ч. овса ей не отпускают. Лесозаготовку приходится производить самим с тем же штатом и тем не менее не считаясь с отсутствием рабочей силы в учреждении, которое нельзя оставить на зиму без топлива, поступают постоянные требования и на лошадь и на людей. Чаще всего людей нагоняют на места работ больше чем нужно, а домой не отпускают.

Наша просьба к Академии наук сводится к тому, чтобы если возможно, сделать сад заповедным, убрать воинские части с его территории – они совершенно не нужны. В городе найдется место, где их разместить, не трогать лошадь и живую силу, которые не хватает для нужд самого сада, поставить ограду вокруг сада, дать понять лицам, возглавляющим крупные организации города, что научных работников нужно беречь, что они ценны для области, как культурная сила, проводящая научно-просветительную работу с населением и школьниками.

Уважающая Вас, Ан. Ончукова-Булавкина, 30 VIII 1944. Пенза. Ул. Карла Маркса, д. № 4. Ботанический Сад.

P.S. Еще несколько слов относительно гербария сада, находившегося в Краеведческом музее. Его несколько раз переносили с места на место, ломали, портили. В последний раз в августе вынесли из музея, в январе вернули обратно. Пропал Литвиновский гербарий. Необходимо вернуть полную ставку научному работнику, отнятую в начале войны, пригласить монтировщика. Очень нужны материалы: картон, фанера, бумага. При желании отцы города смогут помочь.

Письмо И.И. Спрыгину от Ончуковой-Булавкиной А.А.

Глубокоуважаемый Иван Иванович! Только сегодня получила возможность написать Вам, да и то с натяжкой: за спиной масса необходимого дела.

Работать чрезвычайно тяжело [...] Помимо дальности расстояния, изрезанного рельефа и чрезвычайно богатого сухостоя леса, по которому можно идти очень медленно и осторожно, здесь на диво много совершенно неожиданных препятствий к работе, о которых нельзя было и додуматься. Алимов ничего серьезного сделать не может и на него приходится отправлять и следовательно снимать с работы то одного, то другого сотрудника. Началось с того, что ко времени нашего приезда лучшая часть луговой растительности оврага оказалась выпасенной. Дальше мы два раза натыкались на косарей лесной организации, косившей у нас в овраге сено. Дальше получили случайно телефонограмму запрещающую нам дальнейшую работу на территории Хмелевского оврага. Спешное сообщение с нашей стороны Алимову привело к тому, что он вооружил против себя окончательно представителя _____, чуть было не вызвав вооруженное столкновение (5 винтовок против 14 чужих). Поездка его в Куйбышев ничего не дала. Сено здесь выкосили и увезли, не дожидаясь решения Высшей власти. Участок не был за нами закреплен по

всем правилам закона, отсюда произвол. Три организации, кроме служащих заповедника рассчитывали скосить здесь траву. Т.к. работать было опасно, пришлось откомандировать в Куйбышев Р. Кл. Галахова. Поехал он с Алимовым и в день все устроил, получив из _____, где у него все знакомы, бумагу, ограждающую наши права.

<...> Растительный покров оказался значительно менее разнообразен, чем предполагал Смирнов. А низовье оврага по северному склону, обращенному на Запад соснового леса с примесью широколиственных пород. На некоторой высоте склон этот опоясан степными кустарниками, преимущественно *Caragana frutex* (в письме *frutese*) (Карагана кустарниковая) с сосной и _____. Дальше вверх липняк и заросль *Corylus avellana* (Лещина обыкновенная). Местами узкий пояс берез. Дальше верхняя дубрава из клена, липы, дуба, ильма, осины в различных сочетаниях в связи с вырубкой и микрорельефом. Почвы щебенчатые по склону, под дубравой где почвы хорошо выражены и залегают на метр и больше глубины. Близ Кочкарки в 51 квадрате сохранилась дубрава с преобладанием дуба, тоже _____ испорченного рубкой. Здесь же нами обнаружен участок березово-дубового леса с подлеском из *Acer tataricum* (кленом татарским), характерного для оврага. Травянистый покров меняется: то перед Вами чистая заросль *Valeriana palustris* (Валериана аптечная, или лекарственная), то ландыша, то *Lysimachia nummularia* (Вербейник монетный), то обычная здесь смесь в разной пропорции *Carex pilosa* (Осока волосистая), *Aegopodium podagraria* (снить обыкновенная), *Asperula odorata* (Подмаренник душистый), с небольшой примесью папоротн. и др. раст.

Вершина оврага заросла вязом с черемухой и высокотравными лесными растениями: *Aconitum excelsum* (Борец северный) (больше всего), затем обилие *Filipendula ulmaria* (таволга вязолистная) по месту весенних протоков, роскошные

заросли *Struthiopteris germanica* (страусник обыкновенный) или *Dryopteris filix-mas* (Щитовник мужской) и т.п. На вырубках попадаются отдельные ольшаннички (близ _____), порослевые липняки.

Дно оврага было занято луговой растительностью, в этом году низкой из-за засухи, но её выкосили. Теперь после дождей поднялась растительность в верхних оврагах.

Старого леса заповедник получил мало, большей частью молодой, сорный. Старый лес тоже в безобразном виде – часто гниют не вывезенные _____ дров, всюду сухостой в наклонном положении или на почве.

Из животных _____ барсуки, норы которых не редки на пути, а также свежий кал.

Лося не видали. <...> Птицы часты (глухарь, тетерев, рябчик).

По лесу бродит какая то шайка из трёх разбойников с наводчицей бабой, убившая недавно лесника и ограбившая у него _____. Без рабочего ходить не возможно.

Сейчас очень много спелой костяники, порядочно малины, немного ежевики. Грибы начинают появляться: подосиновики, подберезовики, грузди, маслятки, сыроежки.

Передай мой сердечный привет Ноне. Желаю Вам всего, всего доброго. <...>

Уважающая Вас А. Ончукова – Булавкина, 26 июля 1936 г.

Примечания

1. Кин Н.О., Савинова Т.Н. Анна Александровна Булавкина-Ончукова: экспедиция длиною в жизнь. 2014. Рукопись. 9 с.; Морозова Н.В. ботаническом саду // Сталинское знамя. Пенза, 22 августа 1939 г.; ПКМ. Н.А. 263. С. 127–138; Степанова Н. Помощница великого ботаника // Сталинское знамя. Пенза, 13 января 1946 г.; Тюстин А.В. Пензенский ботанический сад и его творцы. // URL: <http://biologtext.ru/osnovateli> (дата обращения 03.03.2013).

2. ГАПО. Ф. Р. 2837. Оп. 1. Д. 969.

3. Там же. Д 803.

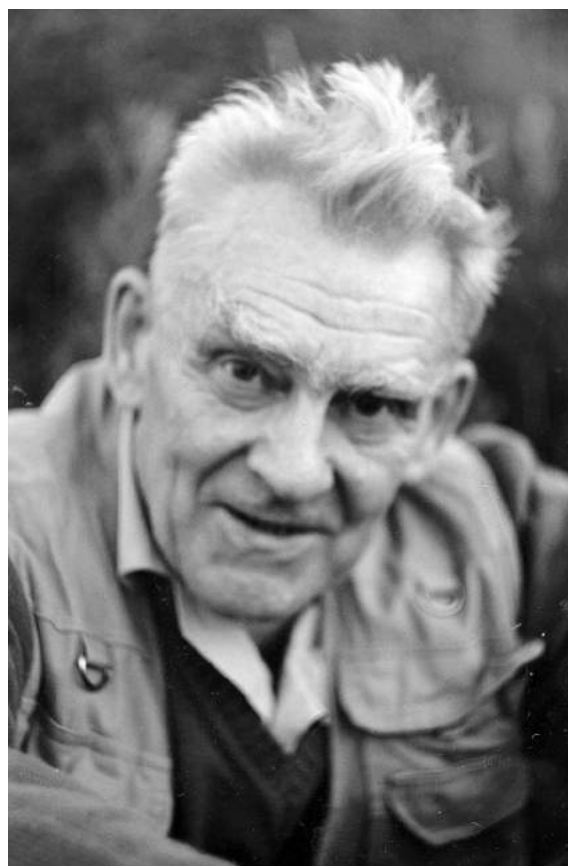
ЛИЧНОСТЬ
В ПЕНЗЕНСКОМ
КРАЕВЕДЕНИИ

ГЕОРГИЙ ВИКТОРОВИЧ ЕРЁМИН
(05.12.1927-23.08.2015)

Родился Георгий Викторович Ерёмин 5 декабря 1927 г. в Подмосковном при-
станционном посёлке Царицыно. С на-
чалом Великой Отечественной войны у
Георгия закончилось детство: он, оставив
школу, пошёл работать на завод № 44, вы-
пускающий бронебойные и бронебойно-
зажигательные патроны, за что впоследст-
вии был награждён медалью «За доб-
лестный труд в Великой Отечественной
войне 1941-45 гг.». Учился в Пачелмской
железнодорожной школе. Среднее обра-
зование после победы получил в московс-
кой вечерней школе рабочей молодёжи №
31. Пытливый ум и стремление к знаниям
дали ему возможность окончить в 1952 г.
радиотехнический факультет Московско-
го энергетического института. Инженер-
ную деятельность Г.В. Ерёмин начал на
Кунцевском электромеханическом заводе,
где принимал участие в разработке и со-
здании ракетных систем противовоздуш-
ной обороны «Беркут».

После защиты кандидатской диссертации у него появилось больше времени для занятия краеведением. Первую статью он опубликовал в 1969 г. С самого начала в сферу его приоритетов входило изучение Пензенского края, откуда родом была его супруга и предки.

Г.В. Ерёмин своими историко-краеведческими находками щедро делился с пензенцами, его статьи регулярно выходили на страницах «Пензенской правды», а также в районных городах области: Беднодемьяновске, Белинском, Мокшане, Нижнем Ломове, Никольске

и др. Георгия Викторовича можно назвать первооткрывателем большого количества документов из Российского государственного архива древних актов, позволяющих по-новому судить об эпохе колонизации Пензенского края в XVII–начале XVIII вв. В 1989 г. Г.В. Ерёмин совместно с П.В. Зиминым выпустил книгу «Реки Пензенской области», в которой описано 2500 гидронимов. В процессе подготовки работы уточнялось их местоположение по Генеральному плану межевания конца XVIII в. и картам Мен-

де середины XIX в. Перечень этих рек, речек, ручьёв и озёр до сих пор остаётся самым полным. Для «Пензенской энциклопедии» он подготовил около 50 различных статей.

Благодаря исследованиям Г.В. Ерёмин удалось уточнить место рождения исполнительницы русских народных песен Лидии Андреевны Руслановой – это с. Александровка, Малосердобинского района, Пензенской области. Девятого сентября 215 г. в с. Ключи, Малосердобинского района, открылся музей трёх наших земляков, уроженцев этих мест: Л.А. Руслановой, В.М. Ермолаевой и Ф.В. Гладкова. В самой Александровке создание музея невозможно: в ней осталось лишь несколько домов. Если бы не исследование Георгия Викторовича, память о великой певице была бы неполной.

Пензенцы всегда помнили о его заслугах – в «Пензенской энциклопедии» ему посвящена персональная статья.

За активную историко-краеведческую деятельность Г.В. Ерёмин был принят в члены Союза краеведов России, Союза журналистов и Союза писателей России. В 2013 г. был удостоен медали М.Ю. Лермонтова Московского городского отделения Союза писателей России.

Его не стало 23 августа 2015 г. Отпевание прошло в храме иконы Божией Матери «Живоносный Источник» в Царицыне. Георгий Викторович похоронен на Котляковском кладбище Москвы.

Только сейчас, после ухода из жизни Георгия Викторовича Ерёмин, начинаешь понимать, как много значил для пензенского краеведения этот прекрасный историк, патриот, Человек.

М.Л. Савина

СЕМЕЙНАЯ РЕЛИКВИЯ СЕМЬИ РАДИЩЕВЫХ

Все свободное время Олег Михайлович проводил в областном архиве. Просматривая газету «Рабочая Пенза» от 27 марта 1938 г., обнаружил заметку Ф. Козловой из краеведческого музея, где говорилось о небольшом экспонате: «На одном из столиков стоит белая с синими каёмками чашка. Рядом надпись “Чашка Радищева”. В музей ее принес покойный доктор Щепетильников. Но плохо, что никто не поинтересовался её историей: как она попала к Щепетильникову, какие были у Радищева связи с Пензой и, наконец, действительно ли чашка принадлежит Радищеву?»

Олег, как истинный краевед, занялся историей этой чашки. Результатом исследования стала статья «Чашка Радищева», опубликованная в «Пензенской правде» 30 ноября 1982 г. «...То, что родные великого писателя-революционера, его потомки, имели прямое отношение к пензенским краям, не вызывает сомнений.

В Верхнем Аблязове (сейчас Радищеве) и Кузнецке жили сыновья А.Н. Ради-

щева – Николай и Василий, братья – Афанасий, Михаил и Степан. Дочка последнего, Александра, в конце 70-х гг. прошлого века переехала в Пензу и привезла с собой какие-то фамильные реликвии. Об одной из них 21 декабря 1965 г. рассказала в «Пензенской правде» московский литературовед П.Л. Вайншенкер.

Речь шла об уникальном экземпляре первого издания «Путешествия из Пе-

тербурга в Москву» — четырнадцатом по счёту. Он долгие годы бережно хранился в семье Александры Степановны, которая умерла в 1923 г. в Пензе. Перед смертью она завещала уникальную книгу Е.А. Обуховой, дочери своей приятельницы. От неё книга перешла к библиофилу, уроженцу Пензы Н.П. Олферьеву, который и передал ее в Государственный Литературный музей.

В Пензе А.С. Радищева жила в доме (полуторазтажном, с деревянным флигелем) на Поперечно-Покровской (сейчас Чкалова) улице. С 19 декабря 1887 г. она стала попечительницей Киселёвской богадельни.

Скончавшаяся М.М. Киселёва передала эту должность «...“со всеми правами и обязанностями” Александре Степановне, которая доводилась ей родственницей»...

В 1899 г. должность врача при богадельне Киселёвых занял Н.А. Щепетильников. «Так пересеклись судьбы доктора Н.А. Щепетильникова и племянницы писателя-революционера»...

Н.А. Щепетильников родился 22 мая 1856 г. в г. Вятке. Врач-терапевт и отоларинголог после окончания Московского университета получил назначение в Пензенскую земскую больницу. Проработав затем 13 лет в Краснослободске в 1895 г. возвратился снова в Пензу, в губернскую земскую больницу. Стал заведовать разным баракком и венерическим отделением.

В 1917–1920 гг. — старший врач Губернской больницы, с 1922 по 1936 гг. возглавлял санитарную комиссию губернии, затем окружного здравотдела. Автор 35 научных работ, опубликованных

в трудах Пироговского общества. В 1895 г. был награжден орденом Св. Станислава III степени. В советские годы, в связи с 55-летием врачебной и общественной Николая Александровича деятельности, ВЦИК СССР присвоил его имя инфекционному отделению Пензенской областной больницы. В губернии доктор Щепетильников оставил по себе добрую память: он первым ввел в практику противодифтерийную сыворотку, руководил фельдшерской школой.

«Видимо, чувствуя бремя лет и понимая ценность хранившейся у него реликвии, Н.А. Щепетильников и передал чашку с блюдцем в музей, — высказал предположение Олег Михайлович. — Хранится в областном краеведческом музее фарфоровая чашка с блюдцем, “по преданию” (так гласит надпись к ней) принадлежавшая А.Н. Радищеву».

Вышесказанное, пусть это тоже гипотеза, позволяет сделать другую надпись: «Принадлежавшая семье Радищевых». Таков может быть ответ на вопросы, поставленные свыше 45 лет тому назад в заметке, помещенной в газете «Рабочая Пенза».

Примечания

1. Савин О.М. Чашка Радищева // «Пензенская правда», 30 ноября 1958 г.
2. Савин О.М. Любовь к делу и людям // «Советская Мордовия», 15 ноября 1983 г.
3. Годин В.С., Савин О.М., Шалдыбин Г.П. Путь в полтора столетия: страницы истории Пензенской областной больницы им. Н.Н. Бурденко. Пенза, 1996 г.

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

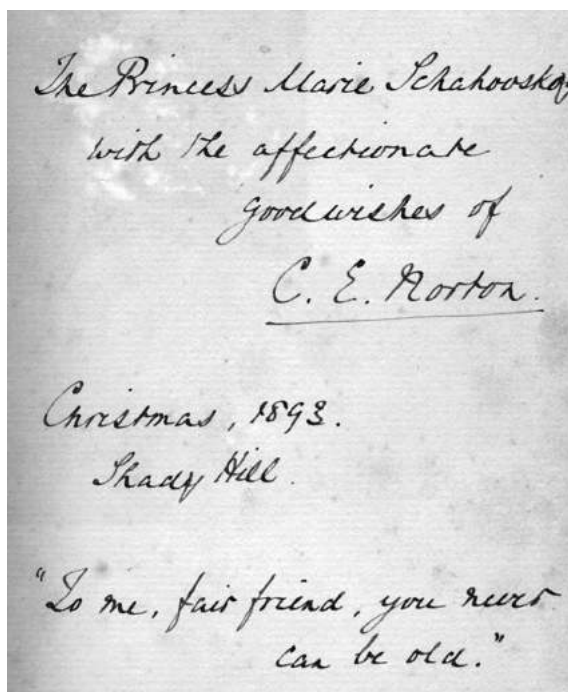
Д.Ю. Мурашов

АВТОГРАФ ОТ ПЕРЕВОДЧИКА ДАНТЕ

В фонде Пензенской областной библиотеки имени М.Ю. Лермонтова находятся 12 книг на иностранных языках (английском и французском) из семейной библиотеки князей Шаховских. Одна из них – англоязычный трехтомник «Божественной комедии» Данте – выделяется особо¹. Третий том этого издания содержит автограф переводчика Чарльза Элиота Нортонна. Он адресован пензенской помещице княгине М. А. Шаховской: «The Princess Marie Schahovskoy with the affectionate good wishes of C.E. Norton. Christmas, 1893. Shady Hill. «So me, fair friend, you never can be old». Перевод: «Княгине Марии Шаховской с признательностью и добрыми пожеланиями от Чарльза Элиота Нортонна. Рождество, 1893. Шейди-Хилл. «Для меня, добрый друг, ты не можешь состариться»».

Чарльз Нортон (1827–1908), американский ученый и литератор, был профессором изящных искусств Гарвардского университета, автором прозаического перевода «Божественной комедии» Данте на английский язык (первое издание этого перевода им и было подарено Шаховской). Но как произошла их встреча?

Княгиня Шаховская и Нортон, следуя содержанию автографа, встретились на Рождество, в декабре 1893 г., в Кембридже (США, штат Массачусетс), где находился дом Нортонна, «Шейди-Хилл», в котором он родился и жил. Мария Шаховская, скорее всего, оказалась в США в связи с открывшейся в Чикаго весной 1893 г. Всемирной промышленно-художествен-

Автограф Ч.Э. Нортонна.

ной выставкой. Она была приурочена к 400-летию открытия Америки Колумбом и поэтому носила название Колумбовой. Выставка имела огромный успех. На ней побывал 21 млн. человек. На площади в 300 га разместились тематические павильоны по сельскому хозяйству, рыболовству, промышленности, транспорту, электричеству, изящным искусствам. На выставке было много фонтанов, бассейнов, скульптур, световых эффектов. Работал внутренний транспорт: двухпутная железная дорога и движущийся тротуар. Публика впервые прокатилась на колесе обозрения или чертовом колесе, поднявшись на высоту 80 м.

Пензенское краеведение №5 (15) 2015

Ч.Э. Нортон.

На выставке действовал русский отдел. Его экспонаты размещались практически во всех павильонах. Российский инженер Н. Славянов демонстрировал изобретенную им электрическую дуговую сварку металлов, П. Смирнов – знаменитую водку, а Н. Терещенко – сахар со своих заводов. Изящные искусства России представляли картины Перова, Репина, Маковского, Айвазовского, Шишкина. Выставка работала до осени 1893 г.

Княгиня Шаховская ездила в Америку не ради праздного любопытства. В 1892 г. в своем поместье, что находилось в с. Вазерки Мокшанского уезда (теперь Бессоновский район), она открыла учебную мастерскую по производству плетеных кружев². Для края нововведение было экзотическим, так как Пенза не входила в число областей России с развитым кружевным промыслом. Поэтому кроме Вазерок его в губернии больше нигде не было. Кружева в основном плели на Вологодчине, в Рязани, под Петербургом, Москвой, в соседнем Тамбове. В конце XIX в. производство и торговля кружевными изделиями стали выгодным бизнесом. Русские плетеные кружева охотно покупали за границей. Спрос превышал

Княгиня М.А. Шаховская.

предложение. На выставке в Чикаго свои работы показывала Мариинская практическая школа кружевниц из Петербурга³. Продвигали кружевную продукцию за границей в основном частные лица.

Таким частным лицом и была княгиня Шаховская. В 1894 г. она открыла в Нью-Йорке Русский склад кустарных изделий, с которого продавались плетеные кружева, изготовленные в России⁴. «Русские кружева достойны удивления, но требуют специальной статьи для их справедливой оценки. В Эдинбургском кустарном складе выставлена иллюминированная реклама с образцами кружев, сплетенных детьми от 7 до 14 лет, которые получили золотую медаль на выставке хлопчатобумажных штатов США в Чикаго в 1895 г. – писал английский дамский журнал «Queen» («Королева») в январе 1898 г. – одна из девочек 14 лет – старшая из детей экспоненток Вятской губернии (из Кукарки Яранского уезда) – ездила в Нью-Йорк, где иллюстрировала плетенье кружев в Русском кустарном складе, открытом после Чикагской выставки»⁵.

М.А. Шаховская (1855–1910) была старшим ребенком в семье генерала от ин-

фантерии А.И. Шаховского (1821–1900), участника Кавказской войны и русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Князь Шаховской был храбрым офицером. Он являлся кавалером орденов святого Александра Невского, Белого Орла, святого Владимира II и III степеней, святой Анны трех степеней с мечами и бантом, имел две золотые шпаги с надписью «за храбрость» (одну из них — украшенную алмазами)⁶.

Супругой А. Шаховского была С.А. Олсуфьева, дочь действительного статского советника А. Олсуфьева, наследница имения в Вазерках. «При А.И. Шаховском, — отмечает краевед А.И. Тюстин, — вазерская усадьба была реконструирована, расширены парк и жилой дом, построены павильоны и беседки, интерьеры обогащены стильной мебелью, западноевропейский посудой и бронзой, стены украшали подлинные работы художников эпохи возрождения, шкафы были наполнены книгами в роскошных переплетках»⁷.

Из книг принадлежавших князю А.И. Шаховскому (об этом говорит находящийся на них родовой гербовый экслибрис) сохранилось собрание сочинений французского писателя Брантома (Пьера де Бурдея, 1540–1614). Все книги изданы в конце XVIII в. Из двенадцати томов, входивших в него, до нас дошло пять. Они включают собственные воспоминания писателя, жизнеописания знаменитых людей и французских полководцев и жизнеописания галантных дам (в двух частях). Последняя из перечисленных книг была издана впервые на русском языке в 1998 г. В 2007 г. издательский дом «Азбука-Классика» ее переиздал. Книга считается «Новым Декамероном», ярко повествующим о нравах и интимных сторонах жизни аристократических кругов современного автору общества.

Знакомство княгини М.А. Шаховской с Чарльзом Элиотом Нортоном было кратковременным. Среди корреспондентов Нортона княгиня не упоминается⁸. Любопытно, но подаренный Нортоном трехтомник Данте содержит неразрезанные страницы, свидетельствующие о том,

что княгиня его полностью так никогда и не прочитала.

В Лермонтовскую библиотеку книги Шаховских попали, скорее всего, после революции, когда Лермонтовка стала центром сбора книг из национализированных помещичьих библиотек. Об этом говорит автограф (1914 г.) на одной из книг, принадлежащий Марии Анатольевне Шаховской — супруге родного брата Марии Алексеевны Владимира Алексеевича Шаховского, полковника гвардии, казненного большевиками в Пятигорске в 1918 г. вместе с еще одним братом Марии Алексеевны полковником Леонидом Шаховским. Однако часть книг могла быть передана в библиотеку и до революции. На всех томах собрания сочинений Брантома имеются печати Пензенской общественной библиотеки имени М.Ю. Лермонтова. К сожалению, каталог вновь поступивших изданий в годы Первой мировой войны библиотека не вела, поэтому установить точное время поступления книг невозможно.

Впрочем, это детали. Главное, что автограф Ч.Э. Нортона на одной из книг семейной библиотеки Шаховских позволил открыть ранее неизвестную страницу в истории культурных связей дворянства Пензенской губернии.

Примечания

1. The Divine Comedy of Dante Alighieri, translated by Charles Eliot Norton. Boston and New York, 1891-1983. Vol. 1-3.

2. Фалеева В.А. Русское плетеное кружево. Л., 1983. С. 296.

3. Там же. С. 73.

4. Рашковский А.Л. Русские кустарные склады за рубежом и вятские кружевницы // Режим доступа: <http://hunny.org/novels/rashkovsky/krugevnizi.html> (дата обращения 04.06.2015).

5. Там же.

6. ГАПО. Ф. п-196. Оп. 2. Д. 3545. Л. 4.

7. Пензенская рапсодия. Пенза, 2006. С. 76.

8. Letters of Charles Eliot Norton. London, 1913. Vol. 1-2.

НАУКА

Т. Н. Кузьмина, Н. А. Шарошкин

ПЕНЗЕНСКАЯ ПИСЧЕБУМАЖНАЯ ФАБРИКА «МАЯК РЕВОЛЮЦИИ» (1918 – ИЮНЬ 1941 гг.)

Писчебумажная фабрика товарищества П.В. Сергеева («Маяк революции», ныне ОАО «Маяк») является одним из старейших предприятий Пензы. Основанная в 1850 г., она стала одной из первых в целлюлозно-бумажной промышленности. В начале XX в. продукция предприятия направлялась в Воронежскую, Казанскую, Нижегородскую, Саратовскую, Симбирскую, Тамбовскую, Уфимскую, Харьковскую, Царицынскую губернии, в Сибирь, Среднюю Азию и на Кавказ¹. В Памятной книжке Пензенской губернии за 1911 г. записано: «Писчебумажная фабрика товарищества Сергеева – одна из крупнейших фабрик в России. Кроме того, она замечательна красивым местоположением и оригинальным устройством водяных двигателей»².

Первая мировая война негативно сказалась на состоянии экономики. На фабрике П.В. Сергеева уменьшился объем производства, сократилась численность рабочих. Если в 1913 г. трудилось 889, то в 1917 г. – только 752 человека³.

Декретом Совета Народных Комиссаров (СНК) от 28 июля 1918 г. фабрика объявлялась собственностью республики. Первым руководителем национализированного предприятия становится токарь Василий Павлович Кирпичников. Техническое руководство осуществлял Э. Вольценбург⁴. В 1922 г. фабрика получила название «Маяк революции».

Благодаря наличию в Пензе писчебумажной фабрики, в 1918 г. сюда из Петрограда была переведена Экспедиция за-

готовления государственных бумаг (Управление фабрик заготовления государственных бумаг, сокращённо – Гознак). До 1923 г. здесь на бумаге, выпускавшейся фабрикой «Маяк революции», печатались первые советские денежные купюры⁵.

С размещением в Пензе Гознака внимание к работе фабрики «Маяк революции» повысилось. Главное управление писчебумажной промышленности выделило ее как особо важную, сюда направлялись специалисты для переоборудования станков и машин⁶. 2 сентября 1920 г. состоялось совместное заседание фабричного управления, фабрично-заводского комитета (ФЗК) и заведующих отделами, где были рассмотрены производственные и кадровые вопросы. Было отмечено, что в штате не хватает 356 человек. Собрание постановило: «В виду важного государственного значения, каковое в настоящее время имеет фабрика, просить Пензенский губисполком в срочном порядке провести мобилизацию специалистов писчебумажников... обратиться... к трудящимся фабрики с предложением временно работать в две смены по 12 часов для поднятия производства»⁷.

На начальном этапе формирования органов управления предприятием в силу новизны дела между членами ФЗК и заводоуправлением нередко возникали конфликты. Чтобы избежать этого, парторганизация фабрики приняла решение о ежемесячном заслушивании отчетов и вынесении спорных вопросов на обсуждение партийного коллектива⁸.

Писчебумажная фабрика в Пензе.

Восстановление промышленного производства после окончания гражданской войны осуществлялось в трудных условиях политического, экономического, социального, топливного и транспортного кризиса. На его преодоление была направлена новая экономическая политика, провозглашенная декретом СНК от 9 августа 1921 г. «О проведении в жизнь начал НЭПа».

В конце 1921 г. работа предприятий оживляется, но не во всех регионах страны. В поволжских губерниях, в частности Пензенской, засуха 1920–1921 гг. и голод как её следствие оказали негативное воздействие на состояние промышленности: производственные показатели неуклонно снижались. Пензенская писчебумажная фабрика выпускала лишь 35% запланированной продукции⁹. Только с октября 1921 г. «Маяк революции» постепенно начала расширять производство. В 1923 г. на предприятии работало две бумагоделательные машины. С 1 ноября 1924 г. была введена третья, что позволило значительно увеличить производительность (с 18464 в ноябре 1923 г. до 35400 пудов в феврале 1925 г.)¹⁰.

Одной из основных форм участия рабочих в развитии и управлении производством стали производственные совещания, сыгравшие в 1920-е гг. существенную роль в повышении трудовой активности рабочих и инженерно-технических работников (ИТР). Вот что писала газета «Трудовая правда» в 1925 г. о производственном совещании в механическом цехе фабрики «Маяк революции»: «С боль-

шим вниманием рабочими был заслушан доклад главного механика о состоянии технического оборудования фабрики. На производственном совещании присутствовали все рабочие. Они задавали очень серьезные вопросы. В прениях было выявлено много недостатков, особенно в деле повышения производительности труда. Побольше бы проводить таких цеховых производственных совещаний. Они очень много дают ценного предприятию для повышения производительности труда»¹¹.

В 1930-е гг. на фабрике, как и по всей стране, стали проходить социалистические соревнования. Так, в апреле 1931 г. на фабрике прошел месячник социалистического соревнования и ударничества, давший положительные результаты: месячный план был выполнен на 103%. С возникновением стахановского движения коллектив рабочих фабрики «Маяк революции» одним из первых поддержал этот трудовой почин. Вопросы развития стахановского движения не сходили с повестки дня фабричных партийной и профсоюзной организаций, хозяйственных органов. 11 ноября 1935 г. партком фабрики рекомендовал парторгам цехов провести разъяснительную работу о значении движения, об оказании новаторам производства практической помощи¹².

Вместе с тем к концу 1930-х гг. в промышленности Пензенской области стали проявляться отрицательные тенденции. Ускорение индустриализации вело к усилению административных методов хозяйственного руководства. Усилилось про-

*Слева: первые советские денежные знаки.
Справа: В.П. Кирпичников, первый директор фабрики, 1922 г.; Г.Н. Тихонов,
один из первых руководителей партийной организации фабрики, начало 1920-х гг.
Фотографии из личных фондов авторов.*

тивостояние между стахановцами и руководителями предприятий. В январе 1937 г. партком фабрики «Маяк революции» исключил из рядов ВКП (б) директора В.П. Кирпичникова. Он также был осужден на два года за саботаж развития стахановского движения, проявившийся в затягивании ремонта сшивального станка, на котором работала делегат чрезвычайного VIII съезда Советов стахановка Раевская¹³.

Директором предприятия становится Александр Владимирович Колпинский, занимавший эту должность до своего ареста в сентябре 1937 г. Затем фабрику возглавил И.Л. Гутарев. Несмотря на частую сменяемость руководителей, коллек-

тив предприятия активно работал, проявлял творческую инициативу. Так, в 1936 г. поступило 134 рационализаторских предложения, 61 из которых было принято. Сумма годовой экономии от их реализации составила 89,6 тыс. руб.¹⁴.

На фабрике сложились и свои рабочие династии. Семья Кирпичниковых в общей сложности проработала на предприятии более 100 лет. Ещё до революции началась трудовая деятельность Павла Ивановича Кирпичникова. Его сын Василий работал на предприятии с 1906 по 1945 гг. После национализации фабрики он стал её руководителем¹⁵. Николай Васильевич Кирпичников в 1929 г. окончил школу

фабрично-заводского ученичества (ФЗУ) и работал на фабрике до 1962 г., был секретарем парторганизации, членом группы партийного контроля, председателем ветеранов партии и комсомола Железнодорожного района г. Пензы. Участник Великой Отечественной войны. За боевые заслуги награжден орденом Великой Отечественной войны второй степени, Красной Звезды и другими правительственными наградами.

Елизавета Васильевна Кондракова вспоминала: «Поступила я на фабрику в 1902 г. в 12 лет. Работала сортировщицей. Изнурительный рабочий день длился 12 часов и больше. А заработок составлял 3 руб. 10 коп. в месяц. Вместе со мной работала моя сестра – Мельникова Наталья Васильевна». За участие в забастовке в 1912 г. Е.В. Кондракова была уволена и вернулась на фабрику после Октября 1917 г., проработав до 1939 г. Окружающие отмечали, что Е.В. Кондраковой присущи скромность, самоотверженность, трудолюбие, ответственность. С 1946 по 1968 гг. на фабрике работала и ее дочь Екатерина Алексеевна Кондракова.

Следует назвать еще одну династию, общий трудовой стаж которой составил 175 лет. В 1889 г. в возрасте 18 лет начал трудиться на фабрике Андрей Иванович Казичкин, а с 1898 г. – его брат Яков. В 12 лет пришла на предприятие и будущая жена Андрея Ивановича – Василиса Даниловна. Трудились на фабрике и их сыновья – Семен (с 1916 по 1938 гг.) и Александр (с 1924 по 1969 г.). А.И. Казичкин с сентября 1919 г. входил в заводоуправление. В 1956 г. на фабрику пришла трудиться инженером-конструктором сноха Александра Андреевича – Маргарита Сергеевна.

Основателем династии Горячевых были Петр Павлович, работал на фабрике в 1932–1950 гг., и Елена Григорьевна, трудившаяся на предприятии в 1932–1968 гг. Вскоре на предприятие пришли и их дети: Виктор с 1938 г. работал электрослесарем и Борис – с 1942 г. электромонтером. Здесь же работали и их жены – Анна Федоровна

и Антонина Сергеевна. Общий трудовой стаж семьи составил 185 лет¹⁶.

Таким образом, в 1918–1941 гг. одно из старейших предприятий города активно развивало свое производство, осваивало новые виды продукции. Рабочие участвовали в социалистическом соревновании, стахановском движении, выдвигали рационализаторские предложения. Сложились целые трудовые династии. Все это способствовало развитию предприятия, которое занимало ведущие позиции в отрасли.

Примечания

1. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 36. Д. 77. Л. 57-58; Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 177. Оп. 1. Д. 1422. Л. 5.

2. Памятная книжка Пензенской губернии на 1911 год; ГАПО. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 21. Л. 93-94.

3. Россия в Первой мировой войне. 1914-1918 гг. (в цифрах). М., 1925. С. 57, 72.

4. ГАПО. Ф. П-674. Оп. 1. Д. 15. Л. 11; Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 3. Л. 17.

5. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 32. Д. 209. Л. 117-119, 137-139.

6. Там же. Д. 210. Л. 5-7, 52, 153-156.

7. ГАПО. Ф. П-37. Оп. 1. Д. 30. Л. 32.

8. Шарошкин Н. А. Промышленность и рабочие Поволжья в 1920-е годы. Пенза, 1998. С. 17.

9. ГАПО. Ф. П-36. Оп. 1. Д. 595. Л. 194; Д. 753. Л. 88-89.

10. Государственный архив РФ (ГАРФ). Ф. 5451. Оп. 9. Д. 223. Л. 56; ГАПО. Ф. П-36. Оп. 1. Д. 637. Л. 12, 16.

11. Трудовая правда. 1925. № 8.

12. ГАПО. Ф. П-36. Оп. 1. Д. 1601. Л. 272.

13. ГАПО. Ф. П-670. Оп. 1. Д. 9. Л. 108.

14. ГАПО. Ф. П-670. Оп. 1. Д. 20. Л. 1; Д. 12. Л. 41, 47; Д. 11. Л. 27.

15. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 36. Д. 884. Л. 150-154.

16. ГАПО. Ф. Р-510. Оп. 1. Д. 21. Л. 4, 14, 26, 44.

ТАЙНЫ,
НАХОДКИ,
ОТКРЫТИЯ

А.Н. Соболев

ПЕНЗЕНСКОЕ ГУБЕРНСКОЕ ЖАНДАРМСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ (1913 – 1917)

В 1867 году на основании высочайше утвержденного «Положения о корпусе жандармов» было создано Пензенское губернское жандармское управление (ГЖУ). В канун Первой мировой войны данная структура окончательно сформировалась как орган политического сыска, контрразведки, надзора и следствия.

ОСВЕДОМИТЕЛИ И ФИЛЁРЫ

В условиях начавшейся войны органы жандармерии оказались перед новыми вызовами. Особое значение приобрела борьба со шпионажем, но по-прежнему не меньшую опасность представляли и внутренние враги в лице антиправительственных партий и групп. Разгром революционного движения 1905-1907 гг. сам по себе не решил социально-политических и экономических проблем, а разразившаяся в 1914 г. война лишь усугубила их.

Пензенское губернское жандармское управление относилось к третьему разряду¹. Накануне войны в штате управления числились: его начальник – полковник Леонид Николаевич Кременецкий (с 1916 г. – генерал-майор), заступивший на должность в мае 1913 г.; помощник начальника – ротмистр Н.И. Кононов², два вахмистра, 21 унтер-офицер, два писаря. Кроме того, вне штата работали четыре агента наружного наблюдения, один секретный сотрудник и два осведомителя³. Агенты наружного наблюдения И.М. Шамов, М.В. Моисеев, Н.Е. Горшунов и С.С. Лукьянов⁴, так называемые филёры,

занимались слежкой за лицами, представлявшими интерес для органов сыска. Все четверо были выходцами из крестьян и прослужили филёрами не один год. Секретные сотрудники вербовались из среды революционеров. Являясь членами антиправительственных организаций, они осуществляли внутреннее наблюдение, выдавали жандармам деятелей революционного движения и сообщали о готовящихся акциях. В практике сыска секретной агентуре придавалось большое значение. «На обязанности лица, ведающего политическим розыском, лежит прежде всего приобретение и сбережение внутренней секретной агентуры – единственного вполне надежного средства, обеспечивающего осведомленность», – говорилось в Инструкции по организации внутреннего наблюдения⁵. С 1913 по 1915 г. в Пензенском ГЖУ числился секретный сотрудник, проходивший под агентурной кличкой Петровский. Его настоящее имя – Кузьма Петрович Сторожев. Он был родным братом известной пензенской революционерки Т.П. Сторожевой (в замужестве Метальниковой). Кроме постоянной агентуры работали «штучники» – это агенты, которые давали информацию нерегулярно, получая деньги за каждое отдельное сообщение. Два осведомителя, Кривошеев и Александрович, официально служили в почтовом ведомстве, сообщая о настроениях служащих. Для встреч с секретной агентурой жандармерия пользовалась конспиративной

квартирой на Гоголевской улице, в доме № 21, хозяином которой был Богомолов С.Е.⁶. Филёры, секретные сотрудники и осведомители ежемесячно получали зарплату, которая с 1913 по 1917 г. неуклонно снижалась. Помимо перечисленных лиц, работали и другие агенты, но они, по выражению Кременецкого, представляли собой «элемент случайный»⁷.

Внутреннее и внешнее наблюдение – это основной метод работы жандармерии как органа сыска и надзора. Из вышесказанного видно, что Пензенское ГЖУ не располагало достаточным количеством людей, чтобы осуществлять свои функции максимально эффективно. Например, при наличии четырёх филёров можно одновременно вести слежку только за двумя лицами, так как для квалифицированного наблюдения требуется не менее двух человек на один объект. Не хватало и штатных сотрудников. После начала войны шесть унтер-офицеров ГЖУ отправились на фронт.

РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ ПОД НАДЗОРОМ

Несмотря на проблемы с кадрами, пензенская жандармерия получала достаточно полную информацию о революционерах. Во многом этому способствовала ситуация, сложившаяся в губернии к началу войны. После революции 1905 г. здесь оставались лишь потерявшие былую мощь разрозненные группы эсеров и отдельные представители других течений. «В Пензе было всё ликвидировано», – вспоминал о том времени К.П. Сторожев⁸. С одной стороны, в таких условиях для освещения антиправительственных организаций жандармерия не нуждалась в большом количестве секретных сотрудников, но, с другой стороны, с учётом меняющейся социально-политической ситуации, в любой момент могла возникнуть необходимость в новых агентах, на вербовку которых требуется время. Сам Сторожев, имея обширные знакомства, выдал жандармерии целый ряд местных эсеров и сочувствовавших им лиц: Сахарова, Москвина, Лебедеву, Мелянченкова, Ягодина, Емелина

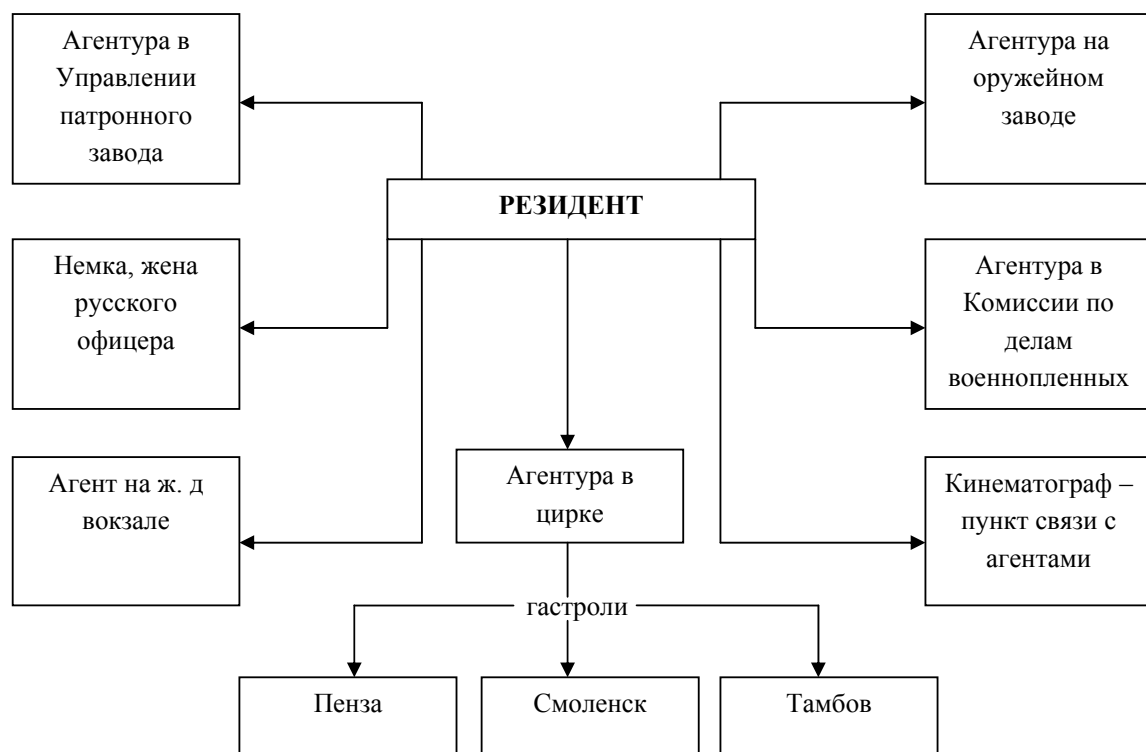
Участники подпольной ученической организации в пензенской тюрьме перед отправкой в ссылку. 1911 г. Шишкин И.С. Пенза. Листая старый альбом, (1900–1920 гг.). Пенза, 2013.

и других. Он же выдал подпольную ученическую группу, выпускавшую журнал. По своей инициативе Сторожев вступил в Общество содействия внешкольному образованию и стал членом Комиссии разумных развлечений. В этих организациях он выполнял функции осведомителя.

БОРЬБА СО ШПИОНАЖЕМ

В годы Первой мировой войны Германия и Австро-Венгрия вели на территории России активную разведывательную деятельность. Штабы военных округов, в обязанности которых входила контрразведывательная работа, и жандармерия искали вражеских шпионов среди проживавших в России иностранцев⁹. Пензенское ГЖУ вело за ними наблюдение, контролировало организации, в которых служили выходцы из других стран. Видимо, в столице придавали большое значение

Пензенское краеведение № 5 (15) 2015

Схема германской шпионской организации в Туле. Печатается по изданию: Звонарёв К.К. Агентурная разведка. Т. 2. Киев. 2005.

борьбе со шпионажем, поэтому из центра на места целенаправленно командировали агентуру. Например, осведомитель Кривошеев прибыл в Пензу из Петрограда по заданию высокопоставленного руководства и работал здесь в цензурной комиссии при почтовом ведомстве, которая, по имевшимся у жандармов сведениям, состояла из лиц, сочувствовавших немцам. Её возглавлял штабс-капитан Загорский, а его жена немка принимала активное участие в комиссии и привлекала к работе в качестве цензоров других немцев. Контрразведкой в Пензенском ГЖУ занимался унтер-офицер И.Т. Бессонов¹⁰. С 1913 г. он заведовал розыскным столом, и в его компетенции находилась не только борьба со шпионами, но и общий сыск, работа с секретной агентурой, наблюдение за иностранцами, выдача заграничных паспортов и отчасти даже бухгалтерия. При таком обилии должностных обязанностей вряд ли можно рассчитывать на серьёзные успехи в контрразведывательной работе. Справедливости ради нужно заметить, что и в других ГЖУ трудно было найти

профессиональных контрразведчиков, т.к. основной задачей органов жандармерии был политический сыск. Между тем иностранные разведчики не обошли своим вниманием Пензу. В Туле, уже при советской власти, раскрыли целую шпионскую сеть, работавшую во время Первой мировой войны. Резидентура этой сети использовала гастролировавших по городам цирковых артистов для ведения разведывательной работы в Пензе, Смоленске и Тамбове¹¹.

ПРОВОКАЦИЯ КАК МЕТОД

Внутренних врагов жандармерия выслеживала более успешно, чем иностранных шпионов, но обратной стороной успехов были злоупотребления, связанные с провокационными методами работы. Иногда секретные сотрудники сами организовывали подпольные революционные структуры и склоняли к антиправительственной деятельности других лиц. Культивирование революционного движения имело целью создание антиправительственных организаций для их уничтожения

в дальнейшем. Таким способом достигались хорошие показатели в работе жандармов. Подобные приемы категорически запрещались и назывались «провокаторством»¹². В истории Пензенской жандармерии тоже имел место случай, в котором многие тогда усмотрели «провокаторство». Незадолго до революции 1917 г. у начальника ГЖУ Кременецкого появился новый секретный сотрудник. Это был пензенский мещанин Константин Иванов, привлекавшийся ранее в качестве обвиняемого по делу о покушении на директора Сердобского реального училища, а затем сотрудничавший с эсерами. Иванов принял активное участие в организации подпольной типографии, что ему, как секретному, сотруднику запрещалось. Скандал дошел до столицы, и оттуда для выяснения всех обстоятельств приехал чиновник особых поручений П.М. Митрович¹³. Расследование показало, что Иванов утаил от Кременецкого своё деятельное участие в «постановке» типографии¹⁴, хотя у людей, посвященных в тонкости сыска, возникали сомнения на этот счёт. Дело в том, что в карьере Леонида Николаевича, ранее служившего в других губерниях, это была уже не первая типография, появившаяся на свет столь подозрительным образом. Директор Департамента полиции А.Т. Васильев писал о нём: «Определенно провокационно служил и генерал Кременецкий.... Он сам „ставил“ и „брал“ типографии; даже в Пензе, уже уходя со службы, он проявил провокационную деятельность, „поставив“ при помощи сотрудника социал-революционерскую типографию»¹⁵. Ему вторит бывший начальник петербургской охраны А.В. Герасимов: «Кременецкий сам через своих агентов устраивал эти нелегальные типографии, давая для них шрифт, деньги и прочее»¹⁶.

НЕСВОЕВРЕМЕННАЯ РЕФОРМА

События, развернувшиеся в 1917 г., заставили всех позабыть о скандале в Пензе. Революция уничтожила монархию в России, а вместе с ней и все силовые структуры империи. 4 марта 1917 г. Кре-

менецкий и его помощник Кононов были арестованы по постановлению Пензенского исполкома и заключены в тюрьму. Здание на Суворовской улице, в котором на первом этаже находилась канцелярия ГЖУ, было тут же занято только что созданной милицией. Незадолго до ареста Кременецкий и Бессонов сожгли списки филёров и секретных сотрудников, а также много других документов, касающихся деятельности жандармского управления. В 1918 г. Кременецкий и его секретный сотрудник Иванов были расстреляны Пензенской губернской ЧК.

Годы, предшествующие революции 1917 г., были не лучшими в истории российской жандармерии. Распространившиеся в этой среде провокационные методы работы свидетельствовали о кризисе всей системы политического сыска в стране. Реформа, которую в 1913–1914 гг. проводил командующий Отдельным корпусом жандармов В.Ф. Джунковский, привела к сокращению штата, ликвидации большинства охранных отделений и ограничениям в агентурной работе в армии и на флоте. Если в период революции 1905–1907 гг. деятельность жандармских органов являлась в целом эффективной, то после 1913–1914 гг. общеполитическая ситуация, настроения, царившие не только в общественных кругах, но и во властных структурах, а также несвоевременная реформа не позволяли жандармерии в должной мере осуществлять функции органов государственной безопасности. В этом смысле ситуация в Пензенском ГЖУ была вполне типичной для того времени.

Примечания

1. Колтакиди А., Север А. Спецслужбы Российской империи. М. 2010. С. 226.
2. Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов. Петроград 1915. С. 55.
3. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 43. Оп. 1. Д. 240. Л. 39.
4. Справочник-список офицерского и рядового состава жандармских управле-

ний, охранных отделений. М., 1940. С. 67, 164, 185, 304.

5. Инструкция по организации внутреннего (агентурного) наблюдения, 1907 г. // Агентурная работа политической полиции Российской империи. Сборник документов. 1880–1917. Составитель Е.И. Щербакова. М.-СПб, 2006. С. 95-96.

6. Справочник-список офицерского и рядового состава жандармских управлений, охранных отделений. М., 1940. С. 31.

7. ГАПО. Ф. 43. Оп.1. Д. 240. Л. 40.

8. Там же. Л. 137.

9. *Никитинский И., Софинов П.* Немецкий шпионаж в царской России. Сборник документов. М. 1942. 7-14 с.

10. ГАПО. Ф. 43. Оп.1. Д. 240. Л. 24.

11. *Звонарёв К.К.* Агентурная разведка. Т.2. Киев. 2005. Переиздание двухтомного

исследования работы разведывательных служб Германии и Российской империи, вышедшего для служебного пользования в 1929–1931 гг. 522 с.

12. Инструкция по организации внутреннего (агентурного) наблюдения, 1907 г. // Агентурная работа политической полиции Российской империи. Сборник документов. 1880 — 1917... С. 96-97.

13. ГАПО. Ф. 43. Оп.1. Д. 240. Л. 95.

14. Падение царского режима. Стенографические отчёты показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Под ред. П.Е. Щеголева. Л., 1924. Т. I. С. 79.

15. *П.Е. Щеголев.* Охранники и авантюристы. М., 1930. С. 167.

16. *Герасимов А.В.* На лезвии с террористами. Париж, 1985, Вып. 4. С. 21.

В.Ю. Кладов

ПЕНЗЕНСКИЙ ОБОРОНИТЕЛЬНЫЙ РУБЕЖ В 1942–1944 гг.

Стремительное наступление немецко-фашистских войск летом 1941 года поставило перед советским руководством крайне сложную задачу. Необходимо было возвести систему тыловых укреплений, способных на длительное время задержать неприятеля.

22 октября 1941 года бюро Пензенского городского комитета партии приняло решение о постройке вокруг Пензы оборонительного рубежа. Главный объем инженерных работ был возложен на 6-ю саперную армию. Однако к строительству широко привлекалось местное и эвакуированное население. В 1941 г. было мобилизовано более 100 тыс. человек. Строители возводили рубеж по реке Суре, через Лунино, Бессоновку, Пензу, Лемзяйку и Ключи. Параллельно с этим строилась еще одна линия обороны: Лунино — Мокшан — Загоскино — ст. Александровка. Планировалось соорудить 450 километров рвов, 1500 огневых точек, построить 12000 землянок для бойцов. Для этого потребовалось более 300 тыс. кубометров леса, 1,5 миллиона штук кир-

пича, десятки вагонов стекла, кровельного железа и гвоздей¹.

План обороны Пензы предусматривал возведение еще трех укрепленных рубежей. В случае атаки немцев планировалось сжечь все населенные пункты, расположенные на пути отступления: Бессоновку, Арбеково, Мастиновку, Блохино, Валяевку и др. Тем самым враг лишался средств обогрева в зимний период. Областной центр должны были защищать войска Селиксенского гарнизона и отряды местной самообороны. По внешнему обводу Пензы должны были курсировать два бронепоезда. На случай прорыва танков предусматривалось минирование мостов через реку Суру, а также установка зарядов для внезапного подрыва и разрушения ледяного покрова.

Декабрьское контрнаступление советских войск под Москвой снизило военную угрозу со стороны немецко-фашистских войск. 17 января 1942 г. было объявлено о прекращении работ на оборонительном рубеже². По мнению В.А. Мочалова, точной датой окончания строительства можно считать

22 января 1942 г. В этот день командование 51 ПС обратилось с письмом к руководству Пензы, в котором проинформировало, что рубеж «закончен в срок и на отлично»³.

На этом событии «официальная» история Пензенского рубежа заканчивается. Поэтому крайне интересным представляется вопрос его дальнейшей судьбы в изменившихся условиях.

Еще за неделю до завершения строительных работ, 14 января 1942 г., вышло решение исполкома облсовета «Об охране оборонительного рубежа в Пензенской области». В этом документе от председателей райисполкомов органам НКВД требовалось принять по актам все построенные сооружения. Требовалось плотно закрыть амбразуры и входы деревянными щитами или хворостяными матами, а двери в землянках заколотить и опечатать. Зона фортификационных сооружений объявлялась закрытой для местного населения. За соблюдением режима должны были следить патрули, имеющие соответствующий мандат⁴.

Уже тогда стали регистрироваться первые факты расхищения построек местным населением. В частности, подобные случаи были неоднократно зафиксированы в Лунинском, Бессоновском и Даниловском районах. О происшествии вскоре стало известно высшему руководству страны, и 1 февраля 1942 г. в Пензу пришло чрезвычайно жесткое по своему тону сообщение из Генштаба Красной Армии. Подчеркивалось, что в условиях военного времени подобные действия ряда граждан следует трактовать не просто как хищение социалистической собственности, но как поступки, направленные на подрыв обороноспособности страны⁵.

Реакцией на это письмо стал проект решения Пензенского облисполкома, который предусматривал усиление охраны рубежей с помощью дополнительных сторожевых постов. Отвечать за неприкосновенность оборонительных линий должны были непосредственно руководители сельсоветов и председатели колхозов, а не районные начальники, как практиковалось раньше. В случае разрушения построек их было обя-зано восстанавливать местное население⁶.

Военное руководство страны пристально следило за сохранностью тыловых укрепленных рубежей. 26 марта 1942 г. командующий войсками ПРИВО направил в адрес Председателя Комитета обороны Пензенской области подробное инструктивное письмо. В нем содержалось требование принять действенные меры по охране построек от грядущего паводка, а также исправить все имеющиеся повреждения. В качестве мероприятий, обязательных к исполнению, были указаны, в частности, следующие.

Перед наступлением весенней оттепели требовалось очистить все сооружения от снега, как внутри, так и вокруг них. Снег при очистке должен был складываться так, чтобы образовавшаяся от его таяния вода не попадала внутрь сооружений. В целях предотвращения сооружений от затопления все проемы и входы было необходимо заделать щитами из досок. У построек, расположенных на скатах, рекомендовалось сделать водоотводные каналы. После спада воды требовалось произвести серьезные работы по восстановлению рубежа: откачать воду из сооружений, очистить их от ила и песка, исправить обсыпку и маскировку, очистить рвы, окопы и ходы сообщения от наносного грунта и т.д.⁷

С завершением паводка руководство Пензенской области осуществило ревизию оборонительных сооружений. По ее итогам выяснилось, что рубеж находится в неудовлетворительном состоянии. Причем в качестве главной причины сложившейся ситуации было указано не весеннее распустье, а низкое качество работ, произведенных 6-й саперной армией в зиму 1941—1942 гг. Стало очевидно, что подавляющее большинство построек возводились в песчаном грунте без производства укреплений. Неудивительно, что к моменту инспекции почти все оборонные сооружения пришли в полную негодность. К тому же, огневые точки оказались неудовлетворительно расположены в тактическом отношении: без взаимной огневой связи, с наличием значительных «мертвых пространств». В письме также было отмечено, что для восстанов-

ления рубежа потребуется большую часть укреплений выстроить заново. Для определения точного объема восстановительных работ Пензенский обком просил направить в его распоряжение компетентную комиссию⁸. В ответном письме командующий войсками Приволжского военного округа генерал-лейтенант Калинин просил начать восстановление рубежа силами местных жителей, обещая впоследствии помощь от воинских частей⁹.

В условиях начала Сталинградской битвы и вновь возникшей угрозы появления немецких войск, были приведены в полную боевую готовность части Селиксенского гарнизона. В июле 1942 г. отряды 37-й запасной стрелковой бригады заняли оборону по правому берегу Суры, от Грабово до Ахун и Золотаревки. Был принят под охрану большой участок местности, расположенный внутри линии: Пазелки – Мертовщина – Малый Колояр – Бессоновка – Пенза – Ахуны – Золотаревка – Шнаево – Чемодановка¹⁰. Саперами возводились противотанковые рвы и ямы-ловушки. Артиллеристы и пехотинцы сооружали огневые позиции, готовясь к интенсивным боям. В пользу обороняющихся играли глубокие овраги и густые леса на территории современного Заречного. Вероятнее всего, прорвавшихся фашистов здесь ожидала печальная участь.

Второй этап освоения пензенского рубежа силами 37 ЗСБ начался в сентябре 1942 г., однако теперь он имел в основном учебную направленность. На базе инженерных сооружений отрабатывались навыки в тактической и огневой подготовке. Одновременно практиковались внезапные тревоги с занятием укреплений и прочесыванием окружающей местности. Бойцы готовились в любой момент отразить атаку штурмовых или диверсионных групп противника.

К счастью, имевшиеся военные замыслы так и не были реализованы. Победа советских войск под Сталинградом окончательно устранила военную опасность для Пензы. В марте 1943 г. Пензенский рубеж в последний раз был восстановлен и приведен в надлежащий порядок. На

работы были мобилизованы 1000 сельских жителей и 300 рабочих с различных предприятий области. А уже в мае 1943 г. все сооружения были переданы под охрану Пензенскому лесхозу и милиции¹¹.

Решением Генерального штаба Красной Армии дальнейшая охрана и поддержание в порядке оборонительных сооружений, располагавшихся на территории Пензенской области, была признана нецелесообразной. В марте 1944 г. руководитель Пензенского обкома в своем письме секретарю Даниловского райкома приказал дерево-земляные сооружения разобрать и использовать на хозяйственные нужды. Требовалось поддерживать в сохранности лишь долговременные укрепления: железобетонные ДОТы, колпаки и проч.¹² Рубеж был окончательно заброшен за ненадобностью в послевоенные годы.

Вскоре обрушились и бесследно исчезли постройки, возведенные на зыбком песчаном грунте. И сегодня лишь неестественно ровные берега пензенских рек напоминают о былых событиях.

Примечания

1. Государственный архив Пензенской области (далее ГАПО). Ф. п-148. Оп. 1. Д. 397. Л. 127.

2. *Малышев В.И.* Волжско-Сурский оборонительный рубеж // Информационный вестник Пензенского областного совета ветеранов. 2008. № 5. С. 44-45.

3. *Мочалов В.А.* Пензенский оборонительный рубеж 1941 года // Из истории области. Очерки краеведов. Пенза, 1995. Вып. V.

4. ГАПО. Ф. п-148. Оп. 1. Д. 658. Л. 6.

5. Там же. Л. 7.

6. Там же. Лл. 9-10.

7. Там же. Лл. 22-24.

8. Там же. Д. 763. Л. 46.

9. Там же. Д. 771. Лл. 29-29 об.

10. Центральный архив Министерства обороны РФ. Ф. 37 ЗСД. Оп. 432113. Д. 1. Л. 112.

11. ГАПО. Ф. п-148. Оп. 1. Д. 773. Лл. 48-50.

12. Там же. Д. 1087. Л. 5.

ТОЧКА НА КАРТЕ

Ю.М. Кузьмиров

КОЗЬЕ БОЛОТО

Район Пензы *Козье болото* своё название получил, видимо, от того, что каждую весну внутри кварталов по улицам Либерсона (Козье болото), Урицкого (Казанская), Набережной в низинах образовывались болота, вокруг паслись козы. В 1912 г. обыватели обратились в Городскую думу с просьбой переименовать их район Козье болото, как неблагозвучное, устаревшее, вызывающее удивление, в более пристойное название, например, Надежденская или Тургеневская. Но им было отказано по причине того, что район носит историческое название. Другие районы называются Пески, Мешок, Маяк, Нахаловка, Шуист, Райки, Бугровка, Манчжурия. Когда кто-то из жителей шёл на рынок или в универмаг, то говорили, что он «пошёл в город». Центром Пензы была Советская площадь.

Прогулку по послевоенному Козьему болоту, начну с рассказа об улице Набережной реки Пензы, где я живу с 1946 г. Наша улица известна с 1819 г. Название Набережная реки Пензы улица получила оттого, что находится на левом берегу реки Пензы. В 1945 г., прорвав Курильскую плотину, река Сура здесь проложила новое русло. Старое русло реки Суры пролегает через Ахуны, Сосновку, Маяк. С тех пор улица не меняла своего названия.

На задних дворах домов № 20, 21, 22 между Набережной и улицей Урицкого находился колбасный цех, который построили в 1930-х гг., отобрав у местных жителей огороды. Одноэтажный деревян-

ный цех был со своей бойней, котельной, большим погребом. Работал цех на угле, и котельная, как и баня, коптила всю округу чёрным дымом, сажей так, что порой нельзя было вывесить сушиться бельё. Потом там открыли кондитерский цех. Запах ванили и выпечки стоял на весь квартал. Закрыли кондитерский цех после взрыва котельной, когда погибли люди, где-то в начале 1970-х гг. В некоторых дворах были голубятни. Зимой катались на лыжах, коньках, санках. Летом взрослые и дети играли в домино, в волейбол, в городки. Общались, телефоны проводные, домашние были редкостью. Например, на нашей улице было три телефона: у Рузановых, Акимовых, Лебедевых, и соседи ходили к ним позвонить при крайней необходимости. Не было тогда ни мобильных, ни телевизоров, ни компьютеров, ни Интернета с их виртуальной реальностью.

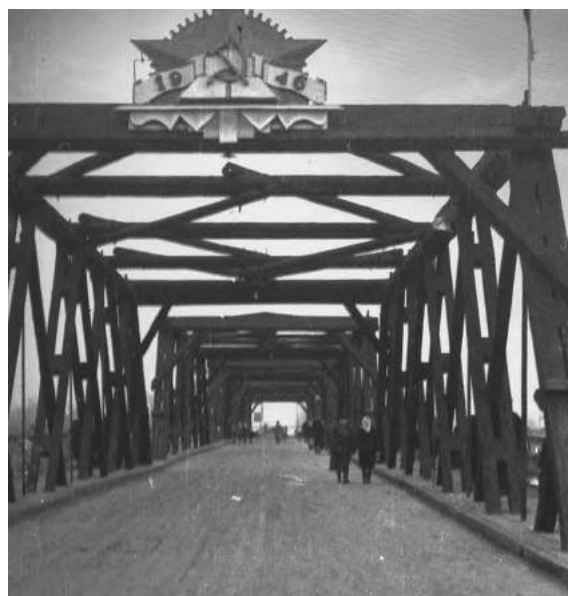
Дома во дворе № 21 построил в 1900 г. ассириец. Они стоят до сих пор. Соседские дворы тоже в основном построили зажиточные люди. В 1930-х и 1960-х гг. здесь покупали дома, квартиры и заселялись деревенские жители. Улица была тихая, машин раньше ни у кого не было. Почти в каждом дворе были сады, сажали и цветы: георгины, табак, вьюны, маки. Народу и машин в городе было мало. Только проезжие части центральных улиц были мощёные брусчаткой. По Набережной раньше грузовые машины ездили только осенью за дровами. Было так же удовольствием покататься на машине,

Пензенское краеведение № 5 (15) 2015

прицепившись сзади за борт и повиснув на нём. Отец Жанны Машковой работал водителем в троллейбусном депо, которое построили в 1946 году, и мы иногда катались в кабине «зайцами» от часового завода до мебельной фабрики. Летом на улице и во дворах росли грибы шампиньоны, мы их собирали, родители жарили.

Достопримечательностью нашей улицы был большой по тем временам *Татарский мост*. Сейчас на этом месте подвесной пешеходный мост. Татарский мост построили пленные немцы в 1946 г., они говорили, что мост прослужит лет 20. Со временем он обветшал и сгорел в 1966 г. Голодные пленные немцы просили у местных жителей хлеба: «Geben sie mir bitte ein kuss brot». Население подкармливало их. У школьников они выманивали бутерброды. Немцы также строили дороги, дома. По мосту ходили пешеходы, ездил транспорт, например, автобус № 1. Своё название мост получил от моста, что был до этого выше по течению, стоял на сваях, и его каждый год сносило половодьем, а строили его татары. Но мы его не застали. Все фермы моста были смолёными, гидронированными. Утром и вечером по мосту прогоняли стадо, в основном коров, которых пастухи пасли на Маяке или в пойме правобережья реки Суры.

Лёд зимой на реке в ту пору был очень толстым, более метра, чистый, голубой. Чуть выше по течению от Татарского моста, заготавливали лёд. Холодильников в магазинах в то время не было. Холод сохраняли в погребах. Бригады мужиков заготавливали лёд. Откалывали ломом большие, по квадратному метру, куски льда и баграми поднимали из воды. Работа была опасная. Случалось, что заготовители соскальзывали в холодную воду. Мы, пацаны, забирались в вырубленные ледяные ямы и смотрели, как в аквариуме, на замёрзших в голубом льду рыбок. Глыбы льда складировали на месте, где сегодня расположен торговый центр «Пассаж», развозили по магазинам. Весна – это и ледоход. На реке лёд у берегов темнел, местами покрывался водой, становился

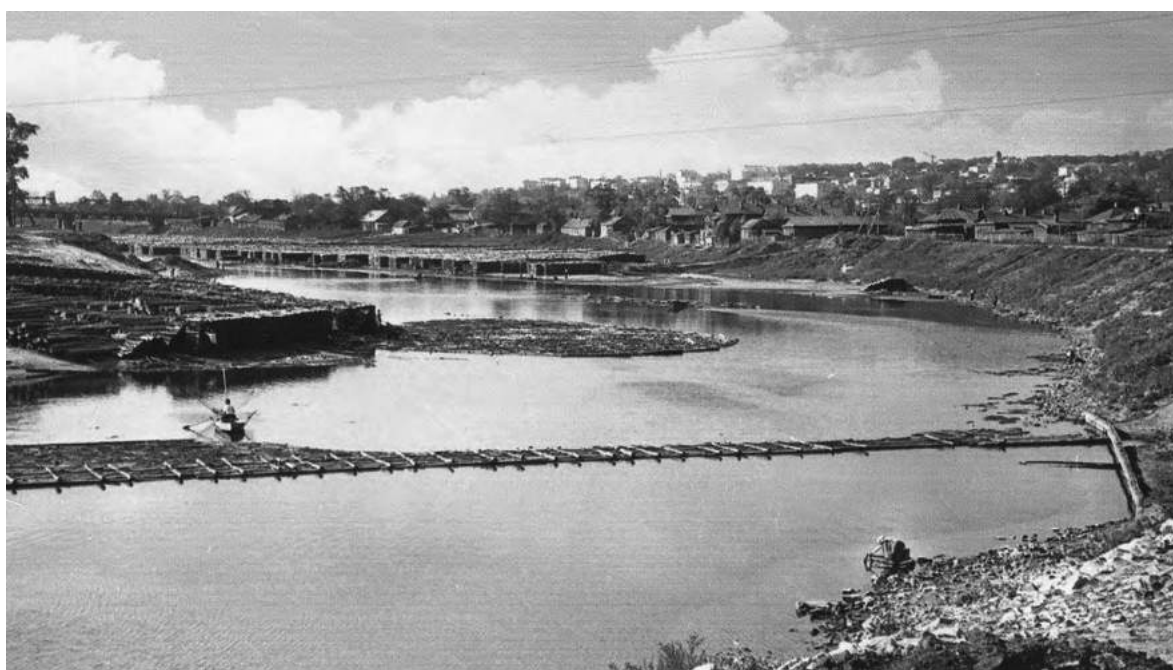
Татарский мост.

пористым, в отдельных местах отрывался от берега. Предвестник ледохода – подрывы льда. Вначале была слышна канонада с юго-востока от Божьей горы, затем приезжали машины с взрывчаткой и подрывниками на наш берег. Перед Татарским мостом, для того, чтобы не было заторов, делали лунки во льду, закладывали толстые шашки и с помощью бикфордова шнура подрывали. Шнур был коротким, и подрывник должен был вовремя убежать. Иногда несколько подрывников закладывали шашки одновременно, поджигали шнуры и убегали. Были и осечки, и было интересно наблюдать, как подрывник, нервно куря, подкрадывался к невзорвавшейся лунке, вытаскивал планку с верёвкой и оторвавшимся толком. Смех многочисленных зрителей на берегах, которые стекались, чуть ли не со всей Пензы. Взрывы были разные: одни взрывы были глухими, и лёд вперемешку с водой невысоко поднимался над поверхностью, другие звонкие, когда куски льда высоко выбрасывались в небо. Они на мгновение застыли высоко в воздухе и устремлялись вниз вместе с перекалиной. Зрелище завораживало и, чтобы не попасть под ледяной дождь «артатаки», все бросались от реки. Бывали случаи, когда куски льда падали на крыши домов или рядом с нами. От куска льда оставалось лишь мокрое

место. На это время окна, как во время войны, заклеивали полосками газетной бумаги крест-накрест, дома и посуда в них тряслись. После взрывов оставались тёмные холодные полыньи. Ледоход обычно начинался 10 апреля или после подрыва льда. Каждый хотел застать начало ледохода первым. На поверхности льда сначала появлялись трещины, начиналось медленное движение, льдины налезали одна на другую, вставляли вертикально, все больше и больше. Затем движение и гул возрастали. Это стихия, это первозданная природа! Всегда находились смельчаки, как их сегодня называют «экстремалы», а тогда их называли «дуроломы», которые, перепрыгивая по движущимся льдинам, на спор перебирались с берега на берег или катались на льдинах. Часто взрослым приходилось их спасать с помощью верёвок, лестниц, багров. Иногда люди тонули по пьянке или в распутицу. Собиралось много народа, чтобы посмотреть, как ищут утопленника. На льдинах нередко плыли постройки, снесённые половодьем выше по течению. Различали лёд «асеевский», «курильский». Ледоход шёл с большой скоростью, сотни людей два-три дня любовались этим зрелищем. Многие люди стояли на деревянном мос-

ту, глядя, как тяжеленные льдины натянулись на окованные толстым железом ледорезы моста, на быки. Мост дрожал, скрипел, но выдерживал. Вот такой был аттракцион. В половодье река выходила из берегов, порой заходила во дворы и стояла несколько дней. Половодье – это новые развлечения, новые приключения. Плавали на лодках, плотках. Во время ледохода рыба прибывалась к берегу, здесь её и ждали рыбаки с наметкой или с люлькой.

Первый признак осени – Ильин день (начало августа). Вода в реке становится холоднее день ото дня, ночи прохладные. Второй признак – начало сплава леса. И это было! Плыли большие плоты из бревен, на которых были и шалаши, где плотовщики-татары готовили пищу, управляли плотами. Перед Татарским мостом они перегораживали реку брёвнами, соединёнными тросами, и мы бегали по этим брёвнам от одного берега до другого. Начинался сплав дров, поленьев метровых длиной. Запруда из дров была от моста до бани. С нашей стороны улицы был большой пляж, сюда и складывали выловленные из реки поленья. Рабочие возили их на тачках по деревянным настилам. Длинные штабеля дров с узкими

Сплав леса.

Пензенское краеведение №5 (15) 2015

проходами тянулись по всему пляжу от воды до берега. В штабелях мы играли в прятки, в войну или в карты, учились курить окурки, подобранные возле бани, учились ругаться матом. Но всё плохое впоследствии не прилипло к нам, за редким исключением. Запомнились запахи мокрого леса. В детстве у каждого было своё корыто, в них мы тоже плавали по речке. Когда начинался сплав, то мы плавали на брёвнах, на метровых плашках дров. Дома, учреждения отапливались исключительно дровами или углем. Шла заготовка и вывоз дров с поздней осени вплоть до зимы. Находилось занятие и нам. Твердого покрытия дороги не было. После дождя машины часто застревали в грязи и, чтобы они смогли выехать, под колеса подкладывали плашки. Машина уезжала – бревно оставалось у нас. У каждого из нас был маленький топорик. Вытыкали с размаху в метровую плашку и волокли её каждый в свой двор. Иногда выпрашивали у грузчиков: «Дядь, сбрось плашку!». У нас было и соревнование, и конкуренция. Каждый заготавливал до двух и более кубометров дров. Еще с осени для сторожа строили у берега землянку: стены, потолок были из брёвен, сверху насыпана земля, торчала железная труба, внутри – топчан, стол, «печка-буржуйка». Когда печь топилась, в землянке было тепло и уютно, всегда был кипяток. Мы часто приходили в землянку с ровесницей Розой к её матери-сторожу погреться, бросали на раскалённую поверхность печки головки от спичек, устраивая небольшой фейерверк. Строили мы и свои «землянки», шалаши.

В начале 1960-х гг. ранее узкую, мелкую, но чистую речку Суру перепрудили у ТЭЦ-1, пустили теплоходы «Пенза», «Сура» до Барковских дач. Каждый из нас стремился подплыть к теплоходу, чтобы поплавать на волнах или обрызгать пассажиров, подплыть к корме к струе водомёта. Первая пристань на понтонах была на нашей Набережной, здесь же был прокат шлюпок, играл оркестр, на теплоходах работали буфеты. Билет вначале стоил – 20

Теплоход.

коп. Прокат лодок был и на Песках на спасательной станции. Вообще, на речке летом всегда было многолюдно. Купались, мылись, стирали, отдыхали, загорали, ловили рыбу, плавали на лодках вёсельных и моторках, на камерах от машин. Никаких запретов. Настоящая жизнь была на природе, на речке.

Была на нашей улице достопримечательность – баня. Она стояла на пересечении нашей улицы с улицей Либерсона и была известна на весь город как баня на Козьем болоте. Это было одноэтажное, кирпичное здание с толстыми стенами. Лицевая сторона выходила на улицу Либерсона, восточная – на берег Набережной. Взрослые всей округи брали кипяток, который лился из трубы котельной бани под берег, носили домой или там же стирали бельё. Зимой полоскали бельё в проруби. На восточной стене бани в кирпичной кладке были выбоины от пуль белочехов. Почти всё население частного сектора, а это было основное население Пензы до 1958 года, мылись и парились в ней, кроме тех, кто имел свои бани. Шли в баню целыми семьями со своими вениками и даже тазами. Веники берёзовые

или дубовые старушки продавали и около бани за 10 коп. Баня была просторной, человек на 50 в каждом отделе, но по субботам и воскресеньям были огромные очереди. Перед помывкой свободное место каждый обмывал кипятком. Сиденья, как и пол, были цементными, стены до метра высотой и перегородки выложены кафелем. Мылись многие хозяйственным мылом или банным, хвойным, шампуней не было. Тёрли мочалками из лыка – тонкие, лубяные волокна липы, друг другу спины, иногда под ноги ставили таз с горячей водой, распарить их, тёрли пятки пемзой. Были две душевые сетки для ополаскивания, холодный туалет. Уже взрослых детей в баню брали отцы. Помню, как отец драил мою голову, а мыло кусало глаза. Совсем маленьких мальчиков матери брали в баню с собой. У женщин очередь была длиннее, да и мылись они дольше. Порой, чтобы в воскресенье ускорить помывку женщин, после 21 часа их запускали через смежную дверь в мужской отдел. Оставшиеся мужчины сразу ретировались. Банщики имели возможность подзаработать, пропуская «своих» без очереди, без билета, открывая для них свободный шкафчик и беря деньги на руки. Иногда были перебои с электричеством, и тогда посетители вечером домывались и одевались при свечах, которые расставлял банщик. Были перебои и с водой, как холодной, так и горячей. Порой не справлялась канализация, и люди мылись, стоя

в мыльной воде. По этим же причинам иногда баня закрывалась на весь день. Славилась баня своими парными. Топили печи дровами из помывочного отдела, которые заносили со двора. Заядлые парильщики находились в бане полдня, а то и весь день: мыли парную, проветривали, делали пар, парились, отдыхали в предбаннике и даже подбрасывали дрова в печку. Взрослые брали в парную с собой детей закаляться. Четыре деревянные ступеньки вели на верхние полаты. Не каждый осмеливался подняться до самого потолка, и там, в основном, мужики лежали, друг другу парили спины. Были случаи, что кому-то становилось плохо, но у банщика была аптечка и нашатырный спирт. Бывало, кто-то и умирал, но людей это не пугало – естественные потери, и следующий раз они опять шли в баню помыться, попариться. Помывшись, брали в тазу тёплую воду в раздевалку, чтобы ополоснуть ноги от грязных деревянных решёток. Позднее, когда появились сланцы, одевали их или тонкие калоши, чтобы не заразиться грибком. Билет стоил 18 коп. и время помывки, нахождения в бане было не ограничено! Билеты продавались в кассе – в окне был встроен деревянный ящик. Банщик при входе накальывал билеты на тонкий железный стержень. У банщика можно было также купить мочалку, мыло, взять простынь для обтирки. Выходной был вторник. Бывало, иные любопытные мальчики бегали подсматривать

Баня №2 на Козьем болоте. Позднее были возведены пристрой для очередей.

в окна бани, забираясь на кирпичный завалинок или в продуха потолка женского отдела за голыми женщинами. Да и иные взрослые мужчины грешили этим. Порой баня на весь день была закрыта для населения, в ней мылись солдаты. До войны и во время войны в Селиксе был сборный пункт, и солдаты оттуда приходили пешком строем в баню, чтобы помыться, избавиться от вшей. Когда баня закрывалась на ремонт, то люди ходили или ездили в баню № 1 на Красную горку, которую в народе называли Вшивой горкой. В парикмахерской нашей бани нас стригли, корнали ручными машинками для волос, которые «кусались». Стрижки назывались «чёлка», «бокс», «полубокс» – 20 коп., «под Котовского» (налысо за 10 коп.). Взрослых стригли и под «канадку», «ёжик», брили опасными бритвами, освежали одеколоном «Шипром». Было до пяти парикмахерш, но приходилось тоже отстаивать очередь. В бане мы дети пили газировку с сиропом за 4 коп., расплачиваясь гнутыми после игры в чикку медяками. Пили газировку и без сиропа за 1 коп. или с двойным сиропом. Летом газировщица торговала около бани у женского отдела, зимой – в мужском предбаннике. На стене бани висел телефон-автомат, и можно было позвонить бесплатно в экстренные службы или за 2 коп. по личным делам. Время разговора было не ограничено, и поэтому иногда выстраивалась возмущённая очередь. Сзади бани была котельная с большой каменной трубой, которая топилась дровами, углём, и коптила всю округу. Во дворе лежали уголь и штабеля дров. На втором этаже флигеля жил директор бани – высокий худой мужчина. При бане была прачечная, обслуживавшая местное население, и в которую со всего города, в том числе с больниц, гарнизона и госпиталя, свозили на телегах и машинах грязное бельё. Население приносило грязное бельё кто в чемодане, кто в рюкзаке, предварительно пришив номерки ко всем вещам. Иные отдавали своё грязное бельё знакомым прачкам без номерков и квитанций об оплате. Деньги

давали на руки. Но кто-то брезговал и стирал сам, кипятил бельё в баке, жмыхал о стиральную доску. Удобств в домах не было: ни холодной, ни горячей воды, ни стиральных машин. Про баню можно сказать, что это был банно-прачечный комбинат. При бане была также пивная, где «верховодила» буфетчица армянка Ханка. Маленькая комнатёнка пивнушки была всегда полна мужиков, деревянных бочек и папиросного дыма. Пиво было бочковым, натуральным, всегда свежим, ядрёным, одного сорта «Жигулёвское». Кружка пива стоила 24 коп. Был дефицит кружек, поэтому позднее мужики стали пиво брать в трёхлитровые банки, на троих. Пиво в бочках, как и грязное бельё в тюках раньше привозили на телегах. Потом пивнушку – летний стеклянный павильон – построили на берегу. В пивнушке были случаи мордобоя – кому вышибали зубы, кому мозги. Но мужикам было важнее разобраться, кто был прав, а кто был виноват. У любителей пива была в то время присказка – «Пойдём в баню, заодно и помоемся». В начале 1970-х гг. баню признали аварийной, временно был гараж для поливалок, а потом закрыли, разобрали.

Был на нашей улице и бакалейный магазин (до 1977 г.). Это был маленький гастроном и обслуживал всё Козье болото: улицы Либерсона, Набережную, Урицкого, Пески. Здание магазина было кирпичным, одноэтажным, вход с угла, в подвале – склад. Налево в магазине продавали хлебобулочные изделия, муку, сахар. За мукой в послевоенные годы приходилось стоять в длинной очереди, её продавали около магазина. Направо в магазине были кондитерские изделия, а прямо – сыр, колбаса, икра, водка и селёдка. Водка была вначале одного названия «Московская» (2руб. 87коп.), потом появилась «Столичная» (3руб. 12 коп.). Никаких акцизных марок не было, горлышко было запечатано сургучом с печатью винзавода. Некоторые продукты, в том числе и конфеты, были трёх сортов. Этим мы и пользовались, когда покупали конфеты «Подушеч-

ка», «Дунькина радость» третьего сорта, самые дешёвые. Кассовых аппаратов не было, у продавщиц были счёты. Обманывали, особенно при сдаче, и взрослых, и детей. Потом напротив магазина соорудили деревянный молочный ларёк, где продавали также пивные дрожжи с пивзавода, принимали стеклянную тару. У магазина стояла телефонная будка с телефоном-автоматом. На углу Либерсона, Набережной и Урицкой стояли колонки (фонталки), где местные жители брали воду, таская на руках в вёдрах или на коромысле. Рядом с магазином, на Урицкой была мини-пекарня, в которой пеклись сладкие пахучие французские булочки, которые продавали прямо на улице из плетёных корзин. Они были хрустящие, аппетитные и пользовались большой популярностью. Напротив, на другом углу улицы, в полуподвале была парикмахерская, где парикмахерами были евреи. Выше по улице был прокат, где можно было взять посуду для свадьбы или велосипед. Была химчистка. На правой стороне был пивзавод Нульмана, а выше клуб собаководства и цех, в котором из ракушек делали пуговицы. Были и другие учреждения и организации. Соседствовал с Козьим болотом и женский Троицкий монастырь, который известен с 1700 г. и существовал до 1918 г. Потом в здании церкви располагалось кулинарное училище. В 1993 г. монастырь начали восстанавливать. Как-то пытались на Козье болото пустить общественный транспорт (автобус), конечная остановка была у бани. Но этот маршрут, как и маршрут автобуса на Пески, был не выгоден, и эти маршруты закрыли. На Урицкого 19а был выезд с колбасного, а позднее, с кондитерского цеха.

Советская власть многих собственников домов уплотнила – подселила другие семьи. Жили на улице Либерсона простые люди: рабочие и домохозяйки, русские и татары, евреи. Жили на этой улице и известные в городе люди: директор бани, директор гостиницы «Пенза» Алексеев, зам. директора водоканала Кожунов, преподаватель машиностроительного техни-

кума Королёв, директор Главобуви Соколов, его сын – директор ПТУ-22, отец и тренер будущей чемпионки по прыжкам в воду Пахалиной Юлии, заслуженные врачи Борисова, Мишкины. Жили ветераны войны, например, Н.Г. Кожунов всю войну прошёл в пехоте, имел награды, ордена. Жила на Козьем болоте в доме №12 старушка-еврейка Вера Петровна Петрова 1898 года рождения, у которой до последнего времени была корова-рекордсменка по надоям. Паспорт этой старушки сохранился у коллекционера А.В. Мешкова. Микрорайон «Козье болото» был по тем временам с развитой инфраструктурой – рядом также была: и детская поликлиника (угол Кирова – Либерсона), детская больница (ул. М. Горького), кино-театр «Октябрь».

Ветер перемен касается и Козьего болота. На Набережной реки Пензы сейчас находятся строительный колледж, Казанский (Лебедевский) мост. Этот мост раньше был деревянным и каждое половодье его сносило, восстанавливали, затем был канатный мост и современный построили в 1957 г. Пивной бар «Бочка» (с начала 1970-х гг.). В начале 1980-х гг. был проведён газ, а затем проложен и водовод. У многих жителей есть водопровод, у некоторых – и все удобства. Набережная благоустраивается. В 1969 г. была построена стена-дамба, защитившая улицу и микрорайон от половодья, улицу заасфальтировали, посадили тополя. На Набережной и Либерсона появились несколько современных коттеджей. С 1972 г. по улице Урицкой начато строительство и построены 12-этажные дома. С 1960-х гг. у «Бочки» стоят два четырёхэтажных благоустроенных дома. В 1975 г. на месте деревянного Татарского моста был возведён подвесной пешеходный мост. Предполагается Набережную сделать зоной отдыха горожан. В 2013 г. построен Леонидовский мост и путепровод. Но нет уже домов под путепроводом по Либерсона от Набережной до Урицкого, забывается и старое название этого микрорайона Пензы – Козье болото.

ШКОЛЬНЫЕ СТРАНИЦЫ

С. А. Ковылов

ЗАРОЖДЕНИЕ ПЕНЗЕНСКОЙ ГОРОДСКОЙ СИСТЕМЫ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Надо признать: вопрос зарождения пензенской городской системы народного образования до сих пор не нашел своего освещения в научной литературе.

Учёные, занимавшиеся вопросами истории образования, по разным причинам обходили вниманием узкогородскую проблематику, отдавая все силы изучению образования губернского. Пенза упоминалась вскользь и не иначе, как в контексте общих тенденций развития образования в Пензенской губернии¹.

Наши же маститые краеведы, такие как В.И. Дмитриева или В.Ф. Ефремов, ограничивали свои исследования в основном рамками советского периода². Именно с их подачи Управление образования города Пензы позиционировало исполнявшееся в 2009 г. 90-летие Пензенского ГорОНО³ как собственный 90-летний юбилей⁴. Соответствующая информация была размещена в Интернете⁵, широко разрекламирована и породила у людей непосвященных то превратное мнение, что в 2009 г. исполнилось 90 лет пензенской городской системе народного образования. А это – совсем не так. Предлагаю во всём разобраться.

Общим для всех, кто так или иначе касался первых лет истории пензенского образования, давно стало убеждение в том, что «образовательные учреждения города Пензы существуют с 1786 г., с открытия Главного народного училища»⁶. При этом приходится констатировать, что исследователи не очень-то различа-

ют собственно городское и губернское⁷. Между тем факт учреждения в Пензе в 1786 г. Главного народного училища, в 1804 г. преобразованного в губернскую гимназию, не является достоянием истории нашего муниципального образования. Не нужно поднимать архивные источники, чтобы понять – Первая пензенская мужская гимназия была государственным образовательным учреждением губернского подчинения. То же можно сказать и о возникших позднее Второй пензенской мужской, Первой и Второй женских гимназиях⁸. В одном ряду с ними стоят частные гимназии Пензы, а также Реальное и Епархиальное женское училища⁹. Всё это средние учебные заведения, включенные в городскую школьную сеть только при советской власти – в мае 1918 г.¹⁰.

Тогда с чего же началась история нашего городского народного образования? Ответить на этот вопрос нам поможет дореволюционный справочник «Очерк начального образования в Пензенской губернии по сведениям за 1899/1900 уч. год», изданный в Пензе в 1905 г. Он недвусмысленно заявляет, что *история городского образования в Пензе началась с учреждения городом в 1833 г. своего первого образовательного учреждения – Пензенского первого мужского приходского начального училища*¹¹ («приходского» – не потому, что обслуживало нужды какого-то прихода, а поскольку учреждалось городом по

действовавшему на тот момент в России «Положению о приходских училищах» 1828 г.; такую «специфику» данное образовательное учреждение сохраняло в названии вплоть до революции)¹². К началу XX в. в Пензе было 12 городских образовательных учреждений (7 мужских и 5 женских начальных училищ)¹³, а к 1910 г. их число увеличилось до 20 (10 мужских и 10 женских)¹⁴.

Наряду с собственно городскими учебными заведениями пензенские дети обучались в ведомственных школах: церковно-приходских (существовали при Духосошестввенской, Всесвятской, Петропавловской (сразу две) церквях) и образцовых школах при Духовной семинарии и Епархиальном училище – в Духовном ведомстве; начальных училищах Сызрано-Вяземской и Рязано-Уральской железных дорог – в ведомстве Министерства путей сообщения; образцовой школе при Учительской семинарии; а также в школах при религиозных общинах неправославных исповеданий; в школе при приюте Общества вспомоществования неимущим; наконец, в частных начальных учебных заведениях¹⁵.

При этом столь разношерстный конгломерат учебных заведений к началу XX в. не имел управления на уровне города. Он был учредителем названных выше 20 городских начальных училищ – и только. Развитие народного образования курировал в городской администрации (Пензенской городской управе) специальный четвертый отдел. Но к его компетенции были отнесены преимущественно инвентарно-хозяйственные вопросы, касающиеся городских начальных училищ. Всем остальным – от методики до кадровых вопросов – ведал так называемый Пензенский уездный училищный совет, не подчинявшийся городу. Правда, в этом совете город имел одного представителя, но все признавали, что его влияние там не могло быть значительным. Соответственно, за городским образованием надзирал инспектор народных училищ Первого участка Пензенской губернии. Участок

этот охватывал и Пензу, и Пензенский уезд (а одно время – вдобавок ещё и Чембарский уезд). Опираясь понятиями наших дней, можно сказать, что к началу XX в. в управлении городскими школами существовало такое положение, как если бы сейчас муниципальными образовательными учреждениями Пензы ведал Отдел образования Пензенского района Пензенской области. Город оказывался «в роли ограниченного в правах хозяина, средствами которого распоряжаются посторонние ему лица»¹⁶.

Вопрос о выделении Пензы в отдельный инспекторский округ и о создании собственного – городского – органа управления образованием встал особенно остро к 1910-м гг. И связано это было с началом реализации в Пензе проекта по введению всеобщего начального образования.

Сразу оговоримся: городской 5-летний проект введения в Пензе всеобщего начального образования никак не связан с тем 10-летним планом введения в Пензенской губернии обязательного начального обучения, который Пензенское губернское земство стало осуществлять с 1911 г.¹⁷. Это совершенно самостоятельный, самобытный проект¹⁸.

Пензенские городские власти обратились в Министерство народного просвещения с ходатайством о введении в Пензе всеобщего начального обучения где-то во второй половине 1909 или в самом начале 1910 гг. В ответ министерство предложило городу самостоятельно разработать и представить на утверждение детальный проект развития в Пензе городской школьной сети¹⁹.

Для разработки такого проекта Пензенская городская Дума создала специальную комиссию. Приступая к разработке проекта, комиссия 19–21 февраля 1910 г. провела перепись всех проживавших в Пензе детей младшего школьного возраста²⁰ (т.е. 8–11 лет²¹). Выяснилось, что для введения всеобщего обучения городу необходимо было иметь начальные училища на 5600 мест. Поскольку принятый

Министерством народного просвещения комплект начальной школы равнялся тогда 50 ученикам, для обучения этих 5600 детей городу пришлось бы иметь в общей сложности 112 школьных комплектов (50 чел. в комплекте). К 1910 г. у города уже имелось 20 училищ по 3 отделения в каждом, т.е. 60 комплектов, что перекрывало потребности более чем на половину (почти на 54 %). Помимо этого, в единую школьную сеть Пензы можно было включить 11 комплектов, имевшихся в церковно-приходских школах города и 7 – в путевских училищах. Итого вышло 78 комплектов. Значит, для полной городской школьной сети недоставало 34 комплекта.

Суммируя все имевшиеся в её распоряжении статистические сведения, комиссия пришла к выводу, что при рациональном использовании средств городу было вполне по силам осуществить необходимое расширение сети школьных заведений за 5 лет, причем не потребовалось бы ни дополнительного увеличения городского обложения, ни дополнительных ассигнований и займов, кроме специально предусмотренных на этот случай правительством.

Приступить к осуществлению проекта комиссия предлагала уже в 1910 г., и, следовательно, всеобщее начальное обучение в Пензе должно было стать свершившимся фактом к 1915 г.²²

Выводы комиссии, дополненные финансовым планом, были 16 июня 1910 г. рассмотрены на заседании Пензенской городской Думы. Дума, найдя представленные ей выкладки вполне обоснованными, приняла доклад комиссии и единогласно постановила направить разработанный проект школьной сети на утверждение в Министерство народного просвещения.

День утверждения проекта постановлением Пензенской городской Думы – 16 июня 1910 г. – можно считать днём учреждения пензенской городской системы народного образования.

До этого момента в Пензе существовало определённое количество началь-

ных училищ и школ самой разнообразной принадлежности. С этого момента количество переходит в качество: начинается процесс передачившихся этих образовательных учреждений городу и формирование стройной городской системы народного образования.

К сожалению, в бюрократических проволочках центральных учреждений проект «завис» почти на два (!) года, и только весной 1912 г. Министерство народного просвещения наконец-то признало возможным удовлетворить все пензенские ходатайства²³.

Если бы не волокита со стороны Министерства народного просвещения, пензенская городская школьная сеть была бы завершена за пять лет и всеобщее начальное обучение в Пензе стало бы свершившимся фактом уже к 1915 – максимум (с поправкой на начавшуюся летом 1914 г. Первую мировую войну) к 1916 г.

Однако эта система осталась незавершенной в том виде, который предусматривал проект введения в Пензе всеобщего начального образования. Тем не менее, невзирая на войну и революции, город продолжал поступательно развивать свою систему народного образования. Последние досоветские учебные заведения (очередные мужское и женское начальные училища) были открыты в Пензе к новому 1917/1918 учебному году²⁴.

Поскольку проект введения в Пензе всеобщего обучения предполагал объединение всех существовавших в Пензе начальных училищ (школ), независимо от их прежней ведомственной принадлежности, в единую городскую школьную сеть, которая не далее как за первые пять лет своего существования должна была вырасти ещё почти в полтора раза, для городских властей, как уже говорилось, становился актуален вопрос о создании собственного, муниципального органа управления образованием.

Таким органом должен был стать Пензенский городской училищный со-

вет. Решение об этом Пензенская городская Дума приняла еще 17 февраля 1909 г.²⁵. Если бы такое постановление состоялось в реалиях наших дней, то в 2009 г. мы без натяжек отметили бы не 90, а 100-летие Управления образования города Пензы.

Но в Российской империи последнее слово даже в таких вопросах оставалось за правительством. Вдобавок вопрос требовал от имперских властей (ничего не поделаешь – государство-то было унитарным!) известного нормотворчества: узаконенный стандартный состав училищных советов, возглавляемых уездными предводителями дворянства, был прописан под земства, но никак не под органы городского самоуправления²⁶. Думается, именно это обстоятельство и стало непреодолимой преградой в деле создания в Пензе городского училищного совета.

Вопрос об учреждении в Пензе школьной сети оказался увязан с еще одним – о выделении города в отдельный инспекторский округ. Причём местные власти надеялись обеспечить казённое содержание городскому инспектору народных училищ, в противном бы случае из городского бюджета на зарплату инспектору приходилось бы тратить сумму, достаточную для содержания стандартного трёхкомплектного учебного заведения²⁷.

11 августа 1909 г. Пензенская городская Дума постановила ходатайствовать перед правительством об учреждении в Пензе городского училищного совета²⁸. Никакой реакции правительства на это ходатайство по имеющимся пока в нашем распоряжении документам не прослеживается. Напротив, дальнейший ход этого дела свидетельствует, что насущные потребности развития народного образования вынудили городские власти искать выход из сложившегося тупика вне правового поля.

Убедившись в непробиваемости правительства, Пензенская городская Дума на свой страх и риск 14 февраля 1912 г.

возвращается к вопросу создания муниципального органа управления образованием такого состава, какой бы отвечал потребностям города.

Первый обособленный городской орган управления образованием в Пензе был учреждён постановлением Пензенской городской Думы 24 июля 1912 г. Он получил название Школьный совет. Первым председателем этого коллегиального органа был избран известный своей просветительской деятельностью²⁹ священник Николай Фёдорович Быстров, гласный городской Думы. Помимо него в совет были избраны гласные Думы А.М. Архипов, К.Т. Иванов, Е.Е. Будылин и А.П. Соколов, член уездного училищного совета от Пензы, городской санитарный врач, два представителя от учительства, а также директор и инспектор народных училищ Пензенской губернии³⁰. Присутствие двух последних в составе совета, естественно, не случайно и продиктовано, на наш взгляд, теми же соображениями, что и обращение городских властей к губернатору с просьбой утвердить членов совета в их должности – попыткой легитимизировать Школьный совет.

13 августа 1912 г. состоялось первое заседание Школьного совета³¹, и с этого момента на него полностью было возложено руководство городским народным образованием. Школьный совет внёс неоспоримый вклад в формирование городской системы народного образования. Его кипучая деятельность прослежена нами пока до 1917 г. включительно. По всей видимости, Школьный совет был расформирован в феврале-марте 1918 г. в связи с созданием советских органов управления³².

Упразднение городского органа управления образованием не означало сворачивания созданной им городской школьной сети. Переживя очень тяжелые времена в 1917–1918 гг. и ряд глубоких реформ, она всё-таки выжила (приблизительно те же коллективы, только зачастую попарно слитые из-за отказа от раз-

дельного обучения мальчиков и девочек, в тех же зданиях видим при советской власти в учреждениях уже под новыми номерами). Какое-то время пензенская городская школьная сеть подчинялась непосредственно ГубОНО, а затем для её управления было сочтено целесообразным всё-таки возродить обособленный орган, подчиненный городу. Для этого 15 февраля 1919 г. и был создан Отдел народного образования исполкома Пензенского городского Совета рабочих и крестьянских депутатов.

Примечания

¹ В этой связи показательны статьи давно ставшего хрестоматийным сборника «Очерки истории народного образования Пензенского края» (Пенза, 1997) или статья *В.И. Дмитриевой и С.Г. Разуваева* «Народное образование» в «Пензенской энциклопедии».

² См., например: *Ефремов В.Ф.* История гороно в лицах (Из истории городского отдела народного образования). Пенза, 2005; *Дмитриева В.И.* Общеобразовательные учреждения города Пензы (из истории школ). Пенза, 2009.

³ *Ефремов В.Ф.* Указ. соч. С. 3.

⁴ Если быть юридически корректным, то нужно признать, что Управление образования создано по Постановлению Главы администрации г. Пензы № 180 от 09.02.1996 г. «Об упорядочении структуры управления образовательными учреждениями города». Таким образом, спустя два года после своего 90-летия Управление образования города Пензы было вправе отметить ещё один юбилей – на этот раз 15-летний.

⁵ См.: Интернет режим доступа: old.guouedu.ru/avg_conf/

⁶ *Дмитриева В.И.* Указ. соч. С. 3.

⁷ Вплоть до «Пензенской энциклопедии» (см. раздел «Культура и просвещение» в статье: Вишневецкий К.Д. Пенза // Пензенская энциклопедия. М., 2001. С. 443). Впрочем, Кириллу Дмитриевичу такую небрежность вряд ли надо ставить в

вину. Он-то писал о Пензе как об областном центре.

⁸ См.: Памятная книжка Пензенской губернии на 1911 год. Пенза, 1910. С. 17.

⁹ Там же. С. 246.

¹⁰ *Дмитриева В.И.* Указ. соч. С. 3-6.

¹¹ Очерк начального образования в Пензенской губернии по сведениям за 1899/1900 уч. год. Пенза, 1905 (далее: Очерк). С. 7.

¹² ГАПО. Ф. 81. Оп. 1. Д. 1402. Л. 1.

¹³ Очерк... С. 108.

¹⁴ ГАПО. Ф. 109. Оп. 1. Д. 819. Л. 37.

¹⁵ Там же. Лл. 37–38.; Очерк. С. 111.

¹⁶ ГАПО. Ф. 109. Оп. 1. Д. 852. Л. 4 об.

¹⁷ *Гошуляк Л.Д.* Становление и развитие системы народного образования в Пензенской губернии в XIX–начале XX века // Очерки истории народного образования Пензенского края. Пенза, 1997. С. 144–145.

¹⁸ История его создания и реализации, а также история формирования под этот проект в Пензе единой городской школьной сети была достаточно подробно рассмотрена нами в статье «...Место постройки назначить на Митрофаньевской улице», опубликованной в 2004 г. в первом выпуске «Школьного историко-краеведческого альманаха».

¹⁹ ГАПО. Ф. 109. Оп. 1. Д. 819. Л. 24.

²⁰ Там же. Л. 46.

²¹ *Ососков А.В.* Начальное образование в дореволюционной России (1861-1917). М., 1982. С. 39.

²² ГАПО. Ф. 109. Оп. 1. Д. 819. Л. 39 об.

²³ Там же. Л. 230.

²⁴ Там же. Л. 532.

²⁵ ГАПО. Ф. 109. Оп. 1. Д. 852. Лл. 6–7 об.

²⁶ Там же. Л. 5.

²⁷ Там же. Лл. 8 об. – 9.

²⁸ Там же. Лл. 7 – 7 об.

²⁹ *Тюстин А.В.* Быстровы // Пензенская энциклопедия. Пенза, 2001. С. 77.

³⁰ ГАПО. Ф. 109. Оп. 1. Д. 819. Лл. 247-257.

³¹ Там же. Л. 259.

³² *Ефремов В.Ф.* Указ. соч. С. 4.

ВЕЛИКИЙ ПЕДАГОГ ИЛЬЯ АНДРЕЕВИЧ КОЛЯДИН

Более 54 лет работал учителем Илья Андреевич Колядин. «Он родился в 1873 г. в семье крестьянина села Красовки, русский»¹. В семье было четверо детей: Матвей, Андрей, Елисей, Илья. «Родители не имели средств для того, чтобы учить сына. Однако, окончив школу в Чембаре, отец мой поехал в Пензу и сдал экзамены в учительскую семинарию. За свои успехи в учебе он получил так называемую земскую стипендию и на неё существовал во время учебы. Окончил он семинарию с отличными оценками по всем предметам»².

По документам из Государственного архива Пензенской области мы видим, как начиналась педагогическая деятельность И.А. Колядина: «4 августа 1894 г. № 219. Господину инспектору народных училищ Тамбовской губернии 8-го участка.

Имею честь препроводить при сем к Вашему высокоородию вследствие отношения 27 июля № 374 поименованные документы окончивших в сём году курсы учения в семинарии со званием учителя и назначенных мной в Ваше распоряжение для определения к учительским должностям воспитанников: Илью Колядина, Иосифа Глушкова, Артемия Вавилина. Прилагаемые документы Ильи. Свидетельство на звание учителя № 158, свидетельство о рождении № 12 и аттестат от Чембарского городского училища № 218.

5 августа 1894 г. № 220. Окончившему курсы учения в Пензенской учительской семинарии со званием учителя воспитаннику Илье Колядину.

Вследствие запроса от инспектора народных училищ Тамбовской губернии 8-го участка 27 июля № 374, предлагаю Вам отправиться немедленно в г. Усмань и явиться к господину инспектору, от коего получите распоряжение касательно назначения на учительскую должность»³.

«4 сентября 1894 г. № 249. Господину председателю Чембарского уездного училищного совета. Документы Ильи Колядина

препроведены мною к инспектору народных училищ Тамбовской губернии 8-го участка, куда он получил назначение, а посему, если Чембарский уездный училищный совет желает иметь на службе у себя Колядина Илью, прошу обращаться за документами его к вышеозначенному инспектору.

25 сентября 1894 г. № 264. Его высокоородию господину инспектору народных училищ Тамбовской губернии 8-го участка. Имею честь сообщить Вашему высокоородию, что Вавилин Артемий поступил на службу к инспектору Тамбовской губернии 6-го участка. А Колядин Илья – в Чембарский уезд Пензенской губернии 2-го участка, о чем Вы, вероятно, получили уведомление от инспектора Тамбовской губернии 2-го участка и представление Чембарского уездного училищного совета»⁴.

Итак, переписка учительской семинарии о поступлении на должность учителя Ильи Колядина после окончания курса Пензенской учительской семинарии в 1894 г. окончилась положительно. И Колядин был зачислен учителем Калдусского училища. В фонде Чембарской уездной переписной комиссии, в списках счетчиков первого переписного земского участка Чембарского уезда за 1896–1897 гг., значится: «Илья Андреевич Колядин – учитель Калдусского училища»⁵. Работал прекрасно, дети его очень любили. Через некоторое время переводится в Покровское начальное училище Чембарского уезда. В 1905 г. он обращается с прошением о назначении его на должность учителя в Поимское двухклассное училище Чембарского уезда⁶. И.А. Колядин работал в Константиновской детской колонии, в Тарховской школе, в Любятинской, в Саловском училище.

В том же фонде, в протоколе заседания экспертной комиссии по квалифицированию работников в учреждениях СОЦвса от 28 февраля 1923 г., указано: «Слушали об учителе Любятинской школы И.А. Колядине, зачислить в I категорию, как

окончившего учительскую семинарию, имеющего 28 лет педстажа»⁷.

15 ноября 1930 г. И.А. Колядин прибыл в среднюю школу № 3 имени А.В. Луначарского г. Пензы из с. Пыркино, Пензенского района⁸.

8 августа 1933 г. он назначается преподавателем ручного труда по дереву и картону школы № 3 г. Пензы⁹. В 1939 г. И.А. Колядин назначается учителем 2-го класса средней школы № 3. «И.А. Колядин окончил Пензенскую учительскую семинарию, свидетельство № 158 от 1894 г., 40 лет стажа»⁹. В фонде Пензенского городского отдела народного образования, в списках военруков школ города на 1 ноября 1946 г., значится: «Колядин Илья Андреевич, 23 школа»¹⁰.

Каким же был Илья Андреевич учителем, просто человеком, семьянином? Об этом мы узнаем из воспоминаний его родных, друзей, бывших учеников. Вспоминает его дочь – Софья Ильинична Колядина: «Отец был очень энергичным, инициативным и способным человеком. Всю свою жизнь мой отец отдал любимому делу – был учителем. Был очень добросовестен в работе. У учеников и их родителей пользовался большим авторитетом, давая ученикам прочные знания. Любимым его предметом был русский язык. Работать в сельской школе в то время было не очень легко. Было две классные комнаты и двое учителей – отец мой и О.В. Пыженкова. Приходилось заниматься с двумя классами. Всю жизнь моего отца отличала тяга к знаниям. Он всегда интересовался всем новым как в преподавании предмета, так и в других областях науки. На свою небольшую учительскую зарплату покупал и выписывал книги, журналы. Собрал небольшую библиотеку. Это стремление к знаниям он воспитал и у нас, своих детей. В семье было семь человек: шесть сыновей и одна дочь. Четверо из нас получили высшее образование, а трое – среднеспециальное. То же стремление к знаниям, образованию отец воспитывал и у своих учеников. Отец очень любил музыку. В молодости пел, в основном самоучкой научился играть на фисгармонии, играл на скрипке. Из любви к музыке одно время папа организовывал хор из крестьян.

Отец был очень порядочным человеком. Свое мнение он высказывал в глаза любому человеку, иногда даже во вред себе. Незадолго до октября 1917 г. произошел такой случай. Приехавший в школу инспектор предложил отцу узнавать о настроениях крестьян и сообщать о них (т.е. попросту доносить). Отец от этого наотрез отказался. Отец был очень сдержанным человеком и при внешней суровости был добрым. Никогда не разговаривал грубо ни с нашей мамой, ни с нами. Умел спокойно и разумно поговорить с нами так, что самим становилось стыдно за поведение. Также вел он себя с учениками и их родителями. Это умение работать с людьми, как и мастерство учителя, помогало отцу заслужить большое уважение, которое он имел среди учеников, сельчан. И я считаю, что всем хорошим в моей жизни обязан моим родителям»¹¹.

Его сын – доктор биологических наук А.И. Колядин – вспоминал: «Отец проработал в Любятине 20 лет. Его все знали как талантливого педагога и уважали»¹². Невестка Колядина – Александра Филипповна – писала: «Дети Ильи Андреевича выросли хорошими, трудолюбивыми, честными, культурными. В этом Илья Андреевич видел свой труд, который не проходил даром. Работу свою исполнял на совесть. И как-то получалось, что трудные группы учеников передавали ему. Он никогда не спорил и брался без разговоров за дело. Успешно справлялся с трудными ребятами. Жена его часто возмущалась, но он подшучивал, посмеивался и упорно продолжал работу. Дополнительно занимался с отстающими учениками»¹³.

Из письма А.Ф. Колядиной: «Я хорошо знала Илью Андреевича. Училась у него в 2–4 классах. Педагог он был очень способный, умный, человечный. Он никогда не разговаривал на повышенных тонах. Был строг, справедлив. Материал объяснял понятно и доходчиво. Когда перешла в 5 класс школы № 1 г. Пензы, были случаи, что я свободно рассказывала материал по геометрии, который только что объяснял учитель. Он удивлялся и спрашивал, где я раньше училась. Значит, Илья Андреевич давал нам глубокие, обширные

знания. Учитель водил нас на экскурсии по окрестностям родного села, знакомил с природой. Ходили в клуб, где смотрели кино. Это для нас было огромное событие. Несмотря на большую семью, уделял внимание ученикам. С нами готовился к праздникам. Он прекрасно пел, играл на скрипке, а мы танцевали, читали стихи. Это было новшеством для сельской школы. Я всегда удивлялась, как дети слушались своих родителей, со стороны Ильи Андреевича не было крика, ругани, а были очень чуткими, внимательными»¹⁴.

Тепло вспоминает о своем педагоге бывший ученик Н.И. Костин: «Колядин Илья Андреевич был моим учителем в 1917 г. Я проучился у него пять лет – окончил Любятинскую пятиклассную школу в 1922 г. Человек высокой культуры, с широким кругозором и глубокими знаниями, он с большой любовью относился к нам – сельским ребяташкам. Он не только учил нас читать, писать, считать, но научил применять свои знания на практике. Я часто вспоминаю такой случай: в 20–21-м годах землю крестьянам распределяли по едокам. Это распределение происходило ежегодно. Иногда крестьяне не могли определить площадь какого-либо участка, размытого оврагами, заросшего кустарником и лесом. Я считался сильным учеником по математике. Однажды крестьяне попросили меня измерить трудный для них участок. Тут же я произвел замер, но усомнившиеся крестьяне отправились к Илье Андреевичу. Он посмотрел все промеры, спросил, кто измерял, и заметил, что его ученик сделал правильно. Знания, полученные у Ильи Андреевича, я пронес через всю жизнь. При поступлении в Ленинградское авиационно-техническое училище я держал экзамены наравне с теми, кто имел среднее образование. И не только сдал успешно вступительные экзамены, но знания, полученные в Любятинской школе, были хорошей основой во все годы учебы в училище и в процессе всей моей трудовой жизни. И.А. Колядин на селе был высокоуважаемым и почитаемым человеком»¹⁵.

Ветеран педтруда, завуч школы № 23 г. Пензы в 1940-х гг., В.А. Перепелов вспо-

минал: «С И.А. Колядиным я некоторое время работал в школе № 23 г. Пензы. После увольнения из Советской Армии я в 1946 г. был назначен учителем математики в школу № 23, где уже работал учителем начальных классов Илья Андреевич Колядин. Это был уже пожилой человек, ходил с палочкой. Он был самым старым в учительском коллективе школы. Пользовался большим уважением учителей, учеников, родителей. Знаю, что некоторые родители приходили к директору школы Г.И. Суреву и просили, чтобы своих детей определить в класс И.А. Колядина. Колядин возглавлял секцию учителей начальных классов. Многие молодые учителя посещали его уроки. Умер Илья Андреевич после непродолжительной болезни 22 сентября 1947 г. Похоронили его на Митрофаньевском кладбище, недалеко от школы»¹⁶.

Прошло 60 лет со дня смерти И.А. Колядина, но имя великого педагога, замечательного человека никогда не забудется.

Примечания

1. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 136. Оп. 2. Д.2. Л. 1.
2. Письмо Серебряковой С.И. от 1.01.1985 г.
3. ГАПО. Ф.136. Оп.1. Д. 211. Л. 14, 16.
4. Там же. Д. 212. Л. 7.
5. Там же. Ф. 298. Оп. 1. Д. 2. Л. 4.
6. Там же. Ф. 81. Оп.1. Д. 118. Л. 99; Ф. р. 82. Оп. 1. Д. 15. Л. 97.
7. Там же. Ф. р. 82. Оп. 1. Д. 456. Л. 11.
8. Там же. Ф.р. 59. Оп. 2. Д. 2. Л. 11.
9. Там же. Ф.р. 59. Оп. 2. Д. 3. Л. 25.
10. Там же. Ф. р. 1381. Оп. 2а. Д. 131. Л. 199; Ф. р. 429. Оп. 2. Д. 179. Л. 154.
11. Воспоминание Серебряковой – Колядиной С.И. от 31.01.1985 г.
12. Письмо Колядина А.И. от 31.01.1985 г.
13. Письмо Колядиной А.Ф. от 11.04.1985 г.
14. Там же.
15. Письмо Костина Н.И. от 14.02.1985 г.
16. Письмо Перепелова В.Л. от 21.01.1985 г.

ПОЛИВАНОВСКАЯ ПЛЕЯДА

Петр Михайлович Цейдлер родился 18 ноября 1821 г. в Пензенской губернии, в Мокшанском уезде, в с. Сипягине – небольшом родовом имении его матери (урожденной Сипягиной). Отца он не помнил, рос под надзором матери и тетки.

После окончания Пензенской гимназии в 1838 г. Цейдлер поступил на юридический факультет Петербургского университета. По окончании университета в 1842 г. он поступает на гражданскую службу в качестве чиновника, чтобы иметь средства к существованию. Семь лет П. Цейдлер проводил утро на службе, а вечерами изучал анатомию и физиологию, считая их первыми ступенями к психологии – высшей науке, к которой он стремился. Без научного труда жизнь казалась ему недостойной, а о молодых людях, читающих только развлекательные журналы и газеты, он отзывался с некоторым негодованием.

В 1849 г. сбылась давняя мечта П. Цейдлера поработать на педагогическом поприще – ему было предложено место старшего надзирателя и преподавателя русского языка в гатчинском сиротском институте. Более 10 лет Цейдлер провел в Гатчине. Этому периоду посвящено послание университетского товарища Цейдлера – известного русского поэта А. Майкова.

Вот идет он по Гатчинскому саду
Идет с толпой учеников;
Вот он садится к водопаду
На мшистый камень, в тень дерев;
Вкруг дети жмутся молчаливо
К нему все ближе. Очи их
Или потуплены стыдливо,
Иль слез полны, и сам он тих,
Но ликом светел. Он читает
В младых сердцах. Он их проник;
Один душой он понимает
Неуловимый их язык...

...

И, указуя в жизнь дорогу,
Он человека идеал
Пред ними долго, понемногу
И терпеливо раскрывал...

...

Ах, Цейдлер! В этом идеале
Ведь ты себя нарисовал;
Но только дети не узнали,
Да ты и сам того не знал!

Воспитанники долго не могли поверить, что нашелся человек, который серьезно и с любовью отнесся бы к их судьбе. С появлением Цейдлера в учебном заведении прекратились телесные наказания, учеников перестали отдавать в солдаты. Уже на второй год работы два воспитанника пожелали поступить в университет, что было внове для Гатчины. Еще через год желающих было уже семеро. Цейдлер добился того, чтобы поступление воспитанников в высшие учебные заведения было узаконено – до этого в институте готовили канцелярских чиновников. Теперь воспитанники могли на законных основаниях поступать в университет, в медицинскую академию, для них были учреждены стипендии от опекунского совета. Бывшие воспитанники Цейдлера после окончания учебного заведения не прерывали связь с учителем – всегда приходили и приезжали в его день рождения. В эти дни квартира заполнялась военными и медиками, учителями и чиновниками. К сожалению, напряженный труд его сказался на здоровье. В 1860 г. Цейдлер переезжает в Петербург и поступает на службу в Святейший синод. В 1863 г. талантливого педагога посылают за границу с целью ознакомления с опытом работы учительских семинарий в Германии и Франции. После возвращения из-за границы в 1864 г. его назначают директором учебного заведения, называвшегося в то время Домом воспитания бедных детей. Цейдлер, приняв учебное заведение немногим отличавшимся от уездных училищ,

довел его до уровня семиклассной гимназии практически при таких же годовых затратах. В заведении училось более 300 воспитанников. Став директором, П. Цейдлер окружил себя помощниками из своих бывших гатчинских питомцев. Их привлекало обаяние личности Цейдлера, его горячая преданность делу воспитания. При этом никто из помощников не чувствовал какого-либо стеснения своей свободы. Плодами его работы были воспитанники, поступившие в университет, в военно-юридическое училище, в медицинскую академию, в технологический институт. При нем учебное заведение было принято в Министерство народного просвещения на правах гимназии. Кроме того, в течение двух лет П. Цейдлер заведовал еженедельным изданием «Воскресный досуг», целью которого было просвещение крестьянства. При нем уже на второй год у издания было 12000 подписчиков – это был огромный тираж по тем временам. После ухода Цейдлера тираж упал в шесть раз.

В 1871 г. Московское земство предлагает Цейдлеру принять на себя организацию земской учительской школы и стать ее директором. Петр Михайлович решается оставить столицу, друзей, налаженный быт и поселиться в с. Поливанове Подольского уезда Московской губернии и там привести в исполнение свою заветную мечту. Необходимо иметь в виду, что Поливановская учительская школа была второй после Новгородской в истории России.

«Приготовить народных учителей – дело нелегкое, – говорил Цейдлер. Учительство не выучка. Учительство – апостолат... и если бы мне удалось вдохнуть этот дух самоотвержения и любви хотя бы в пятерых или шестерых из приготовленных мною юношей, это было бы самым лучшим, о чем я бы мог мечтать». В Поливаново Цейдлер привез из Петербурга своих сотрудников Г.И. Шнеля и Н.И. Мясоедова.

Впечатление, произведенное на него Поливановской школой, описал в своих

статьях барон Корф – один из крупнейших педагогов России того времени. Барон Н. Корф пишет: «В Поливанове мы видели наставников, тепло преданных делу и серьезно к нему относящихся и сумевших передать это воспитанникам, им вверенным». В течение года молодые люди из крестьян и мещан, собранные со всей России, избавились от дурных привычек и осознали свое будущее высокое предназначение. Члены Московского и Рязанского земств и некоторые гости из Петербурга были удивлены уровнем знаний, показанным будущими учителями во время экзаменов.

Русский писатель и журналист А. Амфитеатров в своих воспоминаниях отмечает, что обаяние благородной личности Цейдлера, его воспитательное искусство и неотразимое влияние на учеников были совершенно исключительны. Александр Валентинович описывает, как Цейдлер горевал по закончившей свои дни любимой собаке и как похоронил ее в поле.

П. Цейдлер был человеком с государственным мышлением. В январе 1872 г. он пишет: «Если мы говорим о необходимости образования для народа, если заботимся об устройстве народных школ, то, конечно, потому только, что образование, школа – самое сильное, самое лучшее средство для достижения важнейшей государственной цели: поднять уровень нравственного развития и улучшить материальный быт народа».

Усиленные труды по составлению отчета земству за первый год, а также неприятности – смерть одного из воспитанников и переход трех его лучших учеников в учительскую семинарию Министерства народного просвещения – сильно повлияли на его здоровье. Цейдлера хватил удар. От удара он начал отходить и приступил к классным занятиям, но после простуды заболел тифом и скончался.

Тело его было привезено в Петербург 10 февраля 1873 г. Прощаться с П. Цейдлером собралось много его бывших учеников. Хоронили Цейдлера на пособие от земства. Семья осталась без средств

к существованию. А еще в Гатчине у его семьи был капитал, и весь этот капитал пошел на обустройство в жизни его многочисленных учеников.

Жена Цейдлера Августа Андреевна – известная детская писательница (1830–1891) писала под псевдонимом А.А. Пчельниковой. Ей принадлежат книги «Беседы с детьми о ремеслах, производствах, произведениях природы и прочее», «Все в картинках, наглядная энциклопедия для детей», «Первая книжка для маленьких детей». Она отлично знала мир детства, умела говорить с детьми, и при этом сама была образцовой матерью.

Когда Цейдлер умер, директором учительской школы стал блестящий математик А.И. Гольденберг (1837–1902). Он является одним из основоположников методики начальной арифметики. В 1858 г. он окончил московский университет, в 1861 г. – Михайловскую артиллерийскую академию. Служил четыре года офицером, затем преподавал математику во второй Московской военной гимназии. В 1873–1874 гг. работал директором учительской школы в Поливанове. Им разработана «Методика начальной арифметики» (1865 г.), выдержавшая 25 изданий. Заслугой А.И. Гольденберга является окончательное изгнание из методики арифметики, как он выразился, «немецких измышлений в русской школе». А. Амфитеатров пишет, что Александр Иванович в качестве заведомого либерала был невыносим для московской реакции. Была организована клеветническая кампания, заставившая его уйти с должности директора.

2 августа 2008 г. на Ваганьковском кладбище архиепископ Орехово-Зуевский Алексей отслужил панихиду в связи со столетней годовщиной со дня кончины известного московского священнослужителя отца Валентина Амфитеатрова, пользовавшегося в городе такой же любовью, как и его современник св. праведный Иоанн Кронштадтский в Петербурге.

В панихиде приняли участие многие сотни почитателей отца Валентина, среди которых были его правнучки Л.Н. и Е.Н.

Викторовы, правнук Дмитрий Николаевич из Москвы и праправнучка Франческа Амфитеатрова из Лондона.

В.Н. Амфитеатров родился 14 сентября (по н. ст.) 1836 г. в семье протоиерея Николая Амфитеатрова, который приходился племянником святителю Филарету и братом архиепископу Антонию. Другим дядей протоиерея Николая был известный литератор С.Е. Раич, учитель Лермонтова и Тютчева.

В.Н. Амфитеатров в 1858 г. окончил Московскую духовную академию и был назначен инспектором и учителем Калужского духовного училища, а в 1859 г. был перемещен в Калужскую духовную семинарию учителем всеобщей и русской истории и греческого языка. В 1860 г. он вступил в брак и в том же году принял сан священника.

В семье родились сын Александр и три дочери – Александра, Любовь и Вера.

В августе 1864 г. В.Н. Амфитеатров был переведен на протоиерейскую должность в Лихвинский Троицкий собор Тульской губернии.

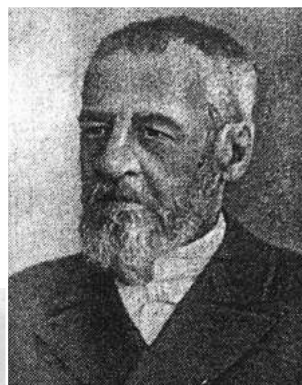
Жена Валентина Амфитеатрова часто с ужасом вспоминала, как в лихвинском остроге вспыхнул бунт арестантов из-за дурной пищи и разных несправедливостей тюремного начальства. Городские власти вызвали отца Валентина и потребовали, чтобы он уговорил арестантов прекратить буйство; отец Валентин один с крестом в руке вошел в бушующую тюрьму. Встретили его почтительно, но мрачно, а когда он заговорил, доказывая бессмысленность бунта, то один из наиболее упорных зачинщиков замахнулся на него доской. Отец Валентин очень спокойно перекрестил его. Тот смешался, бросил доску, и через пять минут тюрьма была приведена к совершенному спокойствию, без всяких угроз и мер насилия.

До нас дошли воспоминания сына отца Валентина – русского журналиста и писателя А. В. Амфитеатрова (1862–1938) (один из самых популярных русских журналистов, широко читаемый прозаик, в начале XX в. имел всероссийскую извест-

*П. М.
Цейдлер.*

*А. И.
Гольденберг.*

*Поливановская
учительская семинария.
Фото начала XX в.*

Воспитанники и преподаватели Поливановской учительской семинарии.

Пензенское краеведение № 5 (15) 2015

тность). Во многих библиотеках России по числу книговыдач его книги стояли на первом или втором месте, опережая книги Толстого, Достоевского, Чехова, Куприна, Короленко. Сегодня имя А.В. Амфитеатрова выходит из забвения. Опубликовано многотомное собрание его сочинений. Он отмечает, что его отец принадлежал к поколению образованному, не чуждавшемуся светской культуры, и был одним из лучших и выразительнейших его представителей.

Отец Валентин был высокообразованным человеком. Он владел более чем десятью иностранными языками, не считая древних. Всю жизнь он собирал библиотеку, которую завещал после своей смерти университету Шанявского.

А.В. Амфитеатров вспоминает времена своего детства: «Отец выписывал тогда два наиболее популярных журнала, “Современник” Некрасова и “Время” Достоевского, а также сатирический иллюстрированный журнал “Искру” братьев Курочкиных. Вот смешные картинки этого последнего, по-видимому, и были моими учителями грамотности. Так как игрушек у меня по нашей бедности не бывало, – в семье тогда и белый хлеб покупали только для детей, а старшие ели черный, – то за игрушки служили мне эти толстые книги. Я городил из них леса и разыгрывал в этих странных лесах всевозможные истории».

Духовное начальство часто передвигало о. Валентина по городам Калужской и Московской губерний, «как человека с репутацией просвещенного администратора и талантливого педагога, по благочиниям и учебным заведениям, нуждавшимся в направлении умелой рукой». В 1871 г. о. Валентин был переведен законоучителем учительской школы в Поливаново.

В каменном доме, расположенном в 20 саж. от усадебного дома, в котором разместили учительскую школу, внизу была оборудована мастерская для обучения воспитанников разным ремеслам, прачечная и помещения для прислуги; а сверху – квартиры: законоучителя о. Ва-

лентина и учителя пения, лазарет и лекарственная комната с помещением для фельдшера.

В помещении учительской школы была устроена и освящена домовая церковь во имя Спасителя Иисуса Христа с установлением ежегодного храмового праздника 16 августа и выдачей святого антиминса для возложения на престол церкви. Церковь была устроена за счет частных пожертвований. Клиросное пение и чтение исполнялись воспитанниками под непосредственным надзором законоучителя школы протоиерея В.Н. Амфитеатрова как настоятеля этой церкви.

Церковь была устроена в нижнем этаже, а над алтарем на верхнем этаже было отгорожено место, и над престолом воздвигнут киот с образами для утренних и вечерних молитв воспитанников.

А.В. Амфитеатров вспоминает: «... Богослужение в прелестной домашней церкви семинарии совершалось очень часто, со строгим вниманием к церковному календарю и царским дням, – пожалуй, аккуратнее, чем в иной духовной семинарии. Поливановская церковь тянула детей к себе, потому что нравилась, а нравилась потому, что была искренне поэтична. Нигде впоследствии не видал я такого милого Троицына дня: он превращался и впрямь в «Зеленые Святки», как слывет праздник в народе. Длиннейшая служба на Троицу протекала как-то совсем незаметно под сенью наполнявших храм березок и цветов. Отец дивно, увлекательно служил, подавая возгласы своим очаровательным, совсем молодым еще тенором мазиниевского тембра; хор воспитанников превосходно пел».

К В.Н. Амфитеатрову часто приезжал на побывку из московского университета А.И. Чупров – брат его жены Елизаветы, который впоследствии стал профессором московского университета – основателем статистики и политической экономии в России. К. Маркс законспектировал двухтомную книгу А.И. Чупрова «Железнодорожное хозяйство» и использовал идеи Чупрова о транспорте как о еще одной

отрасли народного хозяйства во втором томе «Капитала».

В Москве были реакционные силы, которые в «Московских ведомостях» изображали Поливаново «гнездом крамольников и рассадником будущих революционеров». А.В. Амфитеатров пишет – «конечно «Московские ведомости» бессовестно клеветали. Никакой крамолы в недрах Поливановской семинарии не ковалось и революции не делалось. За благонадежность ее отвечал уже авторитет ее первого директора и организатора, П.М. Цейдлера, едва ли не замечательнейшего русского педагога той эпохи». Он отмечает, что обаяние благородной личности Цейдлера, его воспитательное искусство и неотразимое влияние на учеников были совершенно исключительны.

В 1873 г., когда утверждался устав учительской школы, Министерство народного просвещения внесло в проект существенные изменения, после которых земство сочло нецелесообразным содержать ее, и в июне 1874 г. передало школу министерству с преобразованием в учительскую семинарию.

В воспоминаниях А.В. Амфитеатрова читаем: «Мы с семьею в это время жили уже в Москве, так что драму развала семинарии переживал только мой отец, одиноко оставшийся в Поливанове. Но я живо помню, как, наезжая в Москву, он волновался и негодовал, возмущенный гадостями интриги, выжившей Гольденберга. Не помню, раньше Гольденберга или с ним вместе уволился также и он от законоучительства в Поливанове, но знаю хорошо, что после Гольденберга он там уже не преподавал».

В 1874 г. о. Валентин был назначен в храм Святых равноапостольных Константина и Елены, находившийся в Кремле.

В 1892 г. о. Валентина назначили настоятелем в Кремлевский собор Архангела Михаила, ныне усыпальницу русских царей.

Известный юрист А.Ф. Кони писал, что В.Н. Амфитеатров «Был настоящим служителем деятельной любви по отно-

шению к ближним и дальним, к алчущим духовно и нищим материально», «все, что так украшало наше общественное самосознание в первой половине 60-х гг., нашло себе отражение в пылком сердце и восторженной душе Амфитеатрова».

Историк С.П. Мельгунов вспоминал про В.Н. Амфитеатрова: «В Москве он слыл чуть ли не за святого. Церковь всегда была полна народа, приезда пастыря ждала толпа жаждущих его благословения. За извозчиком его бежали десятки женщин. Одним словом, это был пастырь, которому поклонялись». Когда он исповедовал, «сотни людей ждали очереди получить прощение грехов у популярного пастыря. Приходилось с раннего утра до позднего вечера дежурить, ничего не евши и не пивши».

Протоиерей В.Н. Амфитеатров закончил свое земное существование в 1908 г. в день святого пророка Илии.

Батюшка оставил своей пастве предсмертный завет: «Когда умру, идите на мою могилку и поведайте мне все, что вам нужно, и я услышу вас, и не успеете ещё вы отойти от неё, как я все исполню и дам вам. Если кто даже и за версту от моей могилки обратится ко мне, то и к тому я отзовусь».

Если вы будете на Ваганьковском кладбище, то обязательно подойдите к могиле отца Валентина. Около нее всегда лежат цветы и горит лампадка.

Сегодня православной церковью решается вопрос о причислении отца Валентина к лику святых.

Университетским другом П.М. Цейдлера был поэт А.Н. Майков (1821–1897).

А.Н. Майков родился в Москве, детство его прошло в подмосковном с. Никольском, близ Троице-Сергиевой лавры. Происходил из старинного дворянского рода. Отец поэта был академиком живописи, мать – писательницей. В доме постоянно собирались художники, литераторы, музыканты; среди домашних учителей будущего поэта был И.А. Гончаров. В 1841 г. Майков окончил юридический факультет Петербургского университета.

Знал четыре языка: немецкий, французский, итальянский и английский. Рано начал писать стихи, но в детстве мечтал стать художником. Майков писал стихи из жизни древней Греции и Рима. Вместе с тем А.Н. Майков – замечательный певец природы, мастер пейзажа. Много стихотворений Майкова положено на музыку П.И. Чайковским, Н.А. Римским-Корсаковым и другими композиторами. Майков – автор одного из лучших переводов «Слова о полку Игореве».

По приглашению Цейдлера А.Н. Майков гостил летом 1872 г. в Поливанове.

А.В. Амфитеатров, которому тогда было 8-9 лет, пишет, в частности, что «... между Цейдлером и А.Н. Майковым была давняя тесная дружба – идейная, личная, семейная. И вот, одним летом то ли в 1872, то ли в 1873 г., поэт с супругою и детьми прибыли к Цейдлеру в Поливаново на долгую гостьбу».

Приезд Майковых, конечно, взволновал поливановскую тишь, но чуть ли не больше всего нашу семью. Мой отец, в то время еще тридцатипятилетний, хотя уже заслуженный, протоиерей, был смолodu страстным «литературщиком» вообще, любителем стихов в особенности, писал преинтересные комментарии к балладам Жуковского и сказкам Пушкина и сам пробовал сочинительство.

...Поэзию Майкова отец мой ценил высоко, ставя его чуть ли не рядом с Пушкиным. «Клермонский собор», «Савонаролу», «Три смерти» и т.д. безошибочно знал наизусть, не говоря уже о мелких стихах. Из них даже мы, малые дети, чуть ли не с первым лепетом учились запоминать, как «Пахнет сеном над лугами», и твердили: «Посмотри, в избе, мерцая, светит огонек». Мать проливали горькие слезы над «Дуней». Молодые тетки распевали модную «Фортуна»:

Ах, люби меня без размышлений,
Без тоски, без думы роковой...

Словом, дом был полон майковским культом. И вдруг – этакое чудо-чудное, диво-дивное: сваливается к нам с небеси, нежданно-негаданно, сам «бог» — одно

имя чего стоило: Аполлон! – и мы его узрим живого, настоящего, хоть руками щупай! Прямо – ошалеть!»

Портрет Майкова красовался в кабинете отца на почетнейшем месте. Конечно, наслышавшись о «величии» Майкова, я воображал его гигантом, по крайней мере аршин трех ростом, и был очень изумлен и разочарован, когда Майков оказался маленьким господинчиком с черненькой четырехугольной бородкой, одетым в серенький летний пиджачок и близоруко поглядывающим довольно быстрыми, внимательными глазами сквозь высоко надетые золотые очки.

Майков привез с собою в Поливаново рукопись только что оконченной драматической поэмы. Относительно названия он еще колебался – наречь ли ее «Два мира» или «Два Рима». Цейдлер убедил поэта прочитать свое новое произведение преподавателям и воспитанникам семинарии. Зрительно – как сейчас, помню тесную, переполненную аудиторию, серые твиновые блузы семинаристов, бородку и сверкающие очки Майкова над новенькой кафедрой.

...На взрослых чтение Майкова произвело огромное впечатление: ждали чуть ли не переворота в литературе.

Майков, как известно, был страстный рыболов. Много удочек, червей и всякой прилежащей к этой охоте снасти переносил я за ним, как некий оруженосец или паж, на чудесную речку Пахру, огибающую холмы, на которых стоит Поливаново с красивым четырехбашенным дворцом бывших владельцев Орловых-Давыдовых. В нем и помещалась учительская семинария. Не знаю, как теперь, с вырубкой лесов, но дивное было место – одно из самых красивых в подмосковной округности, вообще очень ведь живописной. Если Майков не писал и не удил, его надо было искать в урочище, называемом «Скала». Это довольно высокий береговой пригорок, под соснами, на вершине которого скорее лежала, чем стояла, массивная, старая-престарая, мохом поросшая каменная скамья. Водрузил ее здесь, надо по-

лагать, какой-нибудь помещик-романтик, поклонник Жуковского, потому что место выбрал самое громобойное – как раз для действия страшной баллады. Справа заброшенное старое кладбище, слева дремучий лес, прямо обрыв к Пахре, а за нею широчайший, дух захватывающий вид на заводы и заречье, с чудесными заливными лугами до далеких синих лесов...

Цейдлеры устроили для Майкова рабочий кабинет в восточной башенке дворца.

Под эту башенку мы, двое мальчиков, я и Гриша Засыпкин, мой одноклассник и закадычный друг, сын нашей няни, приходили – ожидать, не высунутся ли четырехугольная борода, серенький сюртучок и светленький галстучек: Майков одевался молодо. Как скоро поэт нас замечал, то обыкновенно вскоре спускался к нам, вооруженный подбором разнообразнейших удочек и распределял их между нами – нести. Они у него были замысловатые, щегольские, с какими-то звонками, да и весь снаряд был, должно быть – дорогой.

В первый раз, когда я удостоился нести удочки Майкова, я чувствовал себя гордо и радостно, словно меня нарядили в новую шелковую рубашку и в подол насыпали фунтов десять конфет. Не могу сказать, чтобы этот мой восторг продержался долго. Ужение рыбы – занятие вообще молчаливое, а Майков и по натуре был человек, склонный к созерцательно-му глубокомыслию и важному безмолвию. Сопроводить в прогулках П.М. Цейдлера было куда интереснее: тот, бывало, каждую букашку тебе объяснит, о каждой былинке расскажет. Поэтому общество пожилого поэта перестало казаться мне привлекательным. Как скоро Майков, сосредоточившись вдохновенными глазами на поплавках, впадал в рыболовный транс, я потихоньку удирал в ближайший ров с ежевикой либо к мельнице пугать ужей на плотине».

На фотографии усадебного дома начала XX в., в котором располагалась учительская школа, а затем семинария, видна ближняя правая башенка, в которой на втором этаже располагался кабинет А. Майкова.

Сегодня, много лет спустя, необходимо признать, что идеология, заложенная в основу подготовки тысячи народных учителей, выпущенных Поливановской учительской школой, а затем учительской семинарией, была создана именно в 1871–1874 гг.

В определенном месте, в определенное время сконцентрировались выдающиеся представители своего времени: педагоги П.М. Цейдлер, А.И. Гольденберг, Н.А. Корф, поэт А.Н. Майков, писатели А.В. Амфитеатров, А.А. Пчельникова, известный духовный пастырь В.Н. Амфитеатров, ученый, профессор, член-корреспондент Санкт-Петербургской академии наук А.И. Чупров, книгоиздатель, энциклопедист М.О. Вольф. Всех их объединяла идея народного образования и подъема национального самосознания России.

Над созвездием Орион, всего в нескольких градусах от зенита, в южной части зимнего неба расположено созвездие Телец. Около Тельца видна группа звезд, имеющая название как Плеяды. Плеяды – самое известное скопление, видимое невооруженным глазом. В скоплениях, в отличие от созвездий, звезды постоянно держатся близко друг к другу под влиянием собственной гравитации. Девять ярчайших звезд скопления получили свои имена в честь семи сестер Плеяд древнегреческой мифологии, а также их родителей Атланта и Плейоны. В бинокль видно, что они окутаны газом и пылью. Это указывает на то, что эти звезды молоды, и, благодаря гравитации, приводящей к сжатию материи, постоянно рождаются новые члены этого скопления звезд.

СОВЕТУЕМ ПРОЧИТАТЬ

В.И. Первушкин

ПРИБЛИЖЕНИЕ К ВЕЛИКОМУ НАСЛЕДИЮ

Любая новая книга известного пензенского писателя, краеведа, доктора филологических наук, профессора Пензенского государственного университета Геннадия Елизаровича Горланова становится подарком для каждого, кто беззаветно любит родную землю. Не является исключением учебное пособие «История культуры Пензенского края», которое охватывает обширный исторический период с древнейших времен до дня сегодняшнего. Достаточно перечислить названия глав книги: «Культура Пензенского края с древнейших времен до XVII века», «Культура Пензенского края XVIII века», «Культура Пензенского края первой половины XIX века», «Культура Пензенского края второй половины XIX – начала XX века», «Культура Пензенского края XX века». Справедливости ради следует сказать, в 1995 г. вышла его книга по истории культуры малой родины «Дороги в мир знаний». Однако за 20 лет в жизни Пензенского края произошли большие изменения, появились новые сведения о культуре области. В конце XX столетия сменился общественный строй в России, изменивший многие исторически сложившиеся стереотипы. Нельзя забывать воспитывающую роль краеведения как науки, призывающей неравнодушных людей не только любить родные места, но и сохранять достижения предыдущих эпох, привносить в развитие культуры Пензенского края свои умения и знания.

На наш взгляд, очень важным является то, что Г.Е. Горланов выделяет наш

регион в качестве хранителя самобытной культуры многих народов. Как показывает многовековая история, вражды между русскими, татарами, мордвой, чувашами (испокон веков живущими здесь) не было. В этом сказалось почитание национальных традиций и образа жизни каждого народа. Без уважения к другим нациям не может быть уважения к собственной. Национализм в его крайних формах чужд этим народам. Особо автор подчеркивает: «В художественной культуре через национальное выражается общечеловеческое.

Мировая культура обогащается за счет своеобразия отдельных национальных культур. На протяжении всей истории различен был вклад отдельных народов в мировую сокровищницу культуры»¹.

В учебном пособии красной нитью проходит мысль о пользе знаний культурных традиций нашего края для каждого человека. Совершенно справедливы высказывания автора: «В Пензенской области немало сделано для сохранения культурного наследия. Здесь имеется семнадцать музеев со всероссийской известностью, а некоторые – с мировой. На многих домах закреплены памятные доски в честь выдающихся земляков, есть скульптурные памятники и стелы. Одно их перечисление заняло бы десятки страниц! И все же практических дел у нас еще мало. Во многих городах и селах остаются без внимания старинные дома, церкви, кладбищенские реликвии, редкие книги и другие атрибуты прошедших веков. Нельзя забывать, что культура дружит только с теми, кто знает и бережет свое прошлое. Мы не можем быть иванами, не помнящими родства, ибо без памяти прошлого нет настоящего и тем более не будет будущего»².

Мне, как патриоту России, близки рассуждения Геннадия Елизаровича о сохранении культурных традиций: «А, вообще-то, так ли важно знать культурные

традиции родных мест? Казалось бы, чего страшного в том, что человек не знает, чем знаменита его малая родина. Ведь этой самой культурой сыт не будешь. Но ведь и не хлебом единым жив человек. Незнание материальных и духовных богатств культуры родного края делает людей нравственно безынициативными, беспомощными, ущербными в духовном отношении. Таких людей легко превращать в бессмысленные винтики общей государственной машины. Бескультурного человека, лишённого памяти, легко превратить в скотину, которую, если подкармливать, можно заставлять делать что угодно»³.

В заключение хотелось бы особо отметить: книга написана замечательным литературным языком, что сегодня является большой редкостью. Подкупает простота изложения сложных исторических перипетий. Поэтому у читателя создается впечатление, что автор неотступно сопровождает его по трудным, далеким и не всегда прямым дорогам истории Пензенского края.

Примечания

1. Горланов Г.Е. История культуры Пензенского края. Пенза, 2015. С. 14.
2. Там же. С. 19.
3. Там же. С. 22.

Д.А. Юшечкина

ПРИКОСНИСЬ К «СЕРЕБРЯНОМУ РОДНИКУ»

Как важно человеку знать «слово»... Когда закладывается это знание в наши души? В детстве – беззаботном, счастливым, самом лучшем для каждого из нас. Начинается оно со сказок, рассказанных родителями перед сном, с легенд, пословиц и поговорок, которых бабушка знает несметное количество... и главное, с вступления на путь познания слова самостоятельно. С первой прочитанной тобой книги – эта победа как полет в космос, как восхождение на Эверест. Столько счастья приносит только твое первое слово!..

Не только семья и твои близкие – источники слова, но и школа дает маленьким людям возможность углублять любовь и желание к новому ежедневно. Благодаря великолепно составленной, по моему мнению, хрестоматии по литературному краеведению «Серебряный родник», авторов М.Л. Савиной и Т.Н. Козиной, усилится не только стремление к поиску непрочитанного, но особо важен тот факт, что хрестоматия открывает богатый мир поэзии и фольклора Пензенского края.

Данный труд логически выстроен по разделам, которые наполнены грамотно отобранными литературными произведениями и жемчужинами пензенского народного творчества. В сборнике напечатаны удивительные по своему смыслу, доброте и простоте работы Александры Петровны Анисимовой, передающие весь колорит нашего фольклора.

Сказки для детей по своей сути – это проводник, пример выстраивания взаимоотношений во взрослой жизни. Они учат быть справедливыми, добрыми, отзывчивыми людьми. Каждая из них – кладезь духовных и моральных ценностей. Радует, что «Серебряный родник» затрагивает тему славных земляков и их творчества. М.Ю. Лермонтов, А.И. Куприн, Ф.И. Булгаев и др. – яркие звезды на небосклоне русской литературы.

Уважение к теме войны и Победы с малых лет должно прививаться ребятишкам, как и любовь к литературному слову – источнику роста личности. Знакомясь с трудами пензенских авторов, писавших о самом страшном для человечества событии, мальчишки и девчонки видят, что такое война, Победа и возвращение с фронта дорогих сердцу людей.

Говоря о последнем разделе «Пройдись по Пензенскому краю...», М.Л. Савина и Т.Н. Козина показали всю безграничную любовь и беззаветную преданность сурских мастеров слова – М.П. Смирновой, А.А. Сазонова, Г.Е. Горланова, В.К. Застрожного – к нашей милой сердцу стороне.

Особо отмечу иллюстрации хрестоматии. Чувство вкуса и меры авторов просто поражает! Сколько трепета и ностальгии по ушедшему детству вызы-

вает каждая из репродукций, помещенных на страницах издания. Они так притягивают яркими красками, что ощущаешь, будто стоишь на берегу маленькой речушки и вдыхаешь влажный воздух, наслаждаешься запахом луговых трав и цветов, всматриваясь в голубую даль, видишь что-то новое, вкрадывающееся в самое твое сердце, вызывающее чувство необъятной любви к Родине. Или, взглядываясь в лица изображенных людей, понимаешь: перед тобой твой друг из детства, с которым ты мечтал о чем-то далеком и прекрасном.

В заключение, хочу выразить сердечную благодарность М.Л. Савиной и Т.Н. Козиной, составителям хрестоматии «Серебряный родник», за простоту изложения и подачу материала, любовь и уважение к слову, безграничное чувство вкуса.

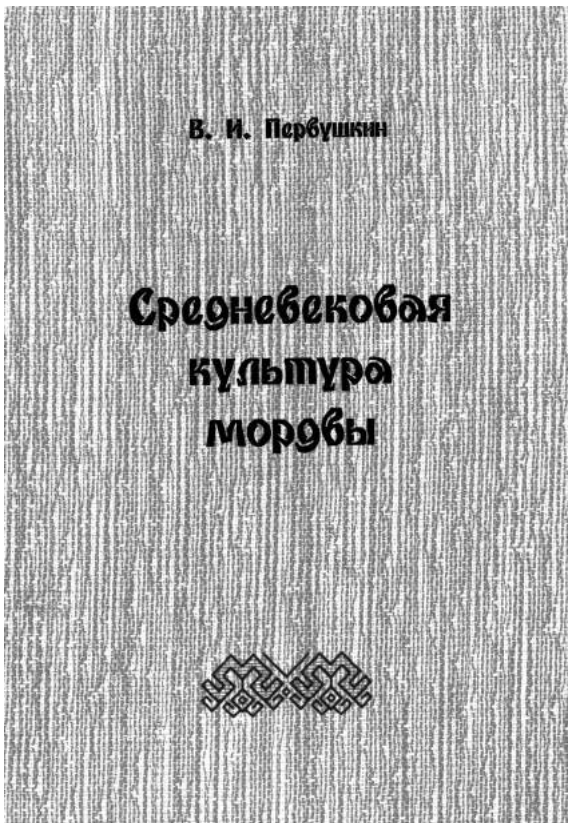
Н.Г. Кузнецова

О КУЛЬТУРЕ МОРДВЫ ЯЗЫКОМ НАУКИ

Пензенское краеведение пополнилось ещё одним исследованием известного в России ученого В.И. Первушкина. В книге «Средневековая культура мордвы», вышедшей в Пензе (2015 г.), исследуется

материальная и духовная культура мордовского народа в XI-XIV вв. Почему такой знаток финно-угорских народов, каким является В.И. Первушкин, обратился именно к обозначенному периоду

культуры мордвы, средневековью, ответить не сложно. Прежде всего из-за недостаточной изученности этого четырехвекового периода. А ведь это время включает в себя судьбоносные жизненные ситуации для целого народа, которые дают возможность автору решать важнейшие проблемы, которые можно обозначить следующими вопросами: когда произошло деление на две основные группы (субэтноты): мордву-мокшу и мордву-эрзю? каковы были связи мордвы и татар? когда началось заселение Пензенского региона татарским населением? Исследование этого периода дает возможность ученому четче определить и охарактеризовать домонгольский этап в истории мордвы и золотоордынский период в жизни Поволжского региона. По твердому убеждению ученого, в эпоху монгольского завоевания мордва, хотя и испытала сильное потрясение, потеряла огромную массу производительных сил, все же нашла мужество выстоять. Мордва выжила как народность, сохранив свою самобытную культуру. Все аргументации и выводы опираются, как правило, на

результаты археологических материалов (во многих раскопках участвовал автор) и работы научных исторических комиссий, а также – на анализ научных наработок, этнографических источников, фольклорных записей.

Первую главу автор, вообще, отводит характеристике источников: «Источники и историография». Не буду конкретизировать три группы источников, на которые опирается ученый при раскрытии заявленной темы. Отмечу только, что некоторые материалы в виде полевых археологических и этнографических отчетов, корреспонденций с мест, различных описаний, очерков ранее не вводились в научный оборот.

Сильной стороной книги является комплексное рассмотрение культуры мордовской народности, что позволило успешно решить многие спорные проблемы, возникающие в кругах учёных-историков, а главное – нарисовать целостную картину развития мордовской культуры.

Средневековая культура мордвы исследуется в двух аспектах: материальном и духовном. Вполне оправданно дается понимание культуры как термина, применяемого в разных научных дисциплинах. Такое толкование просто необходимо, ибо перевод его с латинского языка дает широкое многообразие словоупотреблений: «возделывание», «развитие», «образование», «воспитание», «почитание». Каждое из выделенных понятий в отдельности не выражает сути культуры, лишь в их комплексе можно правильно судить об этом термине. По этой причине В.И. Пербушкин предлагает определение: «Культура – историческое определение, уровень развития общества, творческих сил и способностей человека, выраженный в создаваемых им материальных и духовных ценностях». Согласно сформулированному определению основное внимание уделено материальной (вторая глава) и духовной культуре (третья глава). Обращают на себя внимание две важные функции исследования: познавательная

Пензенское краеведение № 5 (15) 2015

и оценочная. Читатели, на мой взгляд, с большой пользой для себя ознакомятся с сельским хозяйством и охотой, ремеслами и торговыми связями мордвы. Обнаруженные археологические и этнографические материалы дают право уверенно говорить о злаковой культуре – ржи и технических культурах льне и конопле, употребляемых мокшанами и эрзянами. Удалось реконструировать основные приемы охоты, бортничество и рыболовство.

Автор увлеченно рассказывает о поселениях и жилищах, одежде и украшениях, пище и домашней утвари, о предметах вооружения мордвы. Материальной культурой не ограничивается любой народ, поэтому не меньшее внимание на страницах книги уделяется мордовской мифологии, политеизму и обрядовости, погребальным обрядам, декоративно-прикладному искусству. Интересны рассуждения автора о мокшанском и эрзянском языках, письменности и устном народном творчестве. Дошедшие до нашего времени лингвистические и фольклорные материалы позволяют В.И. Первушкину сделать вывод, «что у мордвы в XI–XIV вв. существовало собственное, вероятно, знаковое письмо... Помимо обрядовых произведений присутствовала и необрядовая лирика в виде семейно-бытовых, героико-мифологических, исторических песен, легенд и сказок».

Культура никогда не стоит на месте, она постоянно меняется в зависимости от особенностей исторических условий. Не является исключением и рассматриваемый период в жизни мордвы. Так, если в XII–начале XIII в. есть поступательное развитие культуры, то со второй половины XIII в. – в лучшем случае был застой, а в худшем – деградация национальной культуры. В целом же, по справедливому мнению ученого, уровень развития материальной культуры в обозначенный период «соответствовал уровню материальной культуры соседних народов». Правда, по сравнению с Северо-Восточной Русью темпы развития культуры проходили медленнее.

Духовная культура в смысле эволюционного развития по сравнению с материальной более консервативная. Монгольское иго, каким бы ни было суровым, не могло истребить или даже изменить духовную сторону культуры мордвы. Как в XI, так и в XIV вв. господствующей религиозной идеологией оставался политеизм, построенный на религиозных воззрениях тотемистического и анимистического характера. Нужно было время и большее сближение с Русью, чтобы произошли коренные изменения в духовной культуре мордовского народа.

Хочется отметить большое уважение В.И. Первушкина к коллегам по научным изысканиям: он нигде не претендует на ведущую роль в раскрытии материала, отдает должное тем ученым, которые раньше него по времени начинали раскрывать затрагиваемую им проблему. По этой причине, помимо обширного списка литературы дается библиография неопубликованных и опубликованных источников, которая может помочь коллегам, решившимся продолжать тему, да и сам автор готов выслушать советы в свой адрес. «Конечно же, было бы наивным считать, что в одной книге можно раскрыть все стороны средневековой культуры мордовского народа. Объять необъятное вряд ли возможно. Поэтому работа над этой интереснейшей проблемой продолжается. Автор с благодарностью примет от читателей все доброжелательные, конструктивные замечания, советы и предложения», – такими словами подводится итог сказанному.

Работа В.И. Первушкина, при всей её научности, написана доступным литературным языком. Цитатный материал легко вписывается в содержательную канву, а удачно подобранные иллюстративные подборки (цветные и черно-белые) делают книгу эстетически привлекательной. Уверена, что книга В.И. Первушкина «Средневековая культура мордвы» найдет своего заинтересованного читателя.

НЕИЗВЕСТНЫЙ КУПРИН

Произведений А.И. Куприна в различных жанровых формах (романы, повести, рассказы, очерки, статьи, рецензии, заметки, стихи) насчитывается более 900. Не все творения классика вошли в его Собрание сочинений. В последний 10-томник (М.: Воскресенье, 2007), опрометчиво названный Полным собранием сочинений, не включено более 200 текстов.

Они оказались затерянными в периодике как дореволюционной России, так и «пегом» времени революций и эмиграции и остаются неизвестными, а значит, и не прочитанными современными читателями. Новый сборник – это попытка возвращения непрочитанного Куприна, забытого, т.к. часть предлагаемых текстов не переиздавалась сначала XX в., другие – исчезли из памяти вместе с часто менявшимися названия газетками ломкого времени революций, некоторые – затерялись в эмигрантских газетах и журналах 1920–1930-х гг.

Почему сборник назван «Пёстрая книга»? Название не только соответствует наименованию купринского цикла статей 1917 г., остающегося неизвестным, но имеет символическое значение.

Куприн сам себя называл пегим человеком. Неоконченному автобиографическому рассказу «Теодолит» Куприн дал подзаголовок «Рассказ из воспоминаний пегого человека», таким образом вводя самохарактеристику. Пегий человек – важнейший образ в пестрой российской жизни. Один из рассказов периода эмиграции так и называется — «Рассказ пегого человека» (1934), в котором персонаж не претендует на исключительность даже в имени: «Зовите хоть Иван Иванович, а фамилию выберите Пегий». Колоративный троп «Пегий» в качестве псевдонима (как М. Горький, Д. Бедный) обладает глубоким смысловым подтекстом, но, не применив его в качестве говорящего имени, Куприн использовал его в автобиогра-

фических рассказах как заголовков и подзаголовков, соотнося свою жизнь и себя с пегим. Перед вами «Пёстрая книга» «пегого человека».

Сборник оказался пёстрым по жанру: в него вошли рассказы и художественные очерки, фельетоны и пародии, переводы; пьесы; политическая публицистика; очерки, статьи, рецензии; стихотворные произведения.

Центральное место в сборнике занимают рассказы – их более 30, не вошедших в Собрание сочинений. Из дореволюционных «затерянных» рассказов читатель познакомится с такими, как «Врачебная этика», «Элегии в прозе», «Ночью», «Заключенье», «Тараканья щель». Большой интерес для исследователей представляют рассказы, написанные и опубликованные в 1918 г.: «Старость мира», «Гатчинский призрак», «Каломель», «Тришка Будильник», обнаруженные составителем в периодике революционного времени; произведение «Шестое чувство», объединившее два рассказа «Обыск» и «Допрос» (оба вошли в сборник «Голос оттуда», 1999) и эссе о владимирских рожечниках – в таком варианте рассказ печатался только в эмигрантском сборнике. Не входили в Собрание сочинений многие рассказы периода эмиграции: «Извозчик Петр» (1924), «Лесенка голубая» («Лесенка Богородицы», 1926), «Медвежья Молитва» («Медвежье благословение», 1925), «Костя Попов» (1933), «Алёша», написанный ещё в 1916 г., но напечатанный только в эмигрантском сборнике «Жанета» (Париж, 1934), ставшем сегодня библиографической редкостью. Многие рассказы, опубликованные в сборниках периода эмиграции, так и остались неизвестными современному читателю. К таким относится рассказ «Одиночество» (1923), время действия которого отодвигается к 1918 г., наполненный размышлениями о предательстве царедворцами своего государя,

о душевном одиночестве Николая II, оставшегося без спасительной поддержки. Долгий путь к читателю проделал рассказ «Пощёчина» (1924), затерявшийся в журнале русской эмиграции «Иллюстрированная Россия».

В настоящий сборник включен купринский перевод рассказа А. Франса «Жонглёр Богородицы», привлекая писателя своей новеллистической развязкой и цирковой тематикой. Перевод, выполненный в 1908 г., позволяет познакомиться с деятельностью Куприна-переводчика.

Во второй части представлены пять драматургических произведений, которые отвечают правилам драматического искусства, среди них водевиль «Лейтенант фон Пляшке» (1914) и пьеса-памфлет «Публичный торг» (1921), которые расширяют наше представление о Куприне как творческой личности, работавшей в различных жанрах.

Третья часть сборника отведена политической публицистике (более 40 новых статей и фельетонов), неизвестной читателю. Причины – затерянность текстов в периодике сложного времени Первой мировой войны, революции, эмиграции. Уникальна подборка статей 1917 г., публиковавшихся Куприным в газете «Свободная Россия» в цикле «Пёстрая книга» и никогда более не воспроизводившихся после 1917 г. Фельетоны 1918 г. поражают дерзостью, безоглядой смелостью писателя, показывают его политическую позицию честного, порядочного человека демократических взглядов и звучат современно, удивляя злободневностью вечных русских вопросов – о власти и беззаконии, безнаказанности и разгуле инстинктов во время любой перестройки. В отечественном куприноведении прочно укоренились стереотипы относительно жизни и творчества Куприна двух предэмигрантских лет и сложилась определенная точка зрения, которую нельзя назвать объективной. В свете доступных ныне публицистических произведений Куприна становится ясной позиция писателя, сознающего в силу своей популярности

ответственность перед обществом. Это поможет прояснить логику дальнейших событий в его жизни. Октябрьская публицистика и художественные произведения этого периода (до сих пор не вошедшие в с/с) отражают политический портрет писателя, его достаточно четкую позицию и взгляды на большевиков и ситуацию в стране. В сборник вошли фельетоны: «Дневник ущемленного интеллигента», «Каломель», «Тришка Будильник», «Великий князь Михаил Александрович», «Все качества» – в последнем звучит актуальная мысль: «Государственная власть должна быть честной, но мы видим слишком часто ее представителей опозоренными и заклеятыми. Власть должна быть и опрятна. <...> власть никогда не должна марать себя невольным сотрудничеством с убийцами, случайным попустительством насилию, неосмотрительным укрывательством преступников».

Публицистическое наследие писателя разнообразно, поэтому один из разделов отдан очеркам и статьям, посвященным спорту, искусству, кинематографу и другим темам. Дарование Куприна – спортивного

журналиста – проявилось в малоизвестном очерке «Победа духа» (1921), в котором писатель, сам не наблюдавший поединка, состоявшегося в Америке, создал в форме репортажа эффектную картину присутствия на ринге. Очерки об искусстве, театре, артистах («Кедровы», «Кармен» и др.) представлены в основном неизвестными текстами из эмигрантского журнала «Театр и жизнь». Они раскрывают широкий круг общения писателя, мир его интересов. Очерк «Лики театральной России: Н.П. Рошин-Инсаров» принес приятное открытие: Куприн упоминает о своем пребывании в десятилетнем возрасте в Пензе, и это сообщение подтверждает бытовавшую в среде куприноведов шаткую версию, основанную только на предположении. Музейщикам известен конверт со штемпелем «Пенза», в котором письмо было отправлено матерью Куприна из Пензы в 1880 г., и куприноведы предполагали, что на родину она брала с собой и 10-летнего Сашу, но не было других доказательств.

Этот крупный раздел сборника и следующий за ним «Литературная критика» опровергает живучую легенду о Куприне, как о писателе с ограниченным кругозором. Читатель откроет для себя развернутые рецензии на произведение М.А. Осоргина «Повесть о сестре», роман атамана П.Н. Краснова «От двуглавого орла до красного знамени», роман Д.С. Мережковского «Иисус неизвестный». Мемуарная проза Куприна представлена в настоящем сборнике статьями об А. Аверченко, В. Ладыженском и др. Особенно важен найденный недавно в эмигрантской печати очерк-некролог о пензяке Владимире Николаевиче Ладыженском, с которым Куприна связывала давняя, с молодых лет, дружба.

Непрочитанный Куприн с его вечным очарованием ждет своего вдумчивого, заинтересованного читателя, который удивится современному звучанию мыслей и чувств и сойдется с Куприным сердцами.

О.А. Сухова

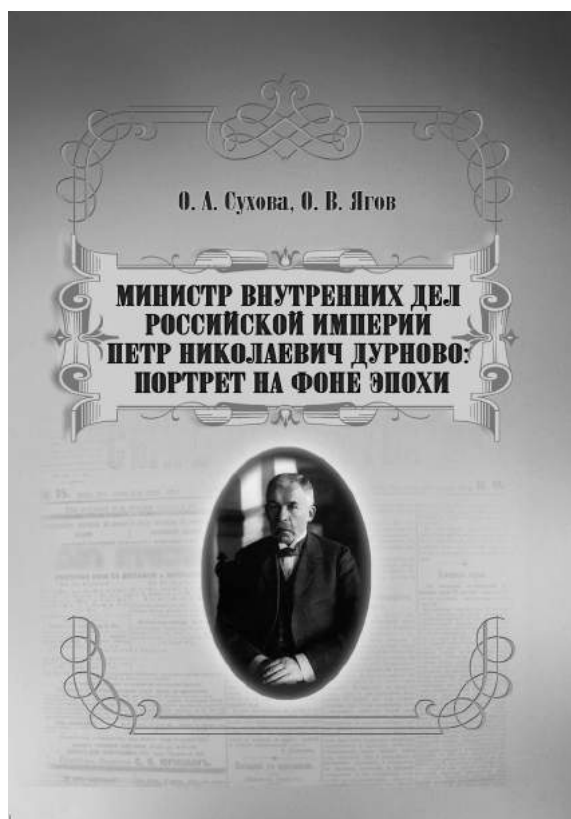
МИНИСТР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ ДУРНОВО: ПОРТРЕТ НА ФОНЕ ЭПОХИ

В представленном издании читатель сможет ознакомиться с историей жизненного пути одного из ярчайших представителей дворянского рода Дурново – Петра Николаевича Дурново, посвятившего свою судьбу служению Отечеству. Его отрочество, юность, зрелые годы – это не только этапы становления личности, судьба государственного деятеля, политика. Это энергия, питающая тело российской государственности, и, изучая биографию одного человека, мы шаг за шагом воссоздаем историческую эпоху – эпоху великих реформ и революций.

«Нет пророка в отечестве своем» – известное библейское выражение как нельзя лучше подходит к оценке жизненного пути Петра Николаевича Дурново. В самом сжатом биографическом очерке, пос-

вященном этому государственному деятелю, мы встречаем упоминание о кратком сроке (не более полугода) пребывания его в должности министра внутренних дел Российской империи, о сохранившемся надгробии в виде каменного монолита и «Записке», подготовленной лидером правых для императора и его ближайшего окружения в феврале 1914 г. Но даже самое поверхностное знакомство с содержанием «Записки» повергает в шок. С невероятной пронизательностью, точностью и безжалостностью Петр Николаевич описывает будущую гибель Российской империи.

Почему же он не был услышан властями предрекающими, почему о нем, интеллектуале, прагматике, обладавшем огромным практическим и жизненным опытом,

ставившем государственные интересы превыше всего, об эффективном кризисном менеджере, спасителе империи в суровую годину революции, провидце,

разработавшем актуальную и по сей день внешнеполитическую доктрину, сохранились лишь самые нелепые, нередко граничащие с вымыслом суждения-клише: «крайний реакционер», «лидер правых», «деспот», «подмоченная репутация», «не чист на руку» и пр.?

Предлагаемое вниманию читателей издание имеет своей целью развенчание многих мифов и стереотипов относительно жизненного пути и государственного служения Петра Николаевича Дурново. Тело его было предано земле в с. Трескино, Сердобского уезда, Саратовской губернии (ныне Колышлейский район Пензенской области). Кому как не нам, пензенцам, хранить и чтить память о достойных сынах своего Отечества и в годовщину смерти П.Н. Дурново лишний раз задуматься над предсказаниями «русского Нострадамуса».

Книга адресована преподавателям вузов, учреждений начального и среднего профессионального образования, дополнительного образования, студентам и всем, кто интересуется историей России.

КОНФЕРЕНЦИИ

Г.А. Мельничук, Н.В. Степанова

ДЕВЯТЫЕ ВСЕРОССИЙСКИЕ КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

15–19 мая 2015 г. в Москве и Воронеже прошёл очередной, уже девятый, научно-практический форум, посвящённый 25-летию Союза краеведов России и 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. Чтения традиционно открылись в Москве в стенах Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета (ИАИ РГГУ), где базируются кафедра краеведения и региональной истории, кафедра москвоведения, а также находится Союз краеведов России и Московское краеведческое общество. На пленарном заседании было зачитано приветственное письмо председателя Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации шестого созыва, председателя Российского исторического общества С.Е. Нарышкина, а с юбилейными поздравлениями выступили руководители многих краеведческих организаций из различных уголков России.

Заведующий кафедрой краеведения и региональной истории ИАИ РГГУ, председатель Союза краеведов России, профессор В.Ф. Козлов рассказал о четвертьвековой деятельности и достижениях российских краеведов и краеведческих обществ, преемственности традиций отечественного краеведения и обрисовал перспективы развития краеведческого движения. Выступивший отметил, что на юбилейные краеведческие чтения прибыли более 130 человек из 35 регионов страны, из которых треть имеют учёные степени и учёные звания, что соответствует высокому научному уровню конференции. В выступлении за-

ДЕВЯТЫЕ ВСЕРОССИЙСКИЕ КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

Москва–Воронеж
15–19 мая 2015 г.

ПРОГРАММА

Обложка программы Девятых всероссийских краеведческих чтений.

ведущей кафедрой москвоведения ИАИ РГГУ, первого заместителя председателя Московского краеведческого общества, к.и.н., доцента А.Г. Смирновой обозначена преемственность московских общественных краеведческих объединений 1920-х гг. и Московского краеведческого общества, отмечающего также в 2015 г. свой 25-летний юбилей. Было подчёркнуто, что столичные краеведы проводят значительную работу, организуют конференции и чтения, издают книги, а знаковым фактором в краеведческом движении Москвы являются

Пензенское краеведение № 5 (15) 2015

ежемесячные конференции-презентации новой литературы по краеведению и москвоведению «Встречи на Никольской», ведущие свой отсчёт с 1997 г., на которых авторами было представлено более 1000 книг из многих регионов России.

Перед началом секционных заседаний была организована экскурсия в палаты Московского Печатного Двора (знаменитый «Теремок») – уникальный памятник средневековья, находящийся во дворе ИАИ РГГУ. Здесь в 1563–1564 гг. первопечатник Иван Федоров с помощником Петром Тимофеевым (Мстиславцем) напечатали первую датированную русскую книгу «Апостол». В январе 2015 г. «Теремок» после долгих лет возвращён РГГУ. Отделение краеведения и историко-культурного туризма ИАИ РГГУ и Союз краеведов России наметили планы восстановления уникальных палат, возвращение их в образовательное и культурно-историческое пространство Китай-города и Москвы, их частичной музеефикации и организации здесь научно-учебного и просветительного центра с целью проведения учебных занятий, публичных лекций, выставочных и экскурсионных мероприятий. Краеведы России и Москвы надеются, что «Теремок» вновь будет работать на просвещение, способствовать приумножению историко-культурного потенциала России.

Работа научного форума осуществлялась по секциям, отражающим основные направления современного исторического краеведения: «История отечественного краеведения. Подвижники краеведения» (руководители: к.ф.н. М.С. Дроздов, г. Черноголовка, Московская обл.; к.и.н. В.В. Машко, Москва); «Современные краеведческие объединения и краеведческое движение в России. Краеведческие издания, периодика, Интернет-ресурсы» (руководители: д.и.н., профессор В.И. Первушкин, г. Пенза, и Н.В. Шептяков, г. Котлас, Архангельская обл.); «Краеведение в музеях, архивах, библиотеках, высших и образовательных учебных заведениях» (руководитель: к.и.н., доцент О.В. Блинова, Омск); «Современные краеведческие

исследования. Городоведение. Церковное краеведение. Усадьбоведение» (руководители: д.и.н., профессор А.М. Пашков, г. Петрозаводск; д.и.н., профессор Н.В. Середина, г. Тверь); «Документальные памятники и архивные материалы в краеведческих исследованиях» (руководители: к.и.н. Л.В. Митрошенкова, г. Чехов, Московская обл.; к.и.н., доцент Л.В. Лебедева, г. Пенза); «Москвоведение: методика и практика исследований по истории и культуре Московского края» (руководители: д.и.н., профессор Э.Г. Истомина и кандидат искусствоведения С.И. Баранова, г. Москва); «Крымоведение: методика и практика исследований по проблемам истории и культуры Крыма» (руководители: к.и.н. Т.М. Фадеева и А.В. Гаврелюк, г. Москва); «Военно-поисковое движение и проблемы изучения и мемориализации событий военной истории края» (руководители: Л.А. Штавакер, г. Ростов-на-Дону; к.и.н., доцент И.А.Новиков, г. Челябинск); «События военной истории в регионах России. Великая Отечественная война в истории края» (руководители: Т.Л. Корецкая, г. Челябинск; д.т.н., профессор С.Б. Нестеров, г. Москва); «Краеведение и экскурсионно-туристическое дело» (руководители: к.п.н. А.Г. Озеров и Е.С. Барыбина, г. Москва). Всего же на этих секциях было заслушано 123 доклада.

Второй день работы чтений, по праву можно считать необычным, так как краеведческая общественность впервые ознакомилась с богатейшим старообрядческим наследием столицы, историей и культурой двух основных старообрядческих центров Москвы – Преображенским и Рогожским. Знакомство началось с района Преображенское, где представитель старообрядческой региональной организации содействия духовно-нравственному возрождению общества «Культурно-паломнический центр им. протопопы Аввакума» А.В. Подстригич провёл экскурсию от памятника первому гвардейцу Преображенского полка С.Л. Бухвостову (1659–1728), по Преображенскому старообрядческому монастырю – центру старообрядцев-ста-

Участники Девярых всероссийских краеведческих чтений.

ропоморов, храму Успения Божией Матери старообрядцев-поморцев, Преображенскому некрополю, где покоятся известные старообрядческие купеческие династии: Гучковы, Любушкины, Мараевы, Морозовы, Кочегаровы, Горбуновы, Быковы и др.

Далее на автобусе участники конференции переехали ещё в один известный старообрядческий центр столицы – Рогожское кладбище. Здесь знакомство началось с общей экскурсии и посещения кафедрального собора Покрова Пресвятой Богородицы, построенного в 1792 г. архитектором М.Ф. Казаковым. В недавно восстановленном доме притча – административно-культурном центре Русской православной старообрядческой церкви – осмотрели выставку старообрядческой иконописи, а об экспозиции выставки «Старообрядцы на службе Отечества», увлекательно рассказал атаман Рогожской станицы Д.А. Власов.

Открывая работу секции чтений «Русское старообрядчество и его наследие в истории и культуре края», митрополит Московский и всея Руси Русской православной старообрядческой церкви (РПСЦ) Корнилий (Титов) заметил, что краеведы сегодня могут говорить правду о прошлом, и особо подчеркнул связь христианского мировоззрения и исторического самосознания христианина, а также отметил важную роль краеведения

в изучении прошлого различных мест и в осмыслении отечественной истории.

Председатель Союза краеведов России В.Ф. Козлов рассказал о значимости изучения регионального аспекта старообрядчества для полной истории края.

Традиционная выездная часть чтений прошла 18–19 мая 2015 г. в стенах Воронежского государственного университета. Председатель Воронежского историко-краеведческого общества, профессор кафедры истории России университета, к.и.н. А.Н. Акинъшин приложил немало усилий, чтобы краеведческие чтения прошли на воронежской земле в год 300-летия получения Воронежем статуса губернского города.

На пленарном заседании, на правах гостеприимного хозяина, открывая воронежскую часть чтений и приветствуя гостей, ректор университета, д.э.н., профессор Д.А. Ендовицкий отметил, что Воронеж имеет давние и прочные краеведческие традиции, ведущие свой отсчёт с 1800 г., когда вышла в свет книга митрополита Евгения (в миру Евфимия Алексеевича Болховитинова) «Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии», а сегодня в вузе уделяется большое внимание историческому краеведению. Первый заместитель руководителя департамента образования,

Пензенское краеведение №5 (15) 2015

науки и молодёжной политики Воронежской области, к.и.н, доцент Г.П. Иванова и заместитель руководителя департамента культуры Воронежской области, начальник отдела туризма Е.А. Буйволова отметили роль чтений как важнейшего фактора в обмене опытом, накоплении новых краеведческих знаний и использовании их для развития туризма в городе и области.

На секционных заседаниях: «История и культура Воронежского края. События Великой Отечественной войны на территории края» (руководители: д.и.н., профессор М.Д. Карпачёв и к.и.н., доцент В.А. Алленова, г. Воронеж); **«Основные направления исторического и культурного развития Черноземья»** (руководители: д.и.н., профессор В.Н. Козляков, г. Рязань; к.и.н., доцент О.В. Скобелкин, г. Воронеж); **«Краеведение Чернозёмного региона: история, методика и практика исследований»** (руководители: к.и.н., профессор А.Н. Акиншин и доцент Л.В. Кригер, оба Воронеж); **«Краеведческие исследования в регионах России. Краеведение в высших учебных заведениях»** (руководители: д.и.н., профессор А.А. Севастьянова, г. Рязань и к.и.н., доцент А.И. Папков, г. Белгород) – был поднят широчайший спектр краеведческих вопросов.

Подводя итоги краеведческой недели, председатель Союза краеведов России профессор В.Ф. Козлов отметил неподдельный интерес, проявляемый в различных регионах страны к местному прошлому, о чём свидетельствуют многочисленные краеведческие издания, создание новых региональных отделений Союза краеведов России, а также активизация историко-краеведческих изысканий как среди профессиональных учёных, так и среди краеведов-любителей и школьников. По итогам чтений готовится сборник трудов, который будет издан в ближайшее время.

Основные издания Союза краеведов России: библиография 2010-2015 гг.

1. Вторые всероссийские краеведческие чтения (Москва, 26–27 мая 2008 г.),

Четвёртые всероссийские краеведческие чтения (Челябинск, 20–22 мая 2010 г.). М.: Издательский центр «Краеведение», 2011. – 542 с.

2. Первые псковские региональные краеведческие чтения, Псков, 18–20 ноября 2010 г. Псков: Псковское региональное отделение СКР: Фонд «Краеведь», 2011. 165 с., илл.

3. Краеведческая периодика России, 1992–2010: материалы к библиографии краеведческих периодических и продолжающихся изданий Российской Федерации / [сост.: А.И. Раздорский (отв. сост.), Л.И. Новикова, Е.И. Трубина]. СПб: Европейский дом, 2010. 158 с., цв. илл.

4. Краеведение как феномен провинциальной культуры: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 125-летию со дня рождения Андрея Фёдоровича Палашенкова (1886–1971) (Омск, 27–29 октября 2011 г.). Омск: ОГИК музеев, 2011. 694 с., илл., карты, портр.

5. Туманов В.Е. Наследие в школьном музее: методическое пособие. М.: Ин-т наследия, 2011. 242 с., табл.

6. Всероссийские краеведческие чтения: библиографическая роспись сборников материалов: вып. 1–4 / сост. М.А. Смирнова. Архангельск, 2012. 48 с.

7. Людмила Васильевна Иванова – краевед, москвовед, усадебовед: [сборник] / [сост.: В.Ф. Козлов, М.А. Полякова]. М.: Русская усадьба, 2012. 280 с. ил.

8. Пятые всероссийские краеведческие чтения Москва-Владимир, 27–28 мая 2011 г. М.: Издательский центр «Краеведение», 2012. 510 с., илл.

9. Шестые всероссийские краеведческие чтения (Москва – Можайск, 1–2 июня 2012 г.). М.: Издательский центр «Краеведение», 2012. 816 с.

10. Седьмые всероссийские краеведческие чтения (Москва–Омск, 13–17 мая 2013 г.). М.: Издательский центр «Краеведение», 2013. 728 с.

11. Совет Союза краеведов России. Сигурд Оттович Шмидт (1922–2013): [некролог] // Библиография. 2013. № 3(386). С. 158–159.

В.И. Первушкин

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ СРАЖЕНИЮ ПОД ШИШЕВСКИМ ЛЕСОМ В 1365 ГОДУ

29–30 октября 2015 г. в г. Рязани и р.п. Шилово Рязанской области проходила Всероссийская научно-практическая конференция «Сражение под Шишевским лесом на Воино – родина и начало первых русских ратных побед».

Научный форум был организован Рязанским государственным университетом им. С.А. Есенина, Рязанским историческим обществом, Шиловским историко-краеведческим обществом памяти И.И. Срезневского и Администрацией муниципального образования – Шиловский муниципальный район. Модератором конференции являлся д.и.н., профессор РГУ П.В. Акульшин.

В работе конференции приняли участие ученые, краеведы, учителя и музей-

ные работники из Рязани, Москвы, Санкт-Петербурга и Пензы.

Региональную общественную организацию краеведов Пензенской области представлял д.и.н., профессор В.И. Первушкин с докладом «Средневековый город Мохши».

Конференция явилась значимым научным событием, посвященным 650-летию разгрома монголо-татар во главе с беком Тагаем под Шишевским лесом, близ современного р.п. Шилово, войсками рязанского князя Олега Ивановича. По нашему глубокому убеждению, эти события явились началом формирования Российской государственности в Примокшанье.

Пензенское краеведение №5 (15) 2015

Сведения об авторах

Агаева Ирина Васильевна – научный сотрудник экспозиционно-выставочного отдела ГБУК «Пензенский краеведческий музей».

Евневич Татьяна Алексеевна – директор Государственного архива Пензенской области.

Зименков Владимир Николаевич – директор ГБУК «Пензенский краеведческий музей».

Иванова Любовь Николаевна – зав. сектором природы экспозиционно-выставочного отдела ГБУК «Пензенский краеведческий музей».

Кайманова Татьяна Александровна – доцент ПГУ, специалист Пензенского литературного музея.

Кладов Виктор Юрьевич – к.и.н., зам. директора по научной работе МУК «Музейно-выставочный центр» г. Заречного.

Ковылов Сергей Александрович – учитель истории МБОУ СОШ № 30 г. Пензы.

Кузьмина Татьяна Николаевна – к.и.н., доцент ПГУ.

Кузнецова Нина Геннадиевна – к.п.н., доцент ПГУ.

Кузьмиров Юрий Михайлович – краевед.

Леонова Наталья Алексеевна – к.б.н., доцент ПГУ.

Макарова Юлия Николаевна – главный хранитель ГБУК «Пензенский краеведческий музей».

Мельничук Геннадий Анатольевич – краевед, историк-архивист, член Союза писателей России.

Мурашов Дмитрий Юрьевич – к.и.н., ученый секретарь ГБУК «Пензенская областная библиотека им. М.Ю. Лермонтова».

Нестеров Сергей Борисович – д.т.н., профессор, член Совета Союза краеведов России.

Никушкин Сергей Александрович – хранитель фондов ГБУК «Пензенский краеведческий музей».

Новикова Любовь Александровна – д.б.н., профессор ПГУ.

Первушкин Владимир Иванович – д.и.н., профессор ПГУ, председатель Региональной общественной организации краеведов Пензенской области, член всероссийского Совета Союза краеведов России.

Савина Мария Леонидовна – писатель и краевед.

Соболев Александр Николаевич – краевед, г. Заречный Пензенская область.

Степанова Наталья Владимировна – к.т.н., член Союзов журналистов и краеведов России.

Сухова Ольга Александровна – д.и.н., профессор, зам. зав. кафедрой истории России, краеведения и методики преподавания истории ПГУ.

Тарасов Анатолий Фёдорович – педагог дополнительного образования «МОБУ ДОД ЦВР» на базе МОБУСОШ им. С.А. Суркова, с. Богословка, Пензенского района, Пензенской области.

Шарошкин Николай Алексеевич – д.и.н., профессор ПГУ.

Юшечкина Дарья Анатольевна – студентка историко-филологического факультета ПГУ, председатель молодежного отделения Региональной общественной организации краеведов Пензенской области.

Корректоры — М.Л. Савина, Т.В. Устимкина

К сведению авторов:

*С требованиями к оформлению статей для журнала вы можете ознакомиться на сайте Региональной общественной организации краеведов Пензенской области:
www.kraeved-pnz.ru.*

*Подписано к печати 10.11.15. Формат 60x84/8. Бумага писчая белая. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 10. Уч.-изд. л. 9,3. Тираж 200 экз. Заказ № 10/11.*

*Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ИП Соколова А.Ю.:
440600, г. Пенза, ул. Кирова, 49, оф. 3*